

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (4)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2009**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 2 (4)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2009**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Рябов В.В.

(Председатель)

Геворкян Е.Н.

(Зам. председателя)

Атанасян С.Л.

Русецкая М.Н.

(Зам. председателя)

доктор исторических наук, профессор,
ректор ГОУ ВПО МГПУ

доктор экономических наук, профессор,
проректор по научной работе ГОУ ВПО МГПУ

кандидат физико-математических наук, профессор,
проректор по учебной работе ГОУ ВПО МГПУ

кандидат педагогических наук, доцент,

проректор по инновационной деятельности ГОУ ВПО МГПУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

(Главный редактор)

Данилов А.А.

Кириллов В.В.

Корнилов В.А.

Карпачев С.П.

Леванов Б.В.

Митрофанов К.Г.

Михайловский Ф.А.

(Составитель)

Пашенцев Е.Н.

Ртищева Г.А.

Уколова В.И.

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

кандидат исторических наук, профессор,
декан исторического факультета

кандидат исторических наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной истории

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

кандидат исторических наук,
зав. кафедрой методики преподавания истории

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

кандидат исторических наук, доцент

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всеобщей истории

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

ISSN 2074-7829

© Московский городской педагогический университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Революционные движения

- Ушаков А.В.* Учителя и врачи России в общественно-политическом движении конца XIX – начала XX веков 8
- Касаров Г.Г.* Политическая борьба меньшевиков за центральные органы партии (1903–1904 гг.)..... 18

Экономическая история

- Соколов И.А.* Чай и чайная торговля в России в XIX – начале XX веков 28

История России дореволюционного периода

- Репинецкий С. А.* Санкт-Петербургский комитет иностранной цензуры в борьбе с крамолой (1856–1860 гг.)..... 39

История России советского периода

- Боева Л.А.* Ликвидация партий социалистов органами ГПУ–ОГПУ в годы нэпа 51
- Рябцева Р.Н.* Московская городская детская комиссия: опыт инспекторской деятельности 64

История культуры

- Акашев Ю.Д.* Понятие родины у древних росов 74
- Давыдова А. Б.* Храмы Сераписа в Египте: социокультурный контекст 83

Источниковедение

- Карпачев С.П.* Интернет-ресурсы как источник изучения
современного масонства 92

Историография

- Платонова А.А.* Городские сословия XIX века в постсоветской
историографии 99

Юбилей

- Чернова М.Н.* К 80-летию Г.И. Годера 106
- Воронцова А.Ю., Михайловский Ф.А.* Научно-методические
труды Г.И. Годера 109

- Аннотации и ключевые слова** 118

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».**
2009, № 2 (4) 125

CONTENTS

Revolutionary Movements

- Ushakov A.V.* Teachers and Medical Employees of Russia
in the Social and Political Movement at the Turn of the XX th Century8
- Kasarov G.G.* Political Struggle of Mensheviks for the Central
Bodies of Party in 1903–190418

Economic History

- Sokolov I.A.* Tea and Tea Trade in Russia in XIX – Beginning of
XXI Century28

History of Russia of the Pre-revolutionary Period

- Repinetsky S.A.* Foreign Censorship Committee of St. Petersburg
in Combating Sedition (1856–1860)39

History of Russia of the Soviet Period

- Boeva L.A.* Liquidation of Socialist Parties by GPU-OGPU
in the Years of NEP.....51
- Ryabtseva R.N.* The Moscow City Children’s Commission:
Experience of Inspection Activity64

History of Culture

- Akashev Yu.D.* The Idea of the Native Land of Antic Russian People74
- Davydova A.B.* Social and Cultural Context of Sarapis’ Temples in Egypt .83

Historical Sources

- Karpachev S.P.* Internet-Resources as Sources for Studing of Modern French Masonry92

Historiography

- Platonova A.A.* City Estates of XIX-th Century in the Postsoviet Historiography99

Jubilee

- Chernova M.N.* The 80th Birthday of G.I. Goder106
- Vorontsova A.Yu., Mikhailovsky F.A.* The Scientific and Methodical Works Written by Professor G.I. Goder.....109

Annotations and Key-words.....118

- Authors of «Vestnik of MCPU», Series «Historical Studies», 2009, № 2 (4).....125**

А.В. Ушаков

Учителя и врачи России в общественно-политическом движении конца XIX – начала XX веков

Тяжелые материальные, бытовые, производственные и правовые условия, а главное — близость к народу благодаря условиям труда и сочувствия ему способствовали тому, что учителя активно участвовали в общественной жизни. Одной из форм такого участия было создание учительских объединений.

В конце XIX века появились первые профессиональные организации учителей — «Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в начальных училищах». До 1890 г. существовало 4 таких общества, с 1890 по 1895 гг. возникло 19, с 1896 по 1899 гг. — 28, с 1899 по 1902 гг. — 20. Таким образом, к 1902 г. имелось 71 общество взаимопомощи учителей [6]. В 1901 г. в 53 обществах взаимопомощи, давших сведения, состояло 21 695 членов (РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 623. Л. 88-89 об.).

В нормальном уставе, утвержденном Министерством народного просвещения 5 июля 1894 г. (и в добавлении к нему об уездных отделениях от 18 сентября 1903 г.), говорилось, что общества ставили своей целью оказание материальной помощи своим членам (в виде пособий и ссуд), подыскание им работы, предоставление удешевленной медицинской помощи, заботы об улучшении условий труда учителей, снабжении их книгами и т.д. В 10 обществах имелись библиотеки, в 9 — кабинеты для чтения, в 2 — педагогические музеи, в 18 — общежития для обучающихся в городе учительских детей, в 2 — собственные санатории, в 8 — помещения для собраний, в 15 — квартиры для приезжающих в город учителей и т.д. (Там же. Л. 89-90).

Очень активным учительским объединением был «Союз народных учителей», созданный эсерами. У истоков его стояли вожди Партии социалистов-революционеров Е.К. Брешко-Брешковская и Г.Л. Гершуни. В 1902 г. были заложены основы союза. Центром стали Московская группа СЧУ во главе с С.И. Акра-

мовским. В 1903 г. на учительском съезде союз конституировался. В прокламации союза, выпущенной в январе 1903 г., говорилось, что если легальная борьба с царизмом за народное просвещение невозможна, то надо вести борьбу нелегальную (ГАРФ. Отдел печати. I. 296). В резолюции первого съезда союза, состоявшегося в 1903 г., заявлялось: «Члены Союза объявляют себя революционерами и социалистами, так как ближайшей целью ставят свержение самодержавия, а конечной — осуществление социалистического строя». Союз не был организован по узкопрофессиональному признаку. Съезд постановил: «Признавая профессиональное объединение вообще целесообразным, как основу прочного и устойчивого развития революционных организаций, не ограничивать, однако, состав Союза лицами одной учительской профессии». На съезде было принято решение объединить все революционные силы, чтобы не выступать «ни под одним из существующих флагов». «Союз народных учителей» ставил своей целью создание местных нелегальных учительских организаций, снабжение учителей революционной литературой, распространение ее среди населения, помощь членам союза, подвергшимся репрессиям. В Москве союзом была создана типография. С мая по ноябрь 1903 г. Союз распространил 1 500 экземпляров собственных прокламаций и разослал в 35 больших и 200 маленьких библиотек. Лидеры партии эсеров были довольны его деятельностью. 14 декабря 1903 г. революционер, публицист и историк Л.Э. Шишко писал известному политическому деятелю Н.В. Чайковскому, что союз активно действовал в глубинах центральной России, «в которых было мало сделано до сих пор» [4: с. 62].

Одной из форм объединения учителей были их съезды. Зимой 1895–1896 гг. состоялся второй Всероссийский съезд деятелей по техническому образованию. Во время прений учителя резко выступили против сторонников церковной школы, отмечая преимущества земской школы. Важное значение имело принятие общим собранием резолюции о всеобщем народном образовании. На съезде обсуждалось и положение учителей. Была создана специальная комиссия о нуждах учителей и организовано особое частное совещание. Однако никаких конкретных решений принято не было [1: с. 241–242].

В 1896 г. в Нижнем Новгороде во время Всероссийской торгово-промышленной выставки опять собрались учителя (неофициально). Во время этих встреч проходили многочисленные беседы о положении учителей и начальном образовании [1: с. 241–242].

Очень большую роль в движении учителей сыграл Всероссийский съезд учителей, состоявшийся в Москве в декабре 1902 – январе 1903 г.

Инициатором созыва съезда выступило в 1900 г. Калужское общество взаимопомощи. Его поддержало Московское общество, в котором содержалась программа работы съезда: общие вопросы улучшения быта учащихся, их материального положения, видов материальной помощи, содействия в устройстве на работу, помощи учителям в их самообразовании, объединения деятелей учительских обществ и т.д. Эта программа далеко выходила за изданные в 1899 г. Правила об учительских съездах, в которых не разрешалось касаться иных вопросов, кроме

учебных (ЦГА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8760. Л. 3-3 об.). Московское общество обратилось также с ходатайством к правительству. Министр народного просвещения Э. Зенгер, предполагая, что съезд будет малолюдным и «ограничится в суждениях своих пределами, поставленными нормальным уставом», разрешил его открыть. При этом Э. Зенгер большие надежды возлагал на внесенные министерством в программу дополнительные пункты, которые должны были обеспечить властям полный контроль над работой съезда, исключавший какие-либо неожиданности. Согласно этим дополнениям, заседания съезда должны были происходить в присутствии наблюдателей, назначаемых попечителем московского учебного округа; председатель съезда, которым был назначен князь П.Д. Долгоруков, обязан был по требованию наблюдателей прервать речь любого оратора; в случае «беспорядков» съезд мог быть немедленно закрыт (РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 632. Л. 91-92).

Правительство очень скоро убедилось в просчете. Еще до открытия съезда, во время его подготовки, резко усилились радикальные настроения среди учителей. В течение 1902 г. происходили заседания обществ взаимопомощи, на которых обсуждались доклады для съезда, причем власти были очень обеспокоены тем, что в обществах обсуждались вопросы, «далеко выходящие за их компетенцию» (РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 623. Л. 93 об.).

Вопреки надеждам правительства съезд оказался многолюдным. Официально было зарегистрировано 438 делегатов. Но присутствующих было гораздо больше. Помимо делегатов из разных мест России большими группами съехались народные учителя, не имевшие делегатских полномочий: из Богородского уезда прибыло 75 человек, из Елецкого — тоже 75 человек и т.д. Характерно, что в работе съезда помимо учителей принимали участие многие представители других профессий: врачи, статистики, юристы, журналисты, студенты, курсистки и др. Из числа делегатов учителей было зарегистрировано 137 (31%), а прочих — 301 (69%). Таким образом, учительский съезд превратился в массовое собрание представителей широких кругов демократической интеллигенции. Газета «Московский листок» писала, что первое заседание происходило в аудитории Исторического музея, вмещавшей 900 человек, которая «была набита до невозможности», так что делегатам «приходилось стоять в сплошной толпе» (Московский листок. — 1902. — 31 декабря).

Съезду было предложено 172 доклада. Наибольший интерес вызвали доклады: «Правовое положение учителя», «Об общественном положении народного учителя, вышедшего из крестьянской среды», «Об исходатайствовании права повсеместного жительства для учителей — евреев», «Об организации постоянного союза учительских обществ взаимопомощи». При обсуждении почти каждого вопроса делегаты-учителя обличали порядки самодержавной России, касаясь и определения Департамента полиции, «вопросов общегосударственного свойства» (ГАРФ. Ф. ДП. 00. Д. 75. Л. 14-21).

Председатель съезда князь П.Д. Долгоруков отказался обсуждать доклад о правовом положении учителя. Тогда в знак протеста делегаты покинули зал заседания. На следующий день, собравшись в соседней аудитории, они пред-

ложили выразить порицание министру народного просвещения, запрещавшему обсуждение подобных вопросов. П.Д. Долгоруков заявил, что действия учителей напоминают действия студентов. Один из присутствующих ответил, что учителя выражают волнующимся студентам свое полное одобрение. «Искра» писала по этому поводу: «Мы ещё в первом номере «Искры» обращались с призывом к народным учителям. Поздравляем же их с тем, что они удостоились выслушать от благоразумных пескарей сравнение с протестующими студентами. Пожелаем им скорее заслужить своей политической борьбой сравнение и с революционным пролетариатом» (Искра. — 1903. — 1 февраля. — № 33).

П.Д. Долгоруков не смог помешать учителям говорить о своей бесправии. Делегаты заявляли, что учителя находятся в зависимости от «подонков крестьянского общества» — сельских старост и кулаков, что «пора освободить учителя от полицейского надзора», что необходимо покончить с таким позорным явлением, как телесные наказания учителей, вышедших из крестьянской среды, что необходимо «уравнять женщин — учительниц с мужчинами во всех правах», что власти мешают учителям повышать свое образование, так как «правительство боится образованного учителя», и т.д. (ГАРФ. Ф. ДП. 00. Д. 75. Л. 6, 7 об., 9-10).

Для подготовки резолюции о правовом положении учителя была избрана комиссия, представившая свои тезисы. В них говорилось: «Избавить учителя от полицейского надзора за их поведением и политической неблагонадежностью и не исключать их со службы в случаях безрезультатности обысков полиции; избавить их от инспекторского надзора, который хуже полицейского; избавить земские школы от вмешательства со стороны духовенства, которое может лишь следить за церковно-приходскими школами; избавить школу от вмешательства в ее распоряжения со стороны земского начальника; предоставить учителям самоуправление школой с тем, чтобы они отдавали отчет по ходу занятий в одной земству; отрешать учителей от должности только по суду; отменить телесные наказания крестьян, так как таковое позорит человеческое достоинство, и вообще избавить от зоркого наблюдения агентов» (ГАРФ. Ф. ДП. 00. Д. 75. Л. II). Хотя было разрешено зачитать лишь часть тезисов, их чтение вызвало аплодисменты и крики «браво!».

Горячо обсуждался вопрос об объединении учителей. Делегаты рассказывали о полицейских преследованиях интеллигенции при попытках устроить даже самое небольшое совещание. При этом известный деятель народного образования Н.В. Чехов заявил, что «законы не за нас, а против нас». Было предложено образовать Всероссийский учительский союз, располагающий профессиональным печатным органом (Там же. Л. 6-6 об.).

Участники съезда резко критиковали политику правительства в области просвещения. Делегаты говорили, что на народное образование отпускается всего лишь 2% государственного дохода. Министерство народного просвещения вместо помощи учителям засыпает их многочисленными туманными циркулярами, которые совершенно неприменимы на практике.

Каждое заседание съезда напоминало политический митинг. Полиция доносила, что «все тенденциозные заявления докладчиков и оппонентов были покрываемы шумными аплодисментами присутствующих». Во время одного заседания делегат (имя которого полиция не смогла установить), встав со своего места, стал громко читать прокламацию. 1 января состоялся учительский вечер. В зал пытался ворваться пристав, но учителя его долго не пускали, а, впустив, пропели революционную «Дубинушку». Чиновники Министерства народного просвещения с горечью констатировали: «Таким образом, все надежды учебного ведомства путем разных стеснительных мер оградить съезд от нежелательных инцидентов и поставить его в рамки, указанные правилами об его устройстве, оказались тщетными...» (ГАРФ. Ф. ДП. 00. Д. 75. Л. 6, 12; РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 623. Л. 109 об.). Съезд закрылся 6 января 1903 г. при громадном стечении публики. Он стал ярким свидетельством выросшей политической активности работников народного образования.

29 декабря 1903 г. в Петербурге открылся III съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию. Он оказался ещё более массовым, чем Московский учительский съезд. На нем было 3198 делегатов, из них 595 учителей начальной школы. Как и на Московский съезд, прибыло много представителей других профессий (771 человек). Характерно, что приехали наиболее активные участники Московского съезда, в том числе многие московские учителя (РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 623. Л. 126-126 об.).

Резолюции III съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию носили ещё более острый характер, чем решения Московского съезда. Огромное значение имело требование съезда о 8-часовом рабочем дне для рабочих. Съезд также принял резолюции о свободе печати, о разрешении рабочих союзов, об обязательном обучении малолетних рабочих, об открытии школ и курсов для рабочих без ограничения программы, о введении обязательного всеобщего народного образования, о преподавании в школах на родном языке, об изъятии школьного дела из ведения Синода, об отмене расовых ограничений при приеме в высшие учебные заведения и т.п. Газета «Нижегородский рабочий листок» писала: «Не хватало лишь одного постановления — об уничтожении самодержавия. Когда спросили в шутку одного из членов, почему съезд не сделал такое постановление, то он ответил: «Потому что это всеми подразумевалось само собой» (ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 2. Ч. II. Д. 5956; РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 623. Л. 126-126 об.; Нижегородский рабочий листок. — 1904. — 7 марта. — № 6). Таким образом, оппозиционность учителей была чрезвычайно велика.

Оппозиционные настроения охватили и медицинских работников. Подобно учителям они создали свои профессиональные общества. Во второй половине XIX века их возникло свыше 70. Некоторые из них имели от 100 до 300–400 членов [3: с. 53]. Появились общества врачей, ветеринаров, фельдшеров, фармацевтов. Общества врачей существовали в Москве, Архангельске, Батуми, Белгороде, Вятке, Иркутске, Казани, Калуге, Кронштадте, Минске, Могилеве, Одессе, Пскове, Ростове-на-Дону, Тамбове, Тоске, Ярославле. Общества ветеринарных врачей

имелись в Москве и Петербурге; фельдшеров — в Москве, Казани, Петербурге, Екатеринославле, Тамбове, Курске и Киеве; общества фармацевтов — в Москве и Петербурге [2: с. 188–189]; (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 9. Д. 502. Л. 13-16; Оп. 11. Д. 229/900. Л. 13 об. – 20).

Ведущее место принадлежало Всероссийскому обществу русских врачей имени Н.И. Пирогова. С трибуны съездов оно ставило многие проблемы социальной санитарии и гигиены. В XX в. (по апрель 1917 г.) состоялось 7 съездов общества, собиравших по 2 000 и более участников [3: с. 53]. В Москве в конце XIX века было 20 медицинских обществ [9: с. 25].

В обществах медицинских работников обсуждались не только медицинские вопросы, но и многие проблемы народа, тесно связанные с задачами здравоохранения, профилактики заболеваний, борьбы с туберкулезом, венерическими заболеваниями, смертностью, проституцией и т.д. Это неизбежно приводило к постановке общественно-политических проблем и к антиправительственным настроениям, к участию в революционном движении.

В Московском обществе ветеринарных врачей, созданном в 1880 г., многие его члены придерживались антиправительственных взглядов. Начальник Московского охранного отделения С.В. Зубатов писал в 1900 г. об этой организации: «Состав правления этого общества сформирован поголовно из лиц политически неблагонадежных» [7: с. 97]. Общество оказывало материальную помощь ветеринарам, пострадавшим от политических репрессий. Его печатный орган «Ветеринарное обозрение» публиковал статьи, содержавшие критику самодержавно-полицейских порядков в стране.

В 1898 г. врачи московского городского управления обратились к властям с просьбой разрешить учредить «Общество городских врачей». Но в докладной записке Московского охранного отделения на имя московского обер-полицеймейстера указывалось, что лица, подписавшие проект устава общества, скомпрометировали себя в политическом отношении (Сперанский, Прянишников и Адельгейм) [7: с. 97–98]. По таким же причинам было отказано открыть «Московское зубоврачебное общество». Когда в 1900 г. «Московское общество взаимопомощи фельдшеров и фельдшерниц» ходатайствовало о разрешении издавать свой печатный орган, С.В. Зубатов заявил, что это позволит фельдшерам обсуждать свое положение, а «также уклонение Общества в область политики должно быть совершенно неустрашимым, так как вопрос о экономическом и политическом положении фельдшеров, будучи для них, в силу наибольшей конкретности, самым существенным, займет в издании первое место» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 9. Д. 502. Л. 13-16, 19; Оп. 20. Д. 224/900. Л. 4).

В 1904 г. в Москве возникла группа земских врачей во главе с П.И. Куркиным. Группа объявила себя внепартийной организацией. В ее состав кроме врачей входили и другие земские служащие (600 чел.). Не принимая активного участия в революционном движении, они оказывали большую материальную помощь политическим партиям (РСДРП, Партии социалистов-

революционеров, Союзу освобождения). Ими было собрано и передано этим партиям 50 тыс. рублей [3: с. 54; 7: с. 99].

Среди медицинских работников, в том числе и членов их обществ, было много участников революционного движения. В ЦК РСДРП (1898–1910 гг.) входили врачи А.А. Богданов, Ф.В. Гусаров, Г.Д. Лейтензен, В.Н. Розанов, Н.А. Семашко, Б.Л. Эйдельман. Членами Центрального комитета Партии социалистов-революционеров были врачи А.И. Потапов, А.В. Прибылов, В.В. Руднев, А.Ю. Фейт, А.А. Бельский, Д.Д. Донской, И.Н. Коворский и А.В. Фрейфельд [8: с. 768–774].

Только в Москве в революционные организации входили врачи А.Н. Винокуров, М.В. Владимирский, В.А. Обух, Б.Н. Васильев, Л.В. Волков, Н.А. Кост, Х.И. Энтина, Н.Э. Бауман, Д.Д. Бекарюков, С.И. Черномордик, В.Я. Каналь, С.И. Мицкевич, В.К. Рене, С.С. Абарцумян, Е.П. Первухин, В.М. Савков, слушательница зубо врачебных курсов Р.М. Бонар, слушательницы фельдшерских курсов А.А. Волкова и Л.Г. Атрощенко, фелдшерницы Л.И. Биронт, Е.Н. Батурина, акушерка П.И. Винокурова и другие [7: с. 100].

Важную роль в общественно-политическом движении медицинских работников играли их съезды. Уже 6-й Пироговский съезд врачей, проходивший в Киеве в 1896 г., вынес резолюцию о необходимости сокращения рабочего дня для рабочих до 8 часов (Русский врач. – 1902. – № 3. – С. 91).

В 1902 г. в Москве состоялся 8-й Пироговский съезд с участием двух тысяч врачей. В Докладах и резолюциях делегатов звучали общеполитические требования. Известным общественным деятелем Д.Н. Жбанковым был прочитан доклад «О допущении женщин в университет». Съезд принял решение ходатайствовать перед правительством об отмене телесных наказаний крестьян. Особенно много внимания уделил съезд рабочему вопросу. В выступлениях врачи (Г.П. Выдрин, С.Д. Чечулин и др.) говорили о тяжелых условиях труда и быта железнодорожных, ремесленных, сельскохозяйственных рабочих, телеграфистов и др. В докладе профессора Шервинского о мерах борьбы с туберкулезом заявлялось, что победить эту болезнь можно будет лишь в том случае, если всему населению будет обеспечена бесплатная медицинская помощь, введение страхования на случай болезни, инвалидности и в старости, а также страхование их семей на случай смерти рабочего, законодательно установлена охрана труда и отдыха. Резкой критике подвергли врачи состояние медицинского дела в России. В докладе врача А.А. Чертова отмечалось, что лишь в 32 городах страны (12,4%) имелись больницы, причем с ничтожным числом коек. При закрытии съезда один врач заявил о несовершенстве политического строя. В ответ последовали рукоплескания. Когда же был исполнен царский гимн, не раздалось ни единого хлопка (Русский врач. – 1902. – № 6. – С. 213, 229; № 7. – С. 272; № 12. – С. 475; № 14. – С. 553–556).

Особенно яркую антиправительственную направленность принял 9-й Пироговский съезд, состоявшийся 4–11 января 1904 г. в Петербурге, с участием 2 500 врачей. На нем присутствовали также делегаты только что закрытого III съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию. Присутствовала также учащаяся молодежь и другие радикальные представители интеллигенции.

По политическим взглядам состав съезда был неодинаков. Правое крыло представляли преимущественно профессора Военно-медицинской академии. Они были за то, чтобы съезд держался лишь специальных научных и профессиональных вопросов и возбуждал ходатайства перед правительством в лояльных формах. Центр представляли либералы — руководители губернских санитарных бюро, например Курского — В.И. Долженков, Московского — И.В. Попов и др. Они соглашались ставить общественно-медицинские вопросы, но в умеренных рамках. Левое крыло было представлено преимущественно рядовыми земскими и городскими врачами (Д.Я. Дорф, С.Н. Корженевский, П.Ф. Кудрявцев, Н.И. Долгополов, С.Я. Елпатьевский и др.). Они находились под влиянием эсеров и были за внесение большей остроты в прения и резолюции. На крайне правом фланге находилась группа социал-демократов (С.И. Мицкевич, И.А. Хесин, Б.А. Юрковский, В.П. Краснуха). Им удавалось проводить острые политические резолюции [5: с. 123–124].

Оппозиционный характер съезда проявился сразу же в том, что им было принято решение не возбуждать никаких ходатайств ввиду их полной безрезультативности, а ограничиться одними постановлениями, так как в них можно полнее и разностороннее выразить свое мнение (ПД. Ф. 266. Оп. 2. Д. 596. Л. 6). О чем бы ни говорилось на съезде — детских болезнях, борьбе с малярией, туберкулезом и т.д. — везде проводилась мысль о том, что борьба за народное здоровье может быть успешной лишь при достижении политической свободы. По сообщениям полицейских агентов, врачи произносили «речи явно противоправительственного направления». Они «свидетельствовали о крайне оппозиционном отношении ораторов к существующему в России государственному строю». На объединенном заседании секций общественной медицины, гигиены, внутренних болезней и бактериологии была принята резолюция: требовать неприкосновенности личности, свободы слова, печати и собраний (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 12. Д. 1416. Л. 9-9 об.; ПД. Ф. 266. Оп. 2. 596. Л. 6). В одной из резолюций говорилось, что успешная борьба с заболеваемостью и охрана здоровья рабочих возможны только при установлении восьмичасового рабочего дня и разрешении пролетарских союзов [5: с. 128–129].

Съезд, таким образом, превратился в политический митинг. 11 января председатель заявил о закрытии съезда и отказался зачитать его постановление. Это вызвало возмущение присутствующих. Чтобы заглушить антиправительственные речи, военному оркестру было приказано играть. Тогда врачи начали ломать стулья и их обломками бросать в музыкантов, чтобы они прекратили игру. Вслед за тем 500 депутатов собрались в соседнем зале, где зачитали политические резолюции. Выступившие ораторы заявили, что добиться их можно лишь при свержении самодержавия. С пением «Отречемся от старого мира» врачи двинулись к выходу. Ворвавшиеся жандармы арестовали несколько человек (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 1416. Л. 10).

В движение начинают активно включаться работники аптек. В январе 1900 г. в Москве состоялся III Фармацевтический съезд. На нем присутствовали как хо-

зьява аптек, так и рядовые служащие. Но делегатский взнос был чрезвычайно высок, и заседания проходили в рабочее время, когда аптеки были открыты, поэтому простые фармацевты не всегда могли присутствовать на заседаниях. Обсуждались вопросы о продолжительности рабочего времени, о введении двойной смены работы, о замене квартирного и столового довольствия денежной выплатой. Но из-за преобладания на фармацевтическом съезде хозяев аптек положительных решений в пользу аптекарских работников вынесено не было [7: с. 98].

В марте 1901 г. фармацевты Москвы создали нелегальные организации «Совет уполномоченных» и «Союз борьба за 7-часовой труд». На сходке представителей всех аптек были выработаны единые требования ко всем хозяевам. Главное из них — сокращение рабочего дня до семи часов. «Союз борьбы за 7-часовой труд» обратился к служащим аптек с воззванием: «Сплотимся, друзья, плотной стеною, двинемся на аптекарей, потребуем у них давно назревших потребностей наших без всякого снисхождения; потребуем у них 7-часового труда... Итак, товарищи, дружно начнем борьбу в полной уверенности в успехе» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 91. Д. 6. Л. 64). Следуя этому призыву, забастовали фармацевты в аптеках Рубановского, Розенберга, Лунца, Фина, Кейзера, Нейбурга и Мартинсона. Стачка стала перерастать во всеобщую, но арест фармацевтов предотвратил ее (Там же. Л. 62; Д. 102. Л. 3-6).

По примеру московских товарищей оставили работу фармацевты аптек Фишера в Ярославле, также потребовавшие установления 7-часового рабочего дня. Желая найти штрейкбрехеров, Фишер поехал в Москву. Но никто из московских фармацевтов не нарушил солидарность. Стачка в Ярославле закончилась победой: хозяин был вынужден вдвое сократить рабочий день (с 14 до 7 часов).

Правительство решило применить зубатовские меры в борьбе с движением работников аптек. В охранку был вызван один из руководителей фармацевтов в Москве Г.А. Дженелидзе. После соответствующего внушения он повел агитацию за создание фармацевтического общества, которое добивалось бы улучшения положения работников аптек исключительно мирными средствами. Такая зубатовская организация была создана. Она получила название «Северное общество фармацевтов» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 91. Д. 102. Л. 5-6).

Однако, несмотря на действия зубатовцев, движение работников аптек не прекращалось. В 1903 г. волнения фармацевтов произошли в Дмитровском и Болгарском уездах Московской губернии, забастовка в Центральной аптеке Двинска (ГАРФ. Ф. ДП. 00. Д. 9. Ч. 43. Л. 12; Д. 303. Л. 1-2). Таким образом. Представители массовых профессий интеллигенции — учителя и медицинские работники, близкие к народу, защищали его интересы и проявляли все большую оппозиционность правительству.

Литература

1. *Золотарев С.* Очерки учительского объединения в России / С. Золотарев // Профессиональные учительские организации на Западе и в России: Сб. ст. — Пг.: Школа и жизнь, 1915. — С. 239–250.

2. История продвижения ленинградских работников лечебно-санитарного, аптечного и ветеринарного дела. – Л.: б/и, 1925.
3. *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах / В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.
4. *Леонов М. И.* Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России / М.И. Леонов. – Куйбышев: Изд-во Куйбышевского ун-та, 1987. – 97 с.
5. *Мицкевич С. И.* Записки врача-общественника. 1888–1918 / С.И. Мицкевич. – М.; Л.: Медгиз, 1941. – 194 с.
6. *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н.М. Пирумова. – М.: Наука, 1986. – 370 с.
7. *Повадин С. П.* Гегемония пролетариата в движении медицинских работников Москвы накануне первой российской революции / С.П. Повадин // Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГОПУ, «Альфа», 1985. – С. 94–105.
8. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.
9. Свод узаконений и распоряжений правительства по врачебной и санитарной части империи. Список обществ врачей, ветеринаров, фармацевтов и рабочих по городам на 1 января 1896 г. Приложение. – СПб., 1895–1896.

Literatura

1. *Zolotarev S.* Ocherki uchitel'skogo ob'edineniya v Rossii / S. Zolotarev // Professional'nye uchitel'skie organizatsii na Zapade i v Rossii: Sb. st. – Pg.: Shkola i zhizn, 1915. – S. 239–250.
2. Istoriya prodvizheniya leningradskih rabotnikov lechebno-sanitarnogo, aptechnogo i veterinarnogo dela. – L.: b/i, 1925.
3. *Leykina-Svirskaya V. R.* Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 godah / V.R. Leykina-Svirskaya. – M.: Mysl', 1981. – 285 s.
4. *Leonov M. I.* Levoe narodnichestvo v nachale proletarskogo etapa osvoboditel'nogo dvizheniya v Rossii / M.I. Leonov. – Kuybyshev: Izd-vo Kuybyshevskogo un-ta, 1987. – 97 s.
5. *Mitskevich S. I.* Zapiski vracha-obshchestvennika. 1888–1918 / S.I. Mitskevich. – M.; L.: Mtdgiz, 1941. – 194 s.
6. *Pirumova N. M.* Zemskaya intelligentsiya i ee rol' v obshchestvennoy bor'be do nachala XX v. / N.M. Pirumova. – M.: Nauka, 1986. – 370 s.
7. *Povadin S. P.* Gegemoniya proletariata v dvizhenii meditsinskih rabotnikov Moskvy nakanune pervoy rossiyskoy revolyutsii / S.P. Povadin // Voprosy gegemonii proletariata v osvoboditel'nom dvizhenii Rossii perioda imperializma: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. – M.: MGOPU, «Al'fa», 1985. – S. 94–105.
8. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka. – M.: ROSSPEN, 1996. – 800 s.
9. Svod uzakoneniye i rasporyazheniy pravitel'stva po vrachebnoy i sanitarnoy chasti imperii. Spisok obshchestv vrachev, veterinarov, farmatsevtov i rabochih po gorodam na 1 yanvarya 1896 g. Prilozhenie. – SPb., 1895–1896.

Г.Г. Касаров

Политическая борьба меньшевиков за центральные органы партии (1903–1904 гг.)

Раскол на Втором съезде РСДРП в 1903 г. привел к возникновению двух политических течений внутри Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, а в перспективе к двум партиям, имеющим одну Программу и один Устав. История меньшевизма, как особого социалистического течения внутри рабочего движения в России начинается в августе — сентябре 1903 г. Раскол стал вехой, стал началом острой политической борьбы за влияние в партии и тем самым за влияние на рабочий класс России.

В отечественной историографии деятельности меньшевиков уделено крайне мало внимания. Имеющаяся литература далека от объективного освещения меньшевистского социал-демократического течения. Обычно оценка деятельности меньшевиков в советской историографии была отрицательной [13: с. 4–6]. Главным критерием такой оценки были труды В.И. Ленина, его соратников и решения большевистской партии. В.И. Ленин никогда не скрывал, что видит в меньшевизме основного и главного врага большевиков и рабочего класса России [4: с. 14].

После съезда Н.К. Крупская проинформировала избранных в члены ЦК партии Ф.И. Ленгника и Г.М. Кржижановского о положении в партии и предложила первому срочно приехать за границу. Узнав о расколе, они были ошеломлены. В письме от 31 августа 1903 г. Г.М. Кржижановский писал, что «положение дел вообще трудное. И главное Егор (Мартов). Что он наделал! И какое сильнейшее оружие дал в руки врагам. Он не рассчитывал, что ставит на карту своим заявлением» [7: с. 184]. Для местных социал-демократических организаций раскол на Втором съезде РСДРП стал полной неожиданностью.

Идейная и организационная борьба, которая шла на съезде, переместилась в местные организации. Действия Ю.О. Мартова были подхвачены на местах теми силами в социал-демократии, которые вели борьбу с искровским направлением. Сам Ю.О. Мартов стал систематически пропагандировать идею об «осадном положении», смысл которой заключался в том, что в руководящих органах устанавливается гегемония ЦО над ЦК [10: с. VI–VII].

Меньшевистская оппозиция за границей заявила о «недееспособности» избранного ЦК, организовала бойкот центральных органов партии, стремилась организовать все силы на местах, им сочувствующие для борьбы за за-

воевание руководящих местных комитетов, чтобы, опираясь на них, захватить ЦО и ЦК. В первую очередь мартовцы нанесли удар по финансированию газеты «Искра» [7: с. 210].

В.И. Ленин считал, что отказ Ю.О. Мартова от работы в редакции, «отказ от сотрудничества его и других литераторов партии, отказ работать на ЦК целого ряда лиц, пропаганда идей бойкота или пассивного сопротивления, — все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей приведет к расколу партии» [5: с. 297]. Сторонники Ю.О. Мартова заняли непримиримую позицию. В письме к П.Б. Аксельроду, отправленном 31 августа 1903 г., Ю.О. Мартов писал: «С Лениным я виделся раз. Он просил меня передать всем предложение о сотрудничестве. Я сказал, что формальный ответ дам, когда мы вместе обсудим это формальное предложение, а пока отказался. Он много говорил о том, что, отказываясь сотрудничать, мы «наказываем партию», что никто не ждал, что мы станем бойкотировать газету» [11: с. 87].

В этом же письме Ю.О. Мартов писал: «жду Ал. Ник. (Потресова) и Веру Ив. (Засулич), чтобы выработать план кампании. Мне он представляется таким: 1. Условие к(отор)ое ставит Ленин, т.е. выбор его в Совет, в конце концов, приемлемо, при всей его моральной некрасивости. Имея в виду, что никакой русск(ий) ЦК *a la longue* (на долгое время) не согласится на роль прихвостня, можно быть уверенным, что большинство в Сов(ете) скоро уйдет из рук Ленина. Надо только не допустить, чтобы делегирование в Совет считалось бессрочным, как, по-видимому, хочет толковать Ленин. Мы можем дать обязательство не отзываться его ранее, скажем, 6 мес(яцев) — *c'est tout* (это все)». Далее, Ю.О. Мартов считал, что они будут вести переговоры о приеме в ЦК двух сторонников меньшинства, представив список из 4-х человек. Это условие необходимо. Если же состоится «примирение», «мы должны тотчас же выработать редакц(ионный) устав» и при его выработке обеспечить большинству членов редакции «все гарантии против произвола «победителей» [11: с. 87–88].

Ю.О. Мартов и его сторонники, развязывая борьбу за захват центральных органов партии, понимали, что в первую очередь необходимо принизить и очернить деятельность В.И. Ленина и Г.В. Плеханова. Участникам съезда и близко наблюдавшим его работу была ясна тактика меньшевиков. Так, Л.И. Аксельрод в письме И.И. Аксельрод сообщала по поводу раскола в партии: «Тут играет огромную роль чисто личный элемент, который накоплялся систематически, о котором писать слишком много. Но в смысле приличия поведения большинство ведет себя более прилично, чем оппозиция. Оппозиция производит какое-то жалкое впечатление. Я здесь видела П.Б. (Аксельрод — Г.К.) и он мне страшно не понравился. Говорит бесконечные комплименты Ю.О. (Мартов — Г.К.). Он, мол, написал статью «Мы всегда в меньшинстве» и т.д. Словом, старички обиделись, что их лишили редакции и, хотя они с пеной у рта говорят о том, что их не это интересуется, это все-таки так...» «Словом, они ведут себя совершенно недостойно...», «они будут вредить» (РГАСПИ. Ф.275. Оп.3. Д.1. Л. 2 об. — 3 об.).

Л.И. Аксельрод отметила, что В.И. Засулич и Ю.О. Мартов со своими друзьями попытались ввести в редакцию Л.Д. Троцкого и в Центральный Комитет И.Б. Басовского. «Вся эта компания представляет собою несомненно добрых людей, для которых с кем они пьют чай, те предназначены управлять судьбами пролетариата», Что касается Г.В. Плеханова и В.И. Ленина и главным образом В.И. Ленина, то «он выражает полную противоположность кумовству...» (Там же. – Л. 1).

Попытка В.И. Ленина и Г.В. Плеханова договориться с меньшевиками о сотрудничестве окончилась неудачно. Меньшевики настаивали на изменениях в составе Центрального Комитета. «Ленин и Плеханов на это согласиться не могли и не должны были соглашаться». (Там же. – Л. 1об.-2).

Между 13 и 20 сентября 1903 г. 17 меньшевиков провели фракционное собрание в Женеве. На нем был обсужден план захвата Центрального Комитета РСДРП и Центрального органа партии газеты «Искры». Ю.О. Мартовым и Л.Д. Троцким была подготовлена резолюция. В первой ее части, написанной Троцким, говорилось о необходимости развернуть борьбу с ЦК и Советом партии, подготавливая общественное мнение к III съезду». Вторая часть резолюции, написанная Мартовым, поставила задачу: бойкот Центрального органа и образование меньшевистской литературной группы для пропаганды своих идей. Если же Центральный Комитет не даст согласия на создание такой группы, считал он, то необходимо будет перейти на нелегальное положение в РСДРП [11: с. 94–96].

Для борьбы с большевиками совещание организовало меньшевистскую фракцию и свое бюро, в которое вошли Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, А.Н. Потресов, П.Б. Аксельрод и Л.Д. Троцкий. В нарушение устава партии они создали свою центральную кассу, собственный транспорт для снабжения местных комитетов литературой, сеть разъездных агентов для захвата местных комитетов. Мартов писал, что меньшевики готовили «крамолу против партии» [11: с. 97].

Меньшевистское совещание выработало программу, которая включала в себя: 1) восстановление старой редакции; 2) кооптация двух членов меньшинства в ЦК и 3) гарантирование прав большинства редакции особым редакционным уставом. Это, как считал Ю.О. Мартов, была лишь «легальная дорога к полному удовлетворению наших требований» [11: с. 93]. В случае согласия принять эти требования Г.В. Плехановым и В. И. Лениным меньшевики обещали обеспечить одно место в Совете от редакции персонально за В.И. Лениным и освободить все статьи В.И. Ленина и Г.В. Плеханова от цензуры остальных членов редакции. Принятие этих условий означало бы полную капитуляцию последних перед меньшевиками.

В конце сентября состоялись очередные переговоры между меньшевиками и большевиками. Во время переговоров Г.В. Плеханов стал сдавать большевистские позиции. Он высказался за возможность ввести в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов при предоставлении им двух голосов [7: с. 258–259]. Ю.О. Мартов по-прежнему настаивал на том, чтобы основой соглашения было восстановление старой редакции, выработка редакционного

устава, «который точно определит те случаи, когда члены редакции голосуют по двум равноправным группам» [7: с. 262].

4 октября 1903 г. Г.В. Плеханов принял решение провести встречу с бывшими шестью членами редакции «Искры», чтобы окончательно «покончить с этой нелепостью». Он предложил кооптировать двоих, чтобы, с одной стороны, устранить всякие опасения, — пишет В.И. Ленин, — что мы хотим кого-то «заезжать», задавить, осадить, казнить и похоронить, а с другой стороны, чтобы охранять права и позиции партийного «большинства». Меньшевики и на этот раз отказались от предложения Г.В. Плеханова [3: с. 340–341].

9 октября Ю.О. Мартов направил официальное заявление об отказе сотрудничать в газете «Искре» [7: с. 304–305]. Переговоры прекратились.

Чтобы упрочить свое положение в партии, меньшевики решили воспользоваться заграничной Лигой, где было большинство их сторонников. Они отказались выполнить циркулярное письмо ЦК РСДРП отложить созыв съезда Лиги до ближайшего будущего. Накануне съезда Л.Г. Дейч, член администрации Лиги призвал меньшевиков не подчиняться решению ЦК об отсрочке созыва съезда. Нарушив Устав партии, они собрали съезд Лиги в Женеве 26–31 октября [12: с. 6 и комментарии с. 7].

На съезде развернулась ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. Дело дошло до личных оскорблений и инсинуаций со стороны Ю.О. Мартова. По этому поводу В.И. Ленин заявил, что он отказывается участвовать в работе съезда Лиги и покинул ее заседание. Вместе с ним ушли со съезда Г.В. Плеханов, Л.И. Аксельрод, Л.Е. Гальперин, М.М. Литвинов, В.Д. Бонч-Бруевич и др. [12: с. 75].

На съезде Лиги Г.В. Плеханов все время боролся против мартовцев. Однако, 31 октября 1903 г. в день окончания ее работы, он внезапно пошел к меньшевикам. «Теперь он пошел, без нас, торговаться с мартовцами, которые, видя, что он испугался раскола, требуют вдвое и вчетверо, требуют не только шестерки, но и приема своих в ЦК (не говоря еще, сколько и кого) и двух своих в Совет и дезавуирования действий ЦК... Г. В. Плеханов жалко струсил раскола и борьбы» [6: с. 314–315]. Заявив, что он не в силах «стрелять по своим» и, что «лучше пулю в лоб, чем раскол», Г.В. Плеханов сделал поворот к примирению с мартовцами. [3: с. 356]. Его предложение кооптировать в редакцию «Искры» всех бывших ее редакторов, не избранных Вторым съездом партии, заставило В.И. Ленина подать заявление о сложении с себя должности члена Совета партии и члена редакции ЦО [1: с. 64].

Уступка Г.В. Плеханова укрепила меньшевиков. «Он решился немедленно сделать все уступки, лишь бы избежать открытого раскола. Он предлагает нам: кооптацию всех в редакцию без всяких условий, — написал Ю.О. Мартов в письме П.Б. Аксельроду 4 ноября 1904 г., — кооптацию нескольких в ЦК, два места в Совете, узаконение Лиги». Одновременно Г.В. Плеханов предложил меньшевикам начать в «Искре» войну против ЦК, где укрепился В.И. Ленин [11: с. 96–97].

Таким образом, осенью 1903 г. начался новый этап в развитии социал-демократического движения в России. Раскол на Втором съезде РСДРП на две фракции был закреплен на съезде Лиги. В российской социал-демократии оформилось меньшевистское крыло, отражавшее влияние определенных социальных слоев рабочего класса, буржуазной интеллигенции и мелкобуржуазной стихии.

После перехода на позиции меньшевизма, Г.В. Плеханов в 52 номере газеты «Искра» опубликовал статью «Чего не делать?». Этой статьей меньшевики начали кампанию борьбы с большевиками и в первую очередь с В.И. Лениным. В статье отмечалось, что борьба против ревизионизма, под которым Г.В. Плеханов подразумевал политическую деятельность меньшевиков, не должна вестись против личностей, что в данный момент, по его мнению, лучшим выходом из кризиса будет уступка меньшевикам (Искра. — 1903. — 7 ноября. — № 52). С 53 номера «Искра» издавалась меньшевиками, в состав редакции которой Г.В. Плеханов ввел, нарушив решения Второго съезда партии, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич, Ю.О. Мартова и А.Н. Потресова. В том же номере было помещено заявление В.И. Ленина о выходе из состава редакции (Искра. — 1903. — 25 ноября. — № 53).

После появления в «Искре» статьи Г.В. Плеханова «Чего не делать?» и статьи Ю.О. Мартова «Наш съезд», опубликованных в 53 номере «Искры», В.И. Ленин обратился в редакцию Центрального Органа с письмом «Почему я вышел из редакции «Искры?», с просьбой его опубликовать. Однако редакция отказалась его напечатать на страницах газеты. В письме В.И. Ленина раскрывались мотивы, которые повели к расколу партии на Втором съезде РСДРП и на Втором съезде Заграничной Лиги, указывалось на причастность Ю.О. Мартова к расколу и на фактическую неверность сведений, приведенных в статье «Наш съезд» [2: с. 98–104].

В статье «Наш съезд» Ю.О. Мартов писал, что говорить об оппортунизме в России, пока существует абсолютная монархия, слишком рано, что он станет угрозой для рабочего класса лишь после свержения царизма. Поэтому социал-демократы в данный момент должны готовиться к этой опасности. То есть, Ю.О. Мартов писал о том, что в России еще нет оппортунистических взглядов. Что же касается борьбы по организационным вопросам на Втором съезде РСДРП, по первому параграфу Устава, то, по его мнению, можно утверждать, «что для большинства товарищей организационный централизм был прежде всего определенным настроением, а не твердо и ясно продуманной идеей». Поэтому-то, дебаты на съезде по отдельным пунктам Устава привели к расколу среди искровцев.

Ю.О. Мартов отметил, что споры по Уставу партии привели к спорам по вопросу о выборах в Центральные органы, что «обе наметившиеся стороны стремились создать вполне централизованную партийную организацию и обеспечить устойчивость и выдержанность политики партийных центров». Далее, Ю.О. Мартов писал, что меньшинство съезда «отвергло все те требования, которые грозили, на его взгляд, развить чисто внешний, формально бюрократический централизм в партийной организации со всеми ее последствиями — сектанской кружковщиной, постоянными расколами и фактиче-

ским бессилием партийных центров при фактическом торжестве исконной нашей партийной анархии» (Искра. – 1903. – 25 ноября. – № 53).

25 ноября 1903 года Центральный Комитет РСДРП предъявил ультиматум меньшевикам. Поводом для него стало письмо А.Н. Потресова от 3 ноября на имя Г.В. Плеханова. В письме говорилось, что меньшевики принимают его предложение на определенных условиях, в том числе на восстановлении старой редакции «Искры», введении в ЦК меньшевиков и предоставления им двух мест в Совете партии и др. [8: с. 203–204].

В «Ультиматуме» говорилось о возможном мире в партии и о тех условиях, на которых он должен быть заключен. Члены ЦК пошли на уступку. Они согласились ввести в состав редакции 4 бывших редакторов, предоставить 1 место в Совете партии, кооптировать в состав ЦК 2 членов меньшевиков и Лига будет подчиняться постановлениям ЦК [8: с. 257–259]. Копия ультиматума для сведения была послана Г.В. Плеханову [8: с. 261–262].

Получив «Ультиматум», Г.В. Плеханов воспользовался формальным правом кооптации. Он немедленно и единолично ввел в состав редакции «Искры» меньшевиков. Отныне всякие переговоры об условиях совместной работы были сорваны. 26 ноября 1903 г. Г.В. Плеханов известил члена ЦК РСДРП Г.М. Кржижановского о кооптации старой редакции «Искры» [8: с. 264–265]. На ультиматум ответили и меньшевики, смысл их ответа сводился к тому, что они не считают больше нужными вести какие-либо переговоры [8: с. 267–271]. Состоялся фактический раскол партии на две фракции.

29 ноября 1903 г. состоялся Совет партии, на котором была завершена реорганизация высших органов партии. Отныне меньшевики перестали считаться с деятельностью ЦК. В это же время был устранен конфликт на личной почве между В.И. Лениным и Ю.О. Мартовым, возникший после обвинения последним В.И. Ленина в том, что он на съезде Лиги, якобы обозвал Ю.О. Мартова интриганом. В.И. Ленин и Ю.О. Мартов обменялись соответствующими заявлениями [8: с. 294–295].

После устранения личного конфликта между В.И. Лениным и Ю.О. Мартовым меньшевики предприняли шаги к тому, чтобы удалить из подготовленных к печати протоколов Второго съезда Заграничной Лиги наиболее неприятные для Ю.О. Мартова моменты. Однако В.И. Ленин не согласился с этим. И все же редактировавший протоколы Ф.И. Дан устранил из них все, что показывало неприглядную роль Ю.О. Мартова в расколе партии [9: с. 17–19], чтобы переложить всю ответственность на ЦК, на большевиков, в том числе и на В.И. Ленина.

Вместо урегулирования конфликтной ситуации в партии развернулась ожесточенная борьба за влияние на местные организации между двумя фракциями. Уже 10 декабря 1903 г. В.И. Ленин и Ф.В. Ленгник подняли вопрос о созыве очередного съезда РСДРП [9: с. 45–46]. Меньшевики, в свою очередь, получив преимущество в Совете партии и, контролируя Центральный Орган, начали атаку на ЦК, стремясь поставить и его под свой контроль.

Одновременно почти во все партийные комитеты в России ими были направлены директивные письма о форме и методе работы и были посланы меньшевистские эмиссары. Борьба за влияние в РСДРП переместилась в низовые организации России.

В течение декабря 1903 и января 1904 гг. Ю.О. Мартов от имени редакции «Искры» организовал полемическую переписку с ЦК партии о взаимоотношениях между этими двумя органами. Главной задачей для меньшевиков в это время было дискредитировать ЦК, создать невозможные условия для его работы.

После отказа меньшевистской редакции «Искры» опубликовать письмо В.И. Ленина «Почему я вышел из редакции?», оно было издано отдельным листком и было распространено за границей и в России. Узнав о том, что письмо опубликовано в партийной типографии, редакция «Искры» направила в ЦК партии официальное письмо, в котором протестовала «против царящей в ЦК анархии, в силу которой отдельные его члены идут вразрез с официальными действиями других его членов и ведут ничем не прикрытую политику раскола партии. Редакция Ц.О. требует немедленного рассмотрения Ц.К-м поведения ее членов, тов. Ленина и Васильева (Ф.В. Ленгник), по мнению редакции, несовместимого с достоинством Ц.К.». Редакция ЦО объявила, что прекращает всякие сношения с членом ЦК Ф.В. Ленгником и требует его замены другим лицом [9: с. 90–92].

В 55 номере «Искры» Ю.О. Мартов поместил редакционную статью, в которой в несколько смягченном виде протестовал против опубликования ленинской статьи. Ю.О. Мартов обвинил В.И. Ленина в том, что он «пытается набросить моральную тень на мотивы действий половины Партии и большинство редакции «Искры» и свести ведущуюся в Партии борьбу двух организационных тенденций на уровень жалкой и презренной борьбы «из-за мест». (Искра. – 1903. – 15 декабря. – № 55). Ф.В. Ленгник, познакомившись с корректурой газеты, как представитель Центрального Комитета РСДРП, направил в редакцию заявление с просьбой опубликовать его в том же 55 номере. Редакция отказалась поместить заявление Ф.В. Ленгника. Последнее было опубликовано отдельным листком с подстрочным примечанием, что редакция отказалась напечатать официальный документ члена ЦК партии [9: с. 94].

В ответ на письмо В.И. Ленина и заявление Ф.В. Ленгника Ю.О. Мартов подготовил и опубликовал в феврале 1904 г. брошюру «Борьба с «осадным положением» в РСДРП». В работе Ю.О. Мартова был сделан анализ деятельности партии за период, прошедший после Второго съезда РСДРП, подвергнуты критическому разбору взгляды В.И. Ленина на организационную и политическую деятельность. В защиту интересов меньшевистской фракции были подобраны и опубликованы резолюции местных организаций. Особое внимание в работе уделено Второму съезду Заграничной Лиги и правомочности кооптации в состав Центрального органа газеты «Искры» меньшевиков [10: с. 38–54].

Активную борьбу против лидеров большевистской фракции развернул П.Б. Аксельрод. Он опубликовал в двух номерах «Искры» статью «Объединение российской социал-демократии и ее задачи», в которой подверг резкой

критике организационную линию большевиков на съезде. Поставив вопрос, «Что делать?» после окончания работы Второго съезда, П.Б. Аксельрод заявил, что необходимо обрушить меньшевикам свою критику на торжествующий бюрократический централизм в партийной организации, на бюрократический режим в партии (Искра. – 1903. – 15 декабря. – № 55).

Познакомившись со статьей П.Б. Аксельрода, В.И. Ленин направил 2 января 1904 г. официальное письмо в Бюро ЦК в России с предложением начать борьбу за созыв очередного съезда партии. К началу 1904 г. большевики могли из 20 полноправных местных организаций рассчитывать на 14, на 2 голоса в ЦК и 3 голоса в Совете партии (третий голос принадлежал Г.В. Плеханову). Таким образом, из 49 голосов большевики контролировали 33 голоса или 2/3 голосов членов партии.

В конце января 1904 г. на заседании Совета РСДРП В.И. Ленин поднял вопрос о созыве очередного съезда РСДРП. Против созыва съезда высказались Ю.О. Мартов и Г.В. Плеханов. В принятой резолюции говорилось, что в данный момент очередной чрезвычайный съезд партии не проводить [9: с. 234, 259].

Провалив решение ЦК партии о созыве очередного съезда, меньшевистский Совет партии и Центральный Орган начали борьбу за кооптацию своих членов в ЦК. Летом 1904 г. им удалось завоевать Центральный Комитет РСДРП. В.И. Ленин опротестовал факт ввода в состав ЦК 3 меньшевиков, так как на заседании отсутствовали двое большевиков, которых меньшевики не предупредили о заседании (РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 154. Л. 37 об.).

Центральный Комитет РСДРП принял заявление, в котором говорилось о необходимости умиротворения и слияния большевиков и меньшевиков в цельную организацию. Относительно Центрального Органа партии газеты — «Искра» ЦК подтвердил законность кооптации в его состав меньшевиков и выразил желание, чтобы в редакцию ЦО вошел В.И. Ленин, «так как устранение от редакционных обязанностей такого выдающегося идейного работника несовместимо с развитием наибольшей продуктивности положительной работы партии в целом», Наконец, ЦК решительно высказался «против созыва в настоящее время экстренного съезда и против агитации за этот съезд. В отношении внутренней партийной жизни, съезд, при данных обстоятельствах явился бы серьезной угрозой единству нашей партии» (Искра. – 1904. – 25 августа. – № 72).

Однако решение Совета партии и ЦК против созыва съезда вызвало негативное отношение в местных партийных организациях в России. Так, Петербургский Комитет принял решение подготовить и провести съезд во что бы то ни стало. Почти все члены петербургской организации РСДРП высказались против решения ЦК и печатаемых статей на страницах газеты «Искры». Члены Петербургского Комитета объехали ряд местных комитетов и агитировали за съезд. Меньшевик Л.М. Хинчук, сообщивший эти факты в редакцию «Искры», писал, что «мы должны были бы им противопоставить свой съезд к-тов, но я не знаю, что думает на этот счет наше бюро» (РГАСПИ. Ф.278. Оп. 1. Д. 154. Л. 41-41 об.).

Меньшевистское руководство принимало меры, чтобы оторвать местные организации от большевиков. Во все крупные местные комитеты были посла-

ны уполномоченные с задачей провести разъяснительную работу. Так, представитель меньшевистского центра И.И. Гинзбург писал, «что в Вильно публика большевистская», на их услуги «надеяться нечего и не надо» (Там же. Д. 28. Л. 1). Посетив Екатеринославль, он писал, что здесь комитет состоит из ярых большевиков (Там же. Л. 8). Объехав ряд промышленных районов России, тот же И.И. Гинзбург сообщал, что на Юге произошли массовые провалы. Меньшевистские организации стоят на распустье, люди к меньшевикам не идут. В Одессе меньшевики третируются, в Москве работали довольно долго вместе, но из-за кооптации в состав МК отношения обострились (Там же. Л. 10-10 об.). Настроение в местных комитетах за Ленина.

Летом 1904 г. меньшевики контролировали следующие местные комитеты: Бакинский, Ростовский-на-Дону, Крымский, Киевский, Астраханский и некоторые другие. По мнению меньшевиков, работавших в России летом 1904 г., большевистские и меньшевистские силы были примерно одинаковые, но они распределены менее выгодно для меньшевиков. В меньшевистских комитетах (их всего 7 на всю Россию) сторонников В.И. Ленина не было. В большевистских комитетах, за исключением Одесского и Саратовского, меньшевики были. Это давало возможность меньшевистским лидерам получать информацию о деятельности партии в России (Там же. Л. 63 об.).

Следовательно, положение в РСДРП оказалось сложным и противоречивым. Основная масса местных партийных организаций поддерживала большевиков. Но для руководства большевистской фракцией после так называемого «июльского переворота» ЦК положение оказалось сложным. И только поддержка местных комитетов России придавала бодрость и уверенность. Это позволило созвать совещание 22 большевиков и выпустить воззвание о необходимости созыва очередного съезда партии. Обращение большевиков было поддержано организациями России.

Меньшевики осудили решение 22 большевиков о необходимости созыва очередного съезда партии (Там же. Д. 154. Л. 44). Вместе с тем они вынуждены были признать, что большевики смогут созвать съезд, что в России «агитация за съезд не прекращается», что в своей политической линии меньшевики могут оказаться далеко позади твердокаменных (Там же. Д. 3. Л. 3-3 об.). Таким образом, накануне Первой российской революции в рядах РСДРП произошел раскол, который так и не был изжит во время существования этих фракций и партий.

Литература

1. Ленин В. И. Заявление о сложении с себя должности члена Совета партии и члена редакции ЦО / В.И. Ленин. // Полное собр. соч. Т. 8. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – С. 64.

2. Ленин В. И. Почему я вышел из редакции «Искры»? Письмо в редакцию «Искры» / В.И. Ленин. // Полное собр. соч. Т. 8. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – С. 98–104.

3. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (*Кризис в нашей партии*) / В.И. Ленин // Полное собр. соч. Т. 8. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – С. 185–414.
4. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / В.И. Ленин // Полное собр. соч. Т. 41. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 1–104.
5. Ленин В. И. Письмо А.Н. Потресову 13.IX.03 / В.И. Ленин // Полное собр. соч. Т. 46. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 297–300.
6. Ленин В. И. Письмо Г.М. Кржижановскому 4.XI.03 / В.И. Ленин // Полное собр. соч. Т. 46. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 314–315.
7. «Ленинский сборник». Т. VI. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – 360 с.
8. «Ленинский сборник» Т. VII. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 397 с.
9. «Ленинский сборник». Т. X. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 367 с.
10. Мартов Л. Борьба с «осадным положением» в Российской Социал-демократической Рабочей Партии / Л. Мартов. – Женева: б/и, 1904. – VIII, 96 с.
11. Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. – Берлин, 1924.
12. Протоколы 2-го очередного съезда Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии. – Женева, 1904.
13. Тютюкин С. В. Меньшевизм: страницы истории / С.В. Тютюкин. – М.: РОССПЭН, 2002.

Literatura

1. Lenin V. I. Zayavlenie o slozhenii s sebya dolzhnosti chlena Soveta partii i chlena redaktsii TsO / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 8. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1972. – S. 64.
2. Lenin V. I. Pochemu ya vyshel iz redaktsii «Iskry» Pis'mo v redaktsiyu «Iskry» / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 8. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1972. – S. 98–104.
3. Lenin V. I. Shag vpered, dva shaga nazad (Krizis v nashey partii) / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 8. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1972. – S. 185–414.
4. Lenin V. I. Detskaya bolezn' «levizny» v kommunizme / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 41. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. – S. 1–104.
5. Lenin V. I. Pis'mo A.N. Potresovu 13.IX.03 / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 46. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. – S. 297–300.
6. Lenin V. I. Pis'mo G.M. Krzhizhanovskomu 4.XI.03 / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 46. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. – S. 314–315.
7. «Leninskiy sbornik». T. VI. – M.; L.: Gosizdat, 1927. – 360 s.
8. «Leninskiy sbornik» T. VII. – M.; L.: Gosizdat, 1928. – 397 s.
9. «Leninskiy sbornik». T. X. – M.; L.: Gosizdat, 1929. – 367 s.
10. Martov L. Bor'ba s «osadnym polozheniem» v Rossiyskoy Sotsial-demokratichekoy Rabochey Partii / L. Martov. – Zheneva: b/i, 1904. – VIII, 96 s.
11. Pis'ma P.B. Aksel'roda i Yu.O. Martova. – Berlin, 1924.
12. Protokoly 2-go ocherednogo s'ezda Zagranichnoy Ligi russkoy revolyutsionnoy sotsial-demokratii. – Zheneva, 1904.
13. Tyutyukin S. V. Men'shevizm: stranitsy istorii / S.V. Tyutyukin. – M.: ROSSPEN, 2002.

И.А. Соколов

Чай и чайная торговля в России в XIX – начале XX веков

Чайная торговля в России — малоисследованная тема, несмотря на немалое экономическое и культурное значение этой торговли в истории России. Дореволюционные исследования в этой области представлены, в основном, брошюрами с общими сведениями о чае [8; 13 и др.]. Ключевой интерес среди дореволюционных исследований представляет лишь работа известного экономиста А.П. Субботина [37]. Главной целью автор явно ставил создание экономической картины мирового чайного рынка. Он дал полное описание различных чаёв, цикла их производства, химического состава чая, процессов ферментации. История чая прописана у Субботина слабо, но даже при этом она освещена лучше, чем в других исследованиях.

В дальнейшем на материалах, собранных А.П. Субботиным (иногда в несколько переработанном виде, но, несомненно, заимствованных именно из этой книги), базировались работы Н.П. Коломийцова [21], В.Н. Любименко [27]. Ранняя история чаеоторговли в России (до 1863 г.) неплохо представлена в работе Н. Крита [24]. Информацию о чае в быту можно почерпнуть из воспоминаний современников [6; 11; 12; 23 и др.].

В свою очередь, из книг указанных авторов вырывались большие фрагменты материала, на которых строилось повествование разного рода «популяризаторов» чая. Позднее на основе уже этих брошюр основывались публикации в прессе. До конечного потребителя информация доходила, пройдя много рук. Разумеется, нет смысла комментировать качество такого рода материалов.

Определенный интерес для исследователей представляют прејскуранты и иной рекламный материал чайных фирм, существовавших в России до 1917 г. Так, например, один из прејскурантов фирмы «Караван» содержит информацию о торговых марках чая, ценах и видах упаковки [31: с. 1–36]. Имеются также пособия для работников пищевой промышленности и торговли; типич-

ный пример — книга К.В. Катца [20]. Вопросы истории чая в таких изданиях, понятно, не рассматриваются.

Современные исторические исследования построены, в основном, на поверхностном обзоре изданий, выпущенных чайными фирмами к своим юбилеям, а также на рекламе, откуда копируется материал [10]. Работы, посвящённые ярмарочной торговле, вскользь упоминают о месте чая [2: с. 136–139]. В то же время некоторые отечественные [29: с. 344–345, 351–352, 357; 39: с. 10–30; и др.] и даже некоторые зарубежные авторы указывают на значительную роль чайной торговли на ярмарках [28: гл. 8; 25: с. 285–291].

Однако в генеалогических изысканиях вопросы, связанные с чайной торговлей, не находят полного отражения, поскольку в России купеческие семьи, в том числе торговавшие чаем, были неустойчивы: они то входили в купеческое сословие, то выходили из него [1: с. 7, 11–17]. Основные капиталы чае-торговые кланы сформировали лишь в XIX веке, поэтому дореволюционные специалисты по генеалогии просто не успели в должной мере описать родословные новых богачей. На сегодняшний день существует одно отличное исследование о роде московских чаеоторговцев Боткиных, проведённое Б.Ф. Егоровым [16]. Правда, в центре внимания ученого находится культурологическая проблематика, а не собственно торговля чаем.

В ряде современных исследований авторы проводят небольшие генеалогические изыскания по отдельным регионам [15; 22 и др.]. Но эти исследования, порой, неполны и поверхностны [9; 17 и др.], материал из них приходится извлекать по крупицам. Автор статьи частично заполнил имеющийся пробел [34].

Архивный материал по чаеоторговле (в первую очередь — по городу Москве), обнаружен нами в ряде архивов. В ЦИАМ уже удалось обнаружить информацию о десяти фирмах, торговавших чаем в России. Основной массив фондов ЦИАМ — бухгалтерская документация чаеоторговых фирм, редко встречаются материалы личного характера (ЦИАМ. фф. 173, 199, 759, 766, 768, 943, 948, 1219, 1393, 1397, 2209, 2232). Материал, связанный с историей чайной торговли, хранится также в ряде других архивов (РГВИА. фф. 423, 424, 447; РГАЛИ. фф. 54, 2571; ИРЛИ РАН. фф. 365, 9029; ОПИ ГИМ. ф. 122; ГАРФ. фф. 14, 58, 102). Таким образом, современные научные исследования, посвящённые истории чая и чаеоторговли, отсутствуют. Однако архивный материал позволяет проводить исследования по истории чая.

Чай появляется в России при царе Михаиле Фёдоровиче, но поначалу его использовали как лекарство [37: с. 140–165]. Чай считается традиционным русским напитком, и уже с конца XIX века он лишь немного уступал по своей популярности водке [35: с. 70–76].

В XVII веке чай не играл никакой роли в русской внешней и внутренней торговле. О начале коммерческих поставок в Россию чая из Китая, можно говорить только начиная с 1697 г. В XVIII веке чай в Россию завозили и из Китая и с европейских ярмарок; указания на это можно найти у исследователей истории купечества [29: с. 404–405].

В конце XVIII – начале XIX веков чай был очень редким и элитным напитком. Вспомним поговорку, записанную Далем: «Кяхтинский чай, да Муромский калач, — полдничают богач». Впечатляюще звучит фраза той эпохи, означавшая удачно проведённое время: «чайку покушать, да органчика послушать». Простым людям оставалось в то время, вероятно, утешать себя выражением «чай, кофей — не по нутру; была бы водка по утру» [14: т. 2. с. 233, 241, 260].

Фольклор представляет особый интерес для исследователей, так как он отражает эволюцию отношения народа к этому напитку от неприятия до включения в обыденную жизнь [14; 18 и др.]. В то же время, в ряде специализированных научных исследований содержатся ошибки [32]. Культуролог М.С. Симакова ошибочно утверждает, что лишь с конца 80-х – начала 90-х гг. XIX века «чай стал пользоваться спросом в среде рабочих и крестьян» [32: с. 24].

Широко распространённым, по её мнению, чай становится в народе лишь в середине XX века [32: с. 24–25]. Это не соответствует действительности. Автор делает такое безапелляционное заключение на основе научно-популярных книг по кулинарии В.В. Похлёбкина и опросе трех сельских жительниц Тульской области, родившихся, соответственно, в 1919, 1925 и 1927 гг., то есть после революции 1917 г., в период Гражданской войны, когда хозяйство страны было разрушено.

На протяжении XVII–XVIII веков Россия знала только Китайский чай. Это был чай лучших сортов, качественно более высокий, чем употреблявшийся в Европе. Только с конца XIX века на мировые рынки начинает поступать чай из Индии и Цейлона, тогда же он приходит в Российскую империю [37: с. 405–412 и др.].

К концу XIX века существовало не менее 12 ключевых маршрутов, по которым чай попадал в Россию, о чем уже приходилось писать [33: с. 53–55]. Транспортировка осуществлялась в «цибиках» (оплетённых камышом и обшитых кожей ящиках). Чай поступал в Россию из Китая напрямую, как караванами по суше, так и, позднее, по морю до дальневосточных портов. Среди караванных путей было несколько маршрутов, Кяхта (город в Бурятии) была наиболее крупным центром.

В XVIII веке чай поступал в Россию и с европейских ярмарок. Со второй половины XIX века чай начали активно доставлять в Одессу морем. Периодически действовали пути доставки чая из Великобритании и кругосветными экспедициями. Сухопутный караванный путь из внутреннего Китая через пустыни, степи и горы был крайне сложен. Это был один из «старых» путей, действовавших с начала XVIII века. Климатические условия в ряде областей Монголии, через который везли чай, были экстремальные [33: с. 53–55].

До 1917 г. выбор сортов чая у жителя Российской империи был несравнимо шире, чем у европейца. Известный хулигатель России маркиз Адольф де Кюстин отмечал: «Русские, даже самые бедные, имеют дома чайник и медный самовар и по утрам и вечерам пьют чай в кругу семьи... деревенская простота жилища образует разительный контраст с изящным и тонким напитком, который в нём пьют» [26: т. 1. с. 317].

Заметим, что крестьяне пьют чай из самовара. Самовар — исключительно русское изобретение. В Китае чай традиционно подогревали в котелках, а в Японии долгое время использовали специальные горелки, которые подогревали чай ровно до 60°C. Самовар разогревает воду сильнее, но, как и в Японии, не позволяет ей перекипать. Мало кто знает, что самовар изначально использовали для приготовления традиционного русского напитка — сбитня (напиток на основе мёда с добавлением пряностей). Только много позже самовар стал прочно ассоциироваться с чаем.

Качество подаваемого в России чая поразило даже предвзято настроенного Адольфа де Кюстина: «На столе сверкает медный самовар и заварочный чайник. Чай и здесь такой же хороший, умело заваренный, а если вам не хочется пить его просто так, везде найдется хорошее молоко. Когда столь изящное питьё подают в чулане, обставленном, словно гумно — «гумно» я говорю из вежливости, — мне сразу вспоминается испанский шоколад» [26: т. 1. с. 365].

Почти сразу за распространением чая начался бум сопутствующих товаров: специальные «чайные» печенья, конфеты, пряники. Этому немало способствовала и дороговизна сахара, который к началу XIX века в России был только тростниковый и завозился из-за границы.

Кстати говоря, пить чай с солёным огурцом придумали также в России (не позднее середины XIX века). До сих пор такая закуска к чаю вызывает даже у многих россиян состояние, близкое к культурному шоку. Поддержку чай нашёл в Москве, так как Петербург, следуя европейской моде, «пробавлялся кофеем». Первыми массовыми потребителями чая, уже к началу XIX века стали купцы, быстро смекнув, что за чашкой чая можно вести свои дела.

С начала XIX века чай пили, в основном, в трактирах, закусывая его калачом и, в свободное от переговоров время, чай порой чередовали с водкой. Так называемые «чайные» появились в России позже, когда свою деятельность активно разворачивали Общества Трезвости.

Появление чайных стимулировалось низкими налогами, а продажа в них алкоголя запрещалась. Запрет этот, однако, повсеместно нарушался. Подходя к чайным, москвичи часто видели нетрезвых сограждан и пьяные драки: почти во всех чайных из-под полы торговали водкой.

Чайные порождали вокруг себя определённый центр силы, сформировали особую городскую субкультуру. Если вокруг кабаков и других злчных заведений постоянно крутилась полиция, то чайные вызывали меньший интерес властей, и это позволяло владельцам чайных «крышевать» игорный бизнес, проституцию и торговлю спиртными напитками (ГАРФ: ф. 102. дд. 52-53).

С конца XIX века библиотеки, которые Общества Трезвости организовывали при чайных, стали центрами революционной пропаганды. Так чай становится частью новой культуры — революционной.

Ближе к 1860-м гг. у москвичей появилась мода — устраивать летом гуляния в парках, на которые ездили компаниями и захватывали самовары. Эта мода на гуляния затем быстро распространилась на всю Россию.

Авторы воспоминаний о второй половине XIX века довольно часто пишут о летних гуляниях в парках Москвы и о самоварщицах, продающих чай гуляющим. Позднее, в конце XIX в., на улицах Москвы, прямо под открытым небом или под небольшим навесом, стали разворачивать столовые, где подавали чай [23: с. 153 и др.].

В ряде регионов империи (Сибирь и Средняя Азия) чай прижился, во многом, из-за климатических условий. В Средней Азии в жару горячий чай утолял жажду. В Сибири путешественникам и торговцам без чая практически невозможно было сохранять свою работоспособность. Например, в Забайкалье в 1850-х гг., когда морозы достигали минус 35°C чай был практически незаменим: «Для ночлега разгребают в снегу яму, расстилают медвежьи шубы, дохи и кладут на них постели. Отужинав, раздеваются до рубашки, бросаются в постель, укрываются шубами, одеялами и в ногах разводят большой огонь. К утру же, когда пора вставать, путешественник быстро выскакивает из постели, одевается с неимоверной поспешностью и бросается к пылающему огню и кипящему чайнику! Так ездят в Сибири в Удское, Колыму, Туруханск; так ездили из Горбицы в Стрелку!» [38: с. 149].

Во второй половине XIX века чай появляется как важный элемент довольствия в войсках. Чай стали выдавать солдатам, проходившим службу в сложных условиях (пример — Сибирь) и во время военных действий тем, кто находился в дозорах. Но употребление чая не стало массовым.

Сложности с чайным довольствием в войсках продолжали сохраняться вплоть до конца 1905 г.: об этом свидетельствует брошюра П. Кочергина «Нужды русского солдата». Автор призывал ввести чайное довольствие для «нижних чинов», выдавая солдатам по три фунта чая в год, на что потребовалось бы всего лишь 4 рубля 40 копеек в год на одного солдата [7: с. 361–362]. Автор считал, что у солдата, привыкшего на гражданке к чаю, от его отсутствия падает боевой дух [7: с. 340–341, 358].

Доходы казны от одной лишь пошлины на ввозимый в страну чай к концу XIX века составляли до 200 миллионов кредитных рублей в год! Приведём усреднённый график суммы пошлины за ввозимый в Россию чай по пятилетиям (за 50 лет) [37: с. 709–710]:

Кроме пошлины государство и местные власти получали дополнительные налоги: от розничной продажи, сборы за торговлю на ярмарках, и т.д.

Динамика развития русского чайного рынка была просто фантастическая. Ценность только официально ввезённого в Российскую империю и легально растаможенного чая переваливала к концу XIX века за 300 миллионов кредитных рублей в год [37: с. 709–710]:

Обращает на себя внимание, что большой период времени (вплоть до конца XIX века) значительная часть средств от торговли чаем уходила государству в виде пошлины, различных налогов и сборов.

Необходимо добавить, что около 30% чая ввозилось в Российскую империю нелегально: 1) напрямую из Китая; 2) через Среднюю Азию; 3) по пути из Великобритании (через Финляндию). И по ряду других контрабандных каналов [33: с. 53–55].

По самым скромным подсчётам в период 1881–1885 гг. реальная стоимость всего чая («белый» легальный + «серый» некорректно растаможенный + «чёрный» контрабандный), по нашим оценкам, могла достигать 480–500 кредитных млн. руб.

Цены на чай в течение всего XIX века падали, и к концу столетия у крупных фирм имелся самый разнообразный ассортимент *марок* чаёв: от полутора копеек (!) в бумажном мешочке, до десятков рублей за различные «царские» и «императорские» чаи в стеклянных, жестяных и даже хрустальных чайницах. Солидные фирмы отпускали чай потребителю, по его запросу, даже от нескольких грамм (ЦИАМ: оп. 1. д. 10 и др.)!

Реклама чаеоторговых фирм очень разнообразна. Особенный интерес представляет газетная реклама (как с точки зрения оформления, так и с точки зрения марок чая, и публикуемых цен) [3; 19]. Но в имеющихся исследованиях чайная тематика рассмотрена крайне слабо [4; 5; 40].

К концу XIX века, когда конкуренция на чайном рынке сильно выросла, многим фирмам пришлось активно применять и нестандартные ходы для продвижения своей продукции. К интересным рекламным ходам можно отнести появление, например, встроенной в рекламный плакат системы с отображением маршрутов: поворот колёсика открывал номера маршрутов в одном окошечке и список остановок на этом маршруте в другом. Так выглядела одна из реклам фирмы «Сергей Васильевич Перлов». Человек сразу понимал, с каким номером ему нужен трамвай [35: с. 29, илл. – с. 77].

Другой действенный рекламный ход — развлечения, конструктивно встроенные в жестяные банки — примеры такой рекламы имеются в активе Товарищества «Караван». Реклама была рассчитана на детей, дабы они с малолетства, привязывались к продукции фирмы [35: с. 32].

Чаем в Москве начинали торговать выходцы из Франции, чьи магазины были расположены на Кузнецком мосту, русские же были на вторых ролях. Несколько лавок русских купцов до 1812 г. имелось на Красной площади [41: с. 80–83, 226–231 и др.].

После 1812 г., французы уходят в тень, а их место в теперь уже сверхприбыльном деле занимают немцы и евреи. Много было в Москве и русских купцов-чаеоторговцев, в том числе бывших сибиряков, перебравшихся сюда на старости лет.

Уже с XVIII века фиксировалось большое количество подделок чая, когда его подкрашивали различными веществами, смешивали разные сорта и урожаи разных сезонов и сборов (чай первого сбора всегда был более качественным и дорогим), спитой чай перерабатывали в «новый» и т.д. В Москве жители целого этнического квартала промышляли сбором спитого чая и переработкой его в «новый» [37: с. 86–138 и др.].

Капиталы чаеоторговцев, сколоченные на чайной торговле, часто инвестировались в промышленность. Для примера можно привести клан Вогау-Марк-Банза-Шумахеры [36; 42]. Этот клан сколотил свои капиталы на торговле чаем и красками для тканей. Изначально чаем торговал сам «Торговый дом Вогау и Ко», а затем чайные активы были выделены в отдельное Товарищество «Караван». Все акции «Каравана» находились в руках клана Вогау. Вогау инвестировали свои капиталы в тяжёлую промышленность, банковскую сферу, производство сахара. Торговлю автомобилями вела семья Марк, входящая в этот клан.

Чаеоторговцы или их потомки становились известными медиками, коллекционерами, художниками и специалистами в области живописи, даже революционерами [16: с. 14–15, 17–20; 34: с. 21–58].

Чайная торговля в России в XIX веке была настолько доходной, что ею занималась и знаменитая Российско-Американская компания (РАК) [30: с. 18–78, 146–148 и др.].

Подводя итог сказанному, можно указать на крайне низкую проработанность данной темы современными исследователями, на наличие ошибок и неточностей в отдельных работах. Имеющиеся источники, однако, позволяют достаточно полно описать эту исключительно интересную тему. Чай, придя в Россию, стал неотъемлемой частью культуры и превратился в национальный напиток, история которого оказалась забытой.

Литература

1. Аксёнов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии / А.И. Аксёнов. – М.: Наука, 1988. – 189 с.

2. *Архангельская И. Д.* Из истории ярмарок в России / И.Д. Архангельская // Вопросы истории. – 2001. – № 11-12. – С. 136–139.
3. *Асс А.* Россия в картинках: Художественный и промышленный альбом / А. Асс. – Одесса: б/и, 1902–1903. – 56 с.
4. *Бабурин Н. И.* Русский плакат (конец XIX – начало XX века). – Л.: Художник РСФСР, 1988. – 193 с.
5. *Бриленкова А. В.* Коммерческая реклама в России: 1861–1917 гг.: Дис. ... к.и.н. / А.В. Бриленкова. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 208 с.
6. *Бурышкин П. А.* Москва купеческая: Мемуары / П.А. Бурышкин. – М.: Высшая школа, 1991. – 352 с.
7. Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-сост.: С.В. Карпущенко. – М.: Военное издательство, 1999. – 366 с.
8. *Владимиров А. П.* Чай и вред его для телесного здоровья, умственный, нравственный и экономический / А.П. Владимиров. – Вильно: Б/и, 1874. – 203 с.
9. *Ворожбитова М. В.* Повседневный уклад жизни московского населения середины XVIII века (по материалам канцелярии конфискации): Дис. ... к.и.н. / М.В. Ворожбитова. – М.: МГУ, 2004. – 378 с.
10. Выпей чайку, забудешь тоску: Москва чайная / Е.А. Тончу. – М.: ИД ТОНЧУ, 2006. – 176 с.
11. *Гиляровский В. А.* Мои скитания / В.А. Гиляровский. – Архангельск; Вологда: Наука и техника, 1987. – 477 с.
12. *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи / В.А. Гиляровский. – М.: Правда, 1985. – 528 с.
13. *Григорьев Я. И.* Чай: [Очерк] / Я.И. Григорьев. – Б/м.: Б/и, 1855. – 120 с.
14. *Даль В. И.* Пословицы русского народа: Сборник: В 2-х тт. / В.И. Даль. – Т. 1–2. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 383 с.; Т. 2. – 383 с.
15. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки. – Новосибирск: Сова, 2005. – 264 с.
16. *Егоров Б. Ф.* Боткины / Б.Ф. Егоров. – СПб.: Наука, 2004. – 320 с.
17. *Есиева И. В.* Купеческая династия Ушковых: Первая половина XIX в. – 1918 г.: Дис. ... к.и.н. / И.В. Есиева. – Казань: КГУ, 2004. – 226 с.
18. *Иванов Е. П.* Меткое московское слово / Е.П. Иванов. – М.: Московский рабочий, 1982. – 320 с.
19. Иллюстрированный журнал литературы и современной жизни «Нива», издаваемый А.Ф. Марксом. – 1896–1909 гг.
20. *Катц К. В.* Чаеовары (чай, кофе, какао и суррогаты) и сахар. – М.: Центросоюз, 1927. – 140 с.
21. *Коломийцов Н. П.* Чай. Мировая торговля чаем и вопрос о казённой чайной монополии в России / Н.П. Коломийцов. – М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1916. – 164 с.
22. *Комлева Е. В.* Енисейское и купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века) / Е.В. Комлева. – М.: Академия, 2006. – 384 с. + 16 с. вклейка.
23. Константин Коровин вспоминает... / Авторы-сост.: И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. – 2-е изд., доп. – М.: Изобразительное искусство, 1990. – 608 с.
24. *Крит Н.* Материалы для обсуждения вопросов о чайной торговле / Н. Крит. – СПб.: б/и, 1864. – 375 с.

25. *Кюстин А. де.* Николаевская Россия / А. де. Кюстин. – М.: Терра, 1990. – 288 с.
26. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2-х тт. / А. де. Кюстин. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 528 с.
27. *Любименко В. Н.* Чай и его культура в России / В.Н. Любименко. – Петроград: 1-ая государственная типография, 1919. – 82 с.
28. *Пайпс Ричард.* Россия при старом режиме / Ричард Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 424 с.
29. *Перхавко В. Б.* История русского купечества / В.Б. Перхавко. – М.: Вече, 2008. – 512 с.
30. *Петров А. Ю.* Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867) / А.Ю. Петров. – М.: Наука, 2006. – 316 с.
31. Прейскурант Товарищества «Караван», Москва. – М.: б/и, б/г. [начало XX века]. – 36 с.
32. *Симакова М. С.* Традиционная поэтическая образность (чай, сласти) в любовных частушках: Дис. ... канд. филолог. наук / М.С. Симакова. – М.: МГУ, 2006. – 222 с.
33. *Соколов И. А.* Пути транспортировки чая в Российскую империю и внутри неё: конец XVIII – начало XX веков // Соколов И. А. Чай и водка в русской рекламе XIX – начала XX веков / И.А. Соколов, А.А. Назукина. – Приложение. – М.: Спутник+, 2008. – 104 с.
34. *Соколов И. А.* Чаеторговцы Москвы, члены их семей, некоторые предки и отдельные потомки: 1700–1990-е годы: биографический справочник / И.А. Соколов. – М.: Спутник+, 2008. – 180 с.
35. *Соколов И. А.* Чай и водка в русском быту второй половины XIX – начала XX века / И.А. Соколов, А.А. Назукина. – М.: Спутник+, 2008. – 89 с.
36. *Соловьёва Ю. Н.* Российский бизнес семейства Вогау. – М.: б/и, 2006. – 76 с.
37. *Субботин А. П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. – СПб.: Типография Северного телеграфного агентства, 1892. – 708 с.
38. *Туманик Е. Н.* Сведения о Восточной Сибири и её Приморской области в «Живописном альбоме» Гектора Бильдзукевича / Е.Н. Туманик // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: Сборник научных статей. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2004. – 234 с.
39. *Тярин Николай.* Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку Московской практической академии воспитанника Николая Тярина / Николай Тярин. – М.: б/и, 1827. – 38 с.
40. Увлекательный мир московской рекламы XIX – начала XX века / Автор-сост.: Н.М. Карась. – М.: Музей истории города Москвы, 1996. – 74 с.
41. Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки: Сборник. – М.: Волслав, 2005. – 376 с.
42. *Marc Walter.* Erinnerungen eines Unternehmers im Moskauer Wogau-Konzern / *Walter Marc.* – St. Petersburg: Olearius Press, 2004. – 159 s.

Literatura

1. *Aksyonov A. I.* Genealogiya moskovskogo kupechestva XVIII v.: Iz istorii formirovaniya russkoy burzhuazii / A.I. Aksyonov. – М.: Nauka, 1988. – 189 s.

2. *Arhangel'skaya I. D.* Iz istorii yarmarok v Rossii / I.D. Arhangel'skaya // Voprosy istorii. – 2001. – № 11–12. – S. 136–139.
3. *Ass A.* Rossiya v kartinkah: Hudozhestvennyy i promyshlennyy al'bom / A. Ass. – Odessa: b/i, 1902–1903. – 56 s.
4. *Baburina N. I.* Russkiy plakat (konets XIX – nachalo HH veka). – L.: Hudozhnik RSFSR, 1988. – 193 s.
5. *Brilenkova A. V.* Kommercheskaya reklama v Rossii: 1861–1917 gg.: Dis. ... k. i. n. / A.V. Brilenkova. – SPb.: SPGU, 2007. – 208 s.
6. *Buryshkin P. A.* Moskva kupecheskaya: Memuary / P.A. Buryshkin. – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 352 s.
7. Byt russkoy armii XVIII – nachala XX veka / Avtor-sost.: S.V. Karpuschenko. – M.: Voennoe izdatel'stvo, 1999. – 366 s.
8. *Vladimirov A. P.* Chay i vred ego dlya telesnogo zdorov'ya, umstvennyy, нравstvennyy i ekonomicheskiy / A.P. Vladimirov. – Vil'no: B/i, 1874. – 203 s.
9. *Vorozhbitova M. V.* Povsednevnyy uklad zhizni moskovskogo naseleniya serediny XVIII veka (po materialam kantselyarii konfiskatsii): Dis. ... k.i.n. / M.V. Vorozhbitova. – M.: MGU, 2004. – 378 s.
10. Vypey chayku, zabudesh' tosku: Moskva chaynaya / E.A. Tonchu. – M.: ID TON-ChU, 2006. – 176 s.
11. *Gilyarovskiy V. A.* Moi skitaniya / V.A. Gilyarovskiy. – Arhangel'sk; Vologda: Nauka i tehnika, 1987. – 477 s.
12. *Gilyarovskiy V. A.* Moskva i moskvichi / V.A. Gilyarovskiy. – M.: Pravda, 1985. – 528 s.
13. *Grigor'ev Ya. I.* Chay: [Ocherk] / Ya.I. Grigor'ev. – B/m.: B/i, 1855. – 120 s.
14. *Dal' V. I.* Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik. V 2-h tt. / V.I. Dal'. – T. 1–2. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1984. – T. 1. – 383 s.; T. 2. – 383 s.
15. Delovaya elita staroy Sibiri: istoricheskie ocherki. – Novosibirsk: Sova, 2005. – 264 s.
16. *Egorov B. F.* Botkiny / B.F. Egorov. – SPb.: Nauka, 2004. – 320 s.
17. *Esieva I. V.* Kupecheskaya dinastiya Ushkovykh: Pervaya polovina XIX v. – 1918 g.: Dis. ... k.i.n. / I.V. Esieva. – Kazan': KGU, 2004. – 226 s.
18. *Ivanov E. P.* Metkoe moskovskoe slovo / E.P. Ivanov. – M.: Moskovskiy rabochiy, 1982. – 320 s.
19. Illyustrirovannyy zhurnal literatury i sovremennoy zhizni «Niva», izdavaemyy A.F. Marksom. – 1896–1909 gg.
20. *Katts K. V.* Chaetovary (chay, kofe, kakao i surrogaty) i sahar. – M.: Tsentrosoyuz, 1927. – 140 s.
21. *Kolomiytsov N. P.* Chay. Mirovaya trgovlya chaem i vopros o kazyonnoy chaynoy monopolii v Rossii / N.P. Kolomiytsov. – M.: Tipografiya T-va Ryabushinskiykh, 1916. – 164 s.
22. *Komleva E. V.* Eniseyskoe i kupechestvo (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka) / E.V. Komleva. – M.: Akademiya, 2006. – 384 s. + 16 s. vkleyka.
23. Konstantin Korovin vspominaet... / Avtory-sost.: I.S. Zil'bershteyn, V.A. Samkov. – 2-e izd., dop. – M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1990. – 608 s.
24. *Krit N.* Materialy dlya obsuzhdeniya voprosov o chaynoy trgovle / N. Krit. – SPb.: b/i, 1864. – 375 s.

25. *Kyustin A. de. Nikolaevskaya Rossiya / A. de. Kyustin.* – М.: Terra, 1990. – 288 s.
26. *Kyustin A. de. Rossiya v 1839 godu: V 2-h tt. / A. de. Kyustin.* – М.: Izd-vo im. Sa-bashnikovyh, 1996. – 528 s.
27. *Lyubimenko V. N. Chay i ego kul'tura v Rossii / V.N. Lyubimenko.* – Petrograd: 1-aya gosudarstvennaya tipografiya, 1919. – 82 s.
28. *Payps Richard. Rossiya pri starom rezhime / Richard Payps.* – М.: Nezavisimaya gazeta, 1993. – 424 s.
29. *Perhavko V. B. Istoriya russkogo kupechestva / V.B. Perhavko.* – М.: Veche, 2008. – 512 s.
30. *Petrov A. Yu. Rossiysko-amerikanskaya kompaniya: deyatel'nost' na otechestvennom i zarubezhnom rynkah (1799–1867) / A.Yu. Petrov.* – М.: Nauka, 2006. – 316 s.
31. Preyskurant Tovarischestva «Karavan», Moskva. – М.: b/i, b/g. [nachalo XX veka]. – 36 s.
32. *Simakova M. S. Traditsionnaya poeticheskaya obraznost' (chay, slasti) v lyubovnyh chastushkah: Dis. ... kand. filolog. nauk / M.S. Simakova.* – М.: MGU, 2006. – 222 s.
33. *Sokolov I. A. Puti transportirovki chaya v Rossiyskuyu imperiyu i vntri neyo: konets XVIII – nachalo XX vekov // Sokolov I. A. Chay i vodka v russkoy reklame XIX – nachala XX vekov / I.A. Sokolov, A.A. Nazukina.* – Prilozhenie. – М.: Sputnik+, 2008. – 104 s.
34. *Sokolov I. A. Chaetorgovtsy Moskvy, chleny ih semey, nekotorye predki i otdel'nye potomki: 1700–1990-e gody: biograficheskiy spravochnik / I.A. Sokolov.* – М.: Sputnik+, 2008. – 180 s.
35. *Sokolov I. A. Chay i vodka v russkom bytu vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka / I.A. Sokolov, A.A. Nazukina.* – М.: Sputnik+, 2008. – 89 s.
36. *Solov'yova Yu. N. Rossiyskiy biznes semeystva Vogau.* – М.: b/i, 2006. – 76 s.
37. *Subbotin A. P. Chay i chaynaya trgovlya v Rossii i drugih gosudarstvah: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaya.* – SPb.: Tipografiya Severnogo telegrafnogo agentstva, 1892. – 708 s.
38. *Tumanik E. N. Sveden'ya o Vostochnoy Sibiri i eyo Primorskoj oblasti v «Zhivopisnom al'bome» Gektora Bil'dzukevicha / E.N. Tumanik // Sibirskiy plavil'nyy kotyol: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoy Azii XVI – nachala XX veka: Sbornik nauchnyh statey.* – Novosibirsk: Sibirskiy Hronograf, 2004. – 234 s.
39. *Tyarin Nikolay. Zapiski o poezdke na Nizhegorodskuyu yarmarku Moskovskoy prakticheskoy akademii vospitannika Nikolaya Tyarina / Nikolay Tyarin.* – М.: b/i, 1827. – 38 s.
40. *Uvlekatel'nyy mir moskovskoy reklamy XIX – nachala XX veka / Avtor-sost.: N.M. Karas'.* – М.: Muzey istorii goroda Moskvy, 1996. – 74 s.
41. *Frantsuzskie pervoposelentsy v Moskve i nekotorye potomki: Sbornik.* – М.: Volslav, 2005. – 376 s.
42. *Marc Walter. Erinnerungen eines Unternehmers im Moskauer Wogau-Konzern / Walter Marc.* – St. Petersburg: Olearius Press, 2004. – 159 s.

История России ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

С.А. Репинецкий

Санкт-Петербургский комитет иностранный цензуры в борьбе с крамолой (1856–1860 гг.)

В Российской империи основные функции цензуры в 1856–1860 гг. выполнялись специальными комитетами при Министерстве народного просвещения, находившимися в ведении учебных округов в главных университетских городах страны, которые, соответственно, были и основными центрами книгопечатания и журналистики. Отдельно действовала цензура для иностранных произведений — её комитеты располагались в основных транзитных торговых центрах страны: Санкт-Петербурге, Варшаве, Вильно (Вильнюсе), Киеве, Одессе, Риге. Отдельные цензоры работали в Дерпте (Тарту) и Ревеле (Таллине). В 1844 – 1917 гг. в Москве тоже действовал комитет иностранной цензуры, но в описях его фонда не значится документов за 1855–1861 гг. (ЦИАМ. Ф. 2314).

Санкт-Петербургский комитет иностранной цензуры выполнял функции старшего и рассматривал (утверждал или корректировал) постановления других комитетов, разбирал спорные случаи. В работе цензоры и чиновники руководствовались находящимся в составе Свода Законов Российской империи Цензурным Уставом 1828 г., а также всеми текущими установлениями и распоряжениями Императора, министра внутренних дел и народного просвещения. Бывали также случаи разрешения спорных ситуаций на основании формальной логики и нравственно-политических понятий цензоров и чиновников (они нередко расходились с соответствующими понятиями высших инстанций) (РГИА. Ф. 772. О. 1, ч. 2. Д. 4785. Л. 9-12; Ф. 779. О. 4. Д. 37. Л. 380-381.). Комитет собирался на еженедельные заседания, на которых рассматривались доклады цензоров и отношения других комитетов иностранной цензуры о возможности разрешения для распространения в России различных заграничных изданий.

По каждому поступавшему в Комитет изданию принималось одно из четырёх возможных решений: «разрешить к распространению и переводу», «разрешить с исключениями для публики отдельных мест», «запретить для публики», «запретить совершенно». В табл. 1 приведены сравнительные данные по принятым решениям, сначала в количестве единиц изданий, затем в процентах (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36-40).

Таблица 1

Решения комитета иностранной цензуры

Характер решения	04.01.56	27.06.56	09.01.57	19.06.57	08.01.58	28.05.58	10.01.59	24.06.59	07.01.60	18.05.60	Всего
Разрешено	33	11	32	20	59	30	102	50	99	90	526
	36,67%	57,89%	86,49%	83,33%	85,51%	85,71%	86,44%	92,59%	86,09%	87,38%	79,22%
С купюрами	28	6	2	3	6	5	3	3	6	6	68
	31,11%	31,58%	5,41%	12,50%	8,70%	14,29%	2,54%	5,56%	5,22%	5,83%	10,24%
Запрещено	29	2	3	1	4	0	13	1	10	7	70
	32,22%	10,53%	8,11%	4,17%	5,80%	0,00%	11,02%	1,85%	8,70%	6,80%	10,54%

Наглядную картину представляет диаграмма 1.

Диаграмма 1

Соотношение запрещённых и разрешённых изданий

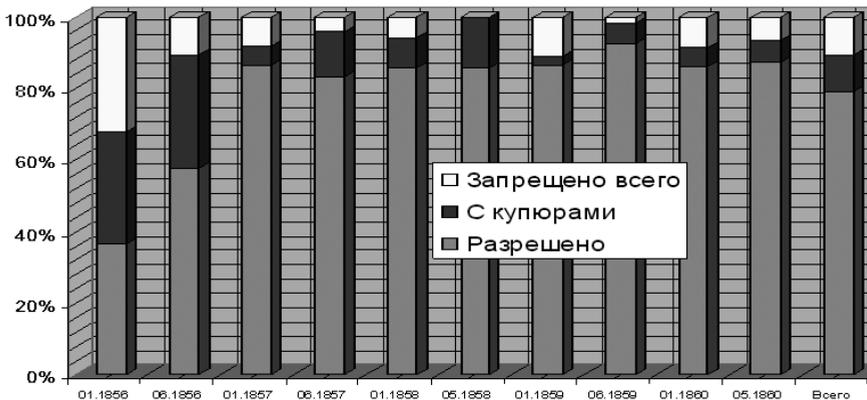
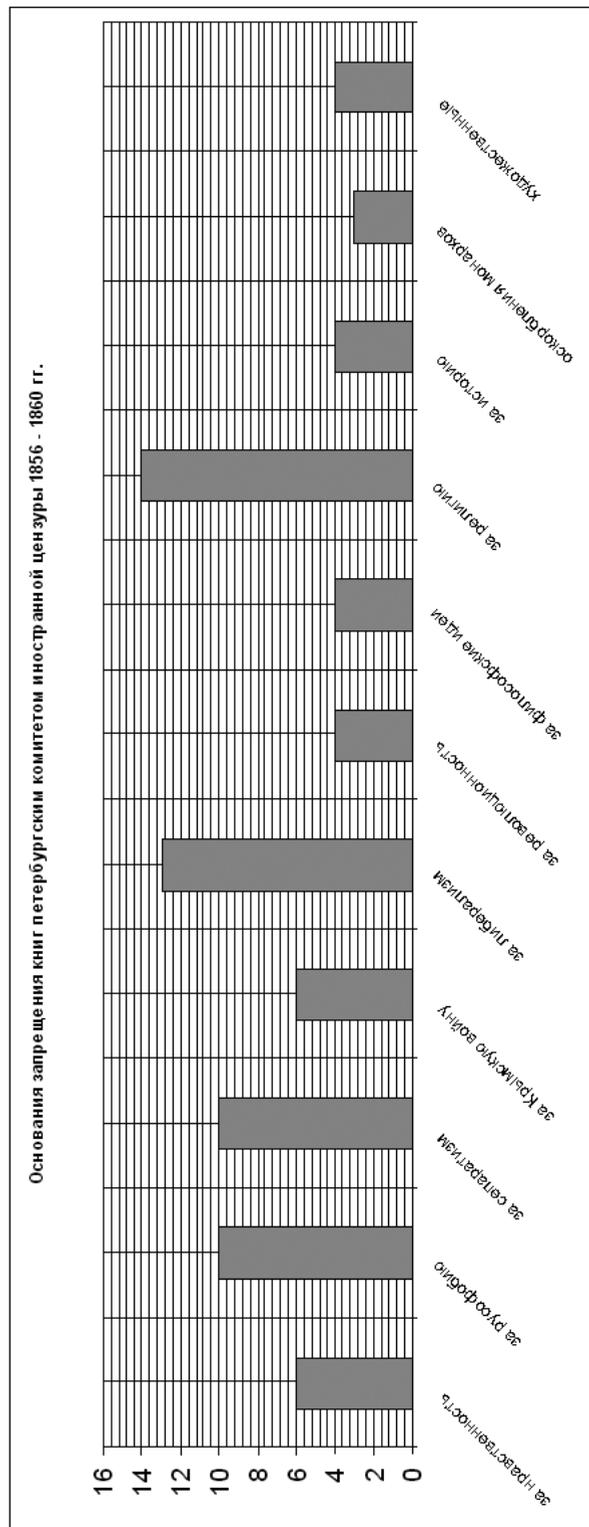

Таблица и диаграмма показывают, что в среднем подавляющее большинство проходивших через петербургский комитет цензуры иностранных публикаций разрешалось для распространения в России. Представляя на усмотрение комитета свои соображения, цензоры в обязательном порядке (за редкими исключениями) сообщали для протокола свои аргументы при вынесении запретительных решений. Особенно подробно объяснялись причины полного запрещения произведений. Благодаря этому мы можем сделать некоторые выводы о наиболее часто используемых основаниях для запрета (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

**Основания запрещения иностранных книг
(сводные данные) (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36-40)**

Рассмотрим в отдельности каждое основание. Как видно, значительное количество книг запрещалось по религиозным соображениям — недопустимость их распространения специально оговаривалась в цензурном уставе. Обычно это были сочинения, содержащие фантазии авторов, явно противоречащие канонам православной веры. Например, на первом заседании 1856 г. по представлению варшавского цензора Гинье была запрещена французская книга «*Livre de consolation*» («Книга утешения»), необходимость чего объяснялась следующим образом: «Отрицая божественность Иисуса Христа и признавая его только высшим идеалом человечества, автор старается основать новую религию...» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 8).

В 1859 г. была запрещена книга «Воскресение Иисуса Христа, а также сошествие его в ад» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 7), а в следующем году вновь цензор Гинье запретил книгу «*Spiritualism faits curieux...*» («Спиритуализм совершает любопытное...»), в которой говорилось, «что настало время, когда души умерших могут сообщаться с живыми, и что это достигнуто нами действием вертящихся столов». Далее приводился дополнительный аргумент в пользу запрещения книги: «Так как брошюра эта подверглась запрещению со стороны Латинской церкви и в ней действительно распространяется суеверие...» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 7). Это не единственный случай проявления российской цензурой «солидарности» с католической церковью. 28 марта 1857 г. по представлению цензора Берте было запрещено распространение немецкой книги о детском крестовом походе 1212 г., описывающей его в издевательском тоне (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 126).

Не менее строгому запрещению подвергалась литература, содержащая критику православия или восхваление каких-либо других конфессий. 4 января 1856 г. по представлению варшавского цензора Черскера была запрещена книга на немецком языке Г. Эвальда, который «православное греко-восточное упрекает в пренебрежении слова Божия, римско-католическое в невежестве, идолопоклонстве, религиозной и политической вражде, протестантские в недостаточном изучении Библии и слабом хранении древних догматов и символических книг» (в цитате сохранен стиль оригинала — *C.P.*). Тогда же была запрещена книга по истории церкви за превознесение её власти и влияния пап (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 9-11). В 1860 г. Гинье вновь запретил уже другое издание на том же основании (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 117).

Цензором Дукшинским в марте 1857 г. был инициирован запрет трёх французских книг — как мы видим, большинство запрещённых по религиозным соображениям книг были французские. В одной из них — «*Israel aux derniers jours de l'economie*» («Еврейский народ в последние дни в экономике»), рассказывалось об особой миссии евреев в последнюю эпоху и грядущем тысячелетии, «...роль Вавилонской блудницы и чудовища, восседающего на семи холмах представляется римскому папе, Евреи, еще до обращения своего, должны занять опять святую землю, но в пределах гораздо обширнейших, самое их обращение должно последовать не в христианскую веру, а в древ-

ний Моисеев закон, утонченный и преобразованный». В других двух книгах говорилось о русском православном духовенстве: в первой указывалось, что оно «по вражде к католикам бросилось в объятия протестантизма», а вторая повествовала о русских священниках, принявших католицизм и работавших миссионерами в Америке (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 126) — такой «при-скорбный факт» тоже не был дозволен к распространению в России.

Определённая доля заграничных изданий запрещалась для распространения в стране по морально-этическим соображениям. Например, 27 июня 1856 г. по представлению цензора Дукшинского было запрещено распространение французского романа, который, «представляя уродливые сцены бесчувственности и разврата обдуманного, находит оные естественными и как бы соответствующими нравам времени» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 246). 10 января 1859 г. по рекомендации одесского цензора Палеолога была запрещена греческая книга о «развратных нравах и грубом варварском языке константинопольской черни» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 7). 18 мая 1860 г. по представлению цензора Лебедева был запрещён немецкий путеводитель по Гамбургу для «волоки и гуляк» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 1).

Иногда запрещению подвергались и труды, посвящённые тому, что в наше время уже практически стало нормой, а цензорам середины позапрошлого столетия казалось безнравственным и заставляло их делать далеко идущие выводы о возможном вреде от их распространения. Так, в начале 1859 г. по представлению цензора Бистрама была запрещена книга «Comment on se marie? Par de Grammont» («Как выйти замуж?») за «рассуждения, большей частью клонящиеся к уничтожению святости супружеского союза, как главного основания семейства, а вместе с тем и всеобщего в государстве порядка, что было постоянным стремлением коммунистов для успешнейшего достижения таким образом их революционных видов» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 1).

Мы рассмотрели вместе два основных основания запрещения книг, не имеющих прямого отношения к политике — вместе они охватывали примерно четверть запрещаемых изданий. Остальные запреты выносились по политическим соображениям. Наиболее распространённым основанием для запрещения книги по политическим мотивам было наличие в издании либеральных идей. В эту группу мы объединили все случаи, когда авторы прямо обвинялись в «либерализме», а также в «пропаганде свободы», «прав народа» и т.п.

На первом же заседании 1856 г. по представлению варшавского цензора Ливета за «либеральный дух» была запрещена книга «Les Morts Inconnus par E. Pelletan, Paris, 1855» («Неизвестные мёртвые») о двух французских протестантских пасторах времен гугенотов, которые «изображаются поборниками свободы совести и вместе предшественниками проповедников политической свободы» и по представлению варшавского же цензора Гинье книга «Etudes sur le XVIII siecle par E. Bersot, Paris, 1855» («Исследования о XVIII веке») как сочинение, «написанное в либеральном духе с превознесением Волтера, Руссо, Дидро и Монтескье...». 14 марта того же года цензор Роде запретил

распространение немецкой книги, в которой им был «замечен умеренный либерализм» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 10, 13, 55).

В следующем году он же запретил произведение Гервинуса на немецком языке за «те же либеральные, враждебные самодержавию мысли, которые были им высказаны и в первом томе, подвергнутом запрещению для публики» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 1). В 1860 г. Гинье запретил «*Histoire de la liberte religieusee en France et de ses fondateurs par I.M. Dargaut*» («История религиозной свободы во Франции и её основателей»), в которой «либеральные идеи автора не доходят однако ж до низвержения тронов, он находит однако справедливым самое широкое участие народа в управлении» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 117) — этого оказалось вполне достаточно для ограждения российского общества от такого сочинения. Отметим, что в борьбе с «либеральным духом» пострадали, прежде всего, опять же французские книги, а отличились особой ретивостью — в ещё большей степени, нежели в отношении религиозных вопросов — именно варшавские цензоры, в особенности Гинье.

Но не всегда сочинители обвинялись в «либерализме» напрямую. Например, на первом заседании 1856 г. по представлению виленского цензора Гольмблада была запрещена «*Struensee. Drame historique en cinq actes par Eduard Meyer. Paris, 1855.*» («Струензе», историческая драма в 5 актах), в которой главного героя «Струензе как министра автор изображает отличным государственным человеком, стремящимся способствовать политической свободе датского народа возвышением состояния крестьян и граждан и отнятием привилегий у дворянства» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 2).

Запрещались за либеральные идеи и немецкие произведения. В 1857 г., например, цензором Дукшинским было запрещено сочинение «*Genesis der Revolution 1648–1806. Von Dr. C. Hoffer*» («Генезис революции 1648-1806»), так как «автор старается показать, что ограничение свободы народных сословий и усиление монархической власти в делах политических и церковных способствовали преимущественно к зарождению революционных начал и к доставлению оным торжества» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 1). В 1859 г. «отдельным ревельским цензором» Благовещенским было запрещено распространение немецкого романа о Робеспьере, в котором «выставлена кротость его характера... Предосудительным по преимуществу оказывается в этом романе то, что в нем помещены речи частью самого Робеспьера, частью других республиканцев, в которых выражается ненависть к монархической власти и проповедуется святость и непреложность народной воли» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 8-9).

Остановимся ещё на двух примечательных примерах. В 1856 г. по представлению варшавского цензора Тугендгольда был запрещён роман за то, «что авторы предметом одного избрали невольничий быт в Северо-Американских Штатах с преимущественной целью распространить вообще демократические свои мнения» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 11). Такая странная формулировка отнюдь не была случайностью в тот период, а выглядела вполне за-

кономерно. В 1856–1857 гг. открытое обсуждение крестьянского вопроса в печати ещё не позволялось и эмансипаторы (как тогда именовались сторонники освобождения крестьян) маскировали свои проекты под работы по истории схожих реформ в других странах [9: с. 101; 10: с. 85–105]. Сравнение русского крестьянина с американским негром-рабом тоже было достаточно популярно: его использовала редакция журнала «Русский вестник», Георгиевский посвятил невольникам в колониях специальную статью в том же издании, о них же писали и в «Отечественных записках» [1: с. 113–131; 5: с. 249; 8: с. 133–136].

В документах изучаемого периода можно найти и прямые указания на использование в публицистике аналогий между положением американских рабов и русских крестьян. Например, чиновник особых поручений МНП Палаузов 4 сентября 1857 г. обращал внимание начальства «...на № 20 Молвы, где... представляет рабский труд американских негров трудом нашего крестьянского сословия...» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3989. Л. 26). Издатель активно участвовавшего в общественной полемике журнала «Атеней» Е.Ф. Корш 22 октября 1857 г. писал о современной ситуации П.В. Анненкову: «...меры относительно крестьян, при всей ограниченности своей, произвели неожиданное действие — как будто бы никто их не ожидал. Со стороны дяди Тома до сих пор почти не заметно волнения, волнуется больше Ваш брат помещик» (ИРЛИ РАН. Ф. 7. Д. 57. Л. 16). В обществе всем было очевидно, кто такой «дядя Том» в России.

На заседании 10 января 1859 г. по представлению цензора Бистрама была запрещена книга «De la guerre et des armees permenentes. Par Larroque. Paris 1856.» («О войне и постоянных /регулярных/ армиях»), проповедовавшая пацифизм и разоружение через речи «космополитов, предавшимися мечтаниям о всеобщем мире, вследствие чего будто бы должны сделаться ненужными армии». Комитет счёл, что «подобного рода утопии не заслуживали бы никакого внимания, если бы в них не скрывались идеи чисто демократические» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 1). Перефразируя слова протокола, можно сказать, что подобного рода запрещения, может быть, и не заслуживали бы особого внимания, если бы запрещаемые тогда идеи не овладели миром уже менее чем через столетие.

Гораздо больше, нежели за либерализм или по религиозным соображениям, запрещалось произведений прямо направленных против России её государственного строя. Мы их разделили на 2 группы: условно именуемые «русофобскими» (критикующие страну) и «сепаратистские» (пропагандирующие идеи независимости отдельных национальных окраин). Оба основания для запрещения также были оговорены в регламентирующих документах.

Иногда цензоры ссылались и на прошлый опыт: например, в 1857 г. Дукшинский, запрещая книгу за либеральные идеи, оговаривался: «Независимо от сего сочинение наполнено предосудительными отзывами о политике России, которые всегда запрещались Ценсурой» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 1) — в тот период это слово писалось в официальных документах через букву «с», тогда как в частной переписке уже было распространено современное написание. В этом и

ряде других случаев произведение было запрещено сразу по нескольким основаниям. Поскольку в приведённых выше таблицах и диаграммах мы подсчитывали именно случаи использования того или иного основания, каждое произведение отдельно учтено по каждому основанию для его запрета.

Например, в 1856 г. по представлению уже упоминавшегося варшавского цензора Гинье комитет запретил сочинение, автор которого пропагандировал «близкое политическое восстановление польской, маджарской и румынской народностей, которое он представляет единственным средством к прекращению волнений в Европе. Статистические и исторические данные о славянских землях автор искажает с намерением унижить Россию и придать особенное значение так называемым польским провинциям и заимствует сведения из враждебных России сочинений Кюстина, Головина и Тургенева, наполняя выписками из них всю вторую часть книги» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 10). В этом постановлении комитета не только объединены оба «антироссийских» основания, но и указывается на персоналии политических эмигрантов периода правления Николая I как недозволенных авторов и источников сведений о России для иностранцев. Похожий случай датирован 1857 г. Цензором Дукшинским был пропущен французский географический справочник для детей, но с обязательным исключением статьи о России, которая названа «коршуном», а «автор сочувствует храбрым полякам» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 249).

Цензурный комитет запрещал и упоминавшиеся ранее художественные произведения, например, на основании того, что «автор влагает в уста Струэнзе (своего вымышленного героя — *C.P.*) враждебные отзывы о России». Классические примеры «русофобии» в иностранных книгах рассматривались на заседании 7 января 1860 г., когда были запрещены «*La Russie, son peuple et son armée par L. Delury*» («Россия, её народ и армия») за «самые нелепые рассказы о России» и «*Progres en Russie...*» («Прогресс в России...»), поскольку «имя Ивана Головина, автора этой брошюры, достаточно для того, чтобы догадаться о направлении оной. Она заключает в себе самую горькую критику на все, что делается в России...» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 1, 7). Последнее сочинение принадлежало перу политического эмигранта.

Яркие примеры «сепаратистских» сочинений представляют издания по польскому вопросу. Среди них запрещённая на первом же заседании 1856 г. книга по польской истории (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 11), запрещённый в 1857 г. цензором Дукшинским изданный в Париже манифест польских выходцев (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 371), запрещённая в 1859 г. изданная во Франции книга по истории Польши, оказавшаяся, с точки зрения комитета, написанной «в умеренном духе, но ...по предосудительности его содержания...» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 7), запрещённые в 1860 г. цензором Броневским польские патриотические стихи Красинского за выражение «сожаления о безвинном падении Польши и надежды на скорое ее восстановление» и запрещённые в том же году цензором Функенштейном польские антироссийские стихи (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 7, 114).

На страницы сочинений такого рода попадает и критика разворачивающейся подготовки крестьянской реформы. Например, в 1859 г. по представлению виленского цензора Кукольника была запрещена литовская книга, которая, по его характеристике, «заключает в себе взгляд на нынешнее положение крестьян в Литве, распоряжения Правительства, стремящиеся к улучшению их быта и средства к достижению этой цели. Хотя автор по-видимому отдает справедливость Высочайшему распоряжению на счет выкупа крестьянами усадеб, но во многих местах он отзывается об этой мере такими словами, которые явно противоречат смыслу Высочайшего рескрипта» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 6). В дальнейшие подробности протокол не входил, и нам не встретилось других случаев столкновения комитета с критикой состояния крестьянского вопроса в иностранной литературе.

В изучаемый период антироссийские настроения зачастую выражались в форме нелестных заявлений о политике и боевых действиях русских в ходе Крымской войны. Содержащие их издания также запрещались и мы выделили это основание для запрета. Вполне закономерно, что подавляющее большинство запрещённых по этому признаку произведений происходили из Франции — противника России в ходе войны. Например, 14 марта 1856 по представлению цензора Дукшинского была запрещена книга «Un episode de la compagne de Russie» («Эпизод кампании в России») за искажения истины, а цензором Воловским — «Les hommes de la Guerre d'Orient» («Люди Восточной войны») «по враждебному для России направлению» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 120).

В качестве исключения можно назвать запрещённый в 1860 г. по рекомендации цензора Фехта немецкий сборник гимнов за «восхваление подвигов английских войск во время Крымской кампании» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 7). Остановимся на трёх запрещённых французских книгах о Крымской войне, представлявших достаточно оригинальные и интересные варианты враждебной России политической пропаганды, с которой приходилось бороться иностранной цензуре. Запрет комитета в начале 1856 г. по представлению цензора Дукшинского вызвал «памфлет» «Jemmapes ou Waterloo!» (Жемап или Ватерлоо), автор которого предложил довольно оригинальную трактовку международной политической ситуации. Он считал, что «Австрия, Пруссия и Россия разыгрывают комедию, чтобы погубить под Севастополем отборные войска союзников и после того броситься на Францию, гнездо революции и республиканских идей...» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 41).

10 января 1859 г. по представлению одесского цензора Палеолога была запрещена книга «Histoir de la Guerre d'Orient par Segur» («История Восточной войны») за то, что «автор для оправдания войны с Россией, старается ей самой приписать все причины оной, приводя буквально официальные бумаги кабинетов, он объясняет их с своей точки зрения и не скупится на оскорбительные и несправедливые выходки против России, ее Правительства и самого Государя» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 7). Ровно через год по представлению цензора Комаровского комитет запретил книгу «Les adventures de Jean Pier Chrysostome Piou

en Stimee par E. Dejoux» («Приключения Жана Пьера Златоуста Пиу в Крыму»), поскольку «в этой детской книжке представлена в смешном виде армия наша» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 1). Отметим, что на рассмотрение комитета, как правило, попадали книги, ввозимые в страну по заказу российских книготорговцев, учреждений или частных лиц, поэтому можно предполагать, что подобного рода сочинения были интересны отечественной публике.

Некоторые книги запрещались по причине искажения в них истории (то есть, по всей видимости, её официальной версии), пропаганды недозволенных философских идей, революционных лозунгов и оскорбления российских или зарубежных царствующих особ. Среди книг, запрещённых по последнему основанию, были произведения, затрагивавшие достоинство российского императора, французского императора Наполеона III, «нападки на личные свойства короля» Фридриха-Вильгельма IV (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 7; Д. 40. Л. 109; Д. 36. Л. 12). Г. Эвальд в труде, также запрещённом комитетом, делал более широкие обобщения – по словам протокола, «сочинение это содержит направленные против Государей Европы обвинения в том, что они с 1815, 1830 и 1848 годов, не исполнили данных народам обещаний» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 9).

В книгах, запрещённых за свою «революционность», редко встречались тексты, подтверждающие то, в чем их обвиняли – обычно подобная характеристика давалась самими цензорами (как мы указывали, революционность виделась чиновникам даже в сомнительных рассуждениях об институте брака). Например, в 1859 г. по представлению цензора Бистрама было запрещено распространение немецкой книги, направленной против Меттерниха, которая, по характеристике комитета, была «проникнута революционными идеями, противными монархической власти, и даже вере христианской и нравственности» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 39. Л. 1). Исключением из этого правила можно считать запрещённый 4 января 1856 г. сборник стихов L. Marchessan за признание автора в «службе великой революционной армии» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 246).

Интересно отметить, что среди исторических книг запрещению и купюрам подверглись немецкие учебники и научные труды (в том числе по представлению цензора Берте «Всеобщая история» Шлоссера) (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 120; Д. 37. Л. 250) и французские псевдонаучные или художественные сочинения. Среди них, например, иезуитская книга, доказывающая на материалах архива ордена незаконность коронавания Петра Алексеевича вместе с братом Иоанном или вместо него и роман «Le Prince. Roman historique» («Принц. Исторический роман»), «заимствованный из времен Екатерины II..., автор представляет тогдашний русский Двор поприщем самых черных интриг» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 126, 249). Правда, были и исключения: в 1856 г. по рекомендации цензора Берте было запрещено распространение поэмы о немецких инвалидах, служивших «в войске инсургентов в 1848 и 1849 годах... При этом автор прославляет подвиги этих мятежников...» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 25).

Среди недозволенных философов были, прежде всего, Г.Ф.Г. Гегель и Просветители. Например, в начале 1856 г. по представлению цензора Гольмблада

было запрещено распространение французской статьи о Ж. Ж. Руссо, «так как она, по содержащемуся в ней превознесению учений Руссо, может способствовать распространению ложных философских и религиозных понятий», а 11 сентября 1857 по представлению «Ревельского отдельного цензора Благовещенского» была запрещена книга, представлявшая собой, по его словам, «практическое приложение философии Гегеля, столь мало совместной с нашими понятиями о государстве» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 3; Д. 37. Л. 377). Попадали в комитет и произведения сторонников утопических теорий, которые можно было запретить сразу по нескольким основаниям. Так, например, произошло (по рекомендации цензора Ливера) с книгой Р. Enfenten'a «Saint Simon» за пропаганду «принципов учения Сен-Симона о физиологии религии. Не будьте ни язычником, ни христианином, вот главная его доктрина» (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 40. Л. 7).

Как мы упоминали, произведения сначала рассматривались отдельными цензорами, которые докладывали свои соображения комитету, а он уже на заседании принимал окончательное решение. В большинстве случаев комитет соглашался с мнением цензоров, но иногда поступал строже или мягче — по всей видимости, эти постановления отражали согласованную позицию цензоров, а не единое мнение, то есть в работе комитета присутствовал определённый демократизм, на что указывает и приводимый далее документ. В спорных ситуациях дело передавалось для окончательного решения в Главный цензурный комитет (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36. Л. 3, 20-24; Д. 37. Л. 380-381). Для примера можно рассмотреть один случай возникшей в комитете дискуссии, достаточно подробно описанной в протоколе заседания 11 сентября 1857 г.

Председатель комитета А. Красовский счёл оскорблением России и присланную купцу I гильдии Соловьёву из Амстердама масляную картину с карикатурой на Парижский мирный конгресс 1856 г., на которой было «изображено двенадцать совещающихся собак». Большинство членов решило не рассматривать картину, поскольку она предназначена для одного человека и речь не может идти о распространении произведения в полном смысле этого слова, следовательно необходимо вернуть ее таможене. Председатель же «затруднился принять такое мнение», так как разрешение на ввоз такой оскорбительной для послов картины автоматически позволит ее и «ей подобные» рисунки демонстрировать и тиражировать. В итоге дискуссии дело было передано на рассмотрение в Главный цензурный комитет (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 380-381).

В борьбе за право откровенного печатного обсуждения всех насущных вопросов общественность сосредоточилась на подтачивании именно внутренней цензуры, а цензура иностранных произведений оставалась вне основного поля борьбы. Эта цензура в значительной степени оказалась «заповедником» прежней законности в сравнении с внутренней цензурой, где сами чиновники нередко становились активными проводниками исходящих от общества либеральных импульсов. Поэтому деятельность цензуры для зарубежных изданий и её результаты служат наглядным примером к известному тезису о неэффективности старой системы: перед нами мало затро-

нудое общественной борьбой учреждение и его очевидная неспособность исполнить поставленную задачу.

Литература

1. *Георгиевский*. Об уничтожении невольничества в английских колониях / Георгиевский // Русский вестник. – 1858. – Т. 14. – С. 113–131.
2. Записка о письменной литературе // Голоса из России: сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева: [в 4 вып.] / А. И. Герцен; Н.П. Огарев. – [факс. изд.]. – Т. 1. – М.: Наука, 1974. – С. 40–60.
2. *Киреева Р. А.* Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина / Р. А. Киреева. – М.: ОГИ, 2004. – 512 с.
3. Крестьянский вопрос // Современная летопись. Русский вестник. – 1858. – Т. 14. – С. 3–35, 128–155, 243–289.
4. Новые негры // Отечественные записки. – 1857. – № 4. – С. 133–136.
5. *Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время / Б.Э. Нольде. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 542 с.
6. *Пирожкова Т. Ф.* Б.Н. Чичерин в журнальной полемике 1856–1858 гг. и его суждения об этике журналиста / Т.Ф. Пирожкова // Из века в век, 1702–2002. Из истории русской журналистики: Сб. ст. / Ред. Б.И. Есин. – М.: б/и, 2002. – С. 84–105.
7. *Сухомлинов М.* Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. [Текст] / М. Сухомлинов. – СПб., 1866. – 112 с.
8. *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России / П.К. Щебальский. – СПб.: тип. Ф. Персона, 1862. – 107 с.

Literatura

1. *Georgievskiy*. Ob unichtozhenii nevol'nichestva v angliyskikh koloniyah / Georgievskiy // Russkiy vestnik. – 1858. – Т. 14. – С. 113–131.
2. Zapiska o pis'mennoy literature // Golosa iz Rossii: sborniki A.I. Gertsena i N.P. Ogareva: [v 4 vyp.] / A.I. Gertsen; N.P. Ogarev. – [faks. izd.]. – Т. 1. – М.: Nauka, 1974. – С. 40–60.
3. *Kireeva R. A.* Gosudarstvennaya shkola: istoricheskaya kontseptsiya K.D. Kavelina i B.N. Chicherina / R.A. Kireeva. – М.: OGI, 2004. – 512 s.
4. Krest'yanskiy vopros // Sovremennaya letopis'. Russkiy vestnik. – 1858. – Т. 14. – С. 3–35, 128–155, 243–289.
5. Novye negry // Otechestvennye zapiski. – 1857. – № 4. – С. 133–136.
6. *Nol'de B. E.* Yuriy Samarini ego vremya / B.E. Nol'de. – М.: EKSMO: Algoritm, 2003. – 542 s.
7. *Pirozhkova T. F.* B.N. Chicherin v zhurnal'noy polemike 1856–1858 gg. i ego suzheniya ob etike zhurnalista / T.F. Pirozhkova. // Iz veka v vek, 1702–2002. Iz istorii russkoy zhurnalistiki: Sb. st. / Red. B.I. Esin. – М.: б/и, 2002. – С. 84–105.
8. *Suhomlinov M.* Materialy dlya istorii prosvescheniya v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. [Tekst] / M. Suhomlinov. – SPb., 1866. – 112 s.
9. *Schebal'skiy P. K.* Istoricheskie svedeniya o tsenzure v Rossii / P.K. Schebal'skiy. – SPb.: tip. F. Persona, 1862. – 107 s.

История России СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.А. Боева

Ликвидация партий социалистов органами ГПУ–ОГПУ в годы нэпа

После окончания гражданской войны с врагами советской власти по-прежнему оставались оппозиционные партии социалистов. Верховушка РКП (б) упорно считала эти партии, безусловно, контрреволюционными. А ведь когда-то большевики и меньшевики были единой марксистской партией, и те, и другие считали себя выразителями интересов рабочих. Но теперь руководители партии большевиков весьма неоднозначно высказывались о партиях социалистов. Так, например, в марте 1922 г. В.И. Ленин предлагал: «За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды». Он требовал усиления «и надзора, и репрессий» против меньшевиков, «самой беспощадной борьбы с ними и самого максимального недоверия к ним (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)» [1: с. 242]. Такая установка отличалась неоправданной прямолинейностью, не учитывала важных изменений, происходивших после окончания гражданской войны в политике и тактике этих партий. На самом деле, как мы полагаем, у большевиков уже не было ни одного действительно серьезного политического противника, способного плодотворно работать в условиях постоянного экономического кризиса и общей малограмотности населения. Программы всех нелегальных партий требовали определенного образовательного уровня населения не только для своего осуществления, но даже для их понимания. Планы преобразования советской системы, предлагаемые оппозиционными партиями, были во многом абстрактными и, в первую очередь, не учитывали особенностей развития страны. Ориентировались планы, прежде всего, на интеллигенцию. Но поддерживающих оппозицию интеллигентов было недостаточно даже для захвата власти. В последнем меньшевики отдавали себе отчет и предполагали осуществить смену власти мирным путем — от «республики Советов к демократической республике», используя существовавшую политическую

систему. Кроме того, эти партии объявили себя лояльными советской власти, отказались от вооруженной борьбы против нее.

Однако отдельные лидеры меньшевиков и эсеров в условиях нэпа резко критиковали непоследовательность властей в проведении экономической политики, требовали отказа от большевистской диктатуры, расширения демократии, что воспринималось как угроза советской власти. Одновременно наметилась неустойчивая тенденция к усилению их влияния среди рабочих и крестьян в годы нэпа. В связи с этим на оппозиционные партии возлагалась основная вина за происходившие волнения и восстания трудящихся. Реакция на это последовала очень быстро. Ответом стало усиление репрессий.

Была выработана широкая программа практической деятельности партийных органов и ВЧК–ОГПУ по борьбе с противниками советской власти. Поэтому последовавшие события — судебный процесс над деятелями партии эсеров и разгром оппозиционных партий; депортация из страны и ссылка в отдаленные районы страны нелояльных лиц — с нашей точки зрения, можно рассматривать как результат этой программы, принятой руководством РКП (б) и реализованной ГПУ–ОГПУ.

Для успешного выполнения данной программы органы ГПУ–ОГПУ имели в своем распоряжении довольно большой набор «гласных и негласных» карательных средств и методов. Так, спецслужба в этом направлении могла осуществлять оперативно-организаторскую деятельность, вести оперативную работу в отношении антисоветских групп и организаций на территории РСФСР и за кордоном; производить дознание и предварительное следствие, обыски и аресты; подавлять при помощи специальных войск вооруженные контрреволюционные выступления; создавать специальные места заключения для «классово-чуждых» элементов; высылать за пределы РСФСР и ссылать в отдаленные районы страны неблагонадежных лиц.

Был разработан комплекс мер, практиковавшихся ГПУ–ОГПУ против социалистов. Он составлял взятие на учет всех членов оппозиционных партий, включая и заявивших о выходе из них, и «сочувствующих», и установление за ними «самого тщательного наблюдения» с прицелом на последующий арест и осуждение. В случае малейшего подозрения социалиста (даже бывшего или занимающего ответственный государственный пост) в антибольшевистской деятельности следовал немедленный арест и тюремное заключение [3].

Справедливости ради нужно отметить, что были случаи и освобождения членов оппозиционных партий. Так, в январе 1922 г., на заседании ВЦИК было принято решение по делу 10 рабочих Симбирского патронного завода. Оно гласило: «Принадлежность к с.р. и меньшевикам не подтвердилась следствием, агентурный же материал не внушает доверия (возможны личные счета). Дали клятву, что никогда против Соввласти выступать не будут и все силы отдадут на поднятие производительности труда на заводе. На основании этого было написано заключение об их освобождении и высылке по месту жи-

тельства» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 116. Л. 14, 44). Но такие случаи были не правилом, а скорее исключением.

Чаще всего в таких «освобождениях» заключался особый смысл. «В интересах дальнейшей разработки дела арестованных Тверских меньшевиков и окончательного выявления лиц, причастных к РСДРП находящихся на свободе не установленных ни следствием, а также и агентурой, полагаю всех проходящих граждан по настоящему делу № 18180 освободить под подписку о явке в Тверской ГПУ через каждые 2 недели для регистрации» читаем мы в одном из заключений по делу меньшевиков (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 893. Л. 315).

Особую «заботу» руководство большевиков уделяло организации мест лишения свободы. Для «классово-чуждых» элементов создавались специальные места лишения свободы, которые находились в ведении ОГПУ. Так 20 апреля 1921 г. Политбюро постановило создать концлагерь в районе Ухты на 10–20 тыс. человек. Затем решением Политбюро он был переведен в Холмогоры. К концу 1923 г. Холмогоро-Пертоминские лагеря ОГПУ были передислоцированы на Соловецкие острова [6: с. 88]. Специальным постановлением Политбюро ЦК РКП (б) в декабре 1921 г. было принято решение об организации лагеря ВЧК на острове Челекене (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 244. Л. 3). В ведении ОГПУ находились Суздальский концентрационный лагерь, Бутырская тюрьма, так называемая внутренняя тюрьма, а также политизоляторы: Ярославский, Суздальский, Верхне-Уральский, Челябинский, Тобольский, которые подчинялись с 1925 г. тюремному отделу ОГПУ.

Кроме арестов и длительных сроков заключения спецслужба использовала и другие карательные меры. Говоря о борьбе ГПУ–ОГПУ с оппозиционными партиями, необходимо отметить, что спецслужба дифференцированно подходила в своей деятельности по отношению к партиям. Ведя постоянный контроль за этими партиями, чекисты довольно быстро реагировали на происходившие в них изменения. Обнаруженные в архиве циркуляры — инструкции по отношению к партиям доказывают этот вывод (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 331. Л. 21, 300; Ф. 66. Оп. 1. № 128а. Л. 1–3. № 128б. Л. 1). Эти инструкции утверждались в ЦК РКП (б) и становились руководством к действию. Например, 4 июня 1921 г., в день представления В.И. Ленину «плана» ВЧК, Политбюро дало директиву усилить борьбу против меньшевиков ввиду «активизации их контрреволюционной деятельности» [1: с. 445]. А 28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП (б) постановил предпринять вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров» [1: с. 516]. Такой процесс стал готовиться только в отношении правых эсеров. Весной 1922 г. органы ГПУ начали расследование деятельности правоэсеровской партии в годы гражданской войны. Началась подготовка к процессу над правыми эсерами.

Заграничная делегация меньшевиков в Берлине (Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, Р.А. Абрамович) выступила с призывом создать единый фронт для защиты российских социалистов. В начале апреля 1922 г. состоялась конференция предста-

вителей трех Интернационалов (Коммунистического, Второго и Венского), на которой обсуждался вопрос о суде над российскими эсерами. Ю.О. Мартов сразу же расценил суд над эсерами как «террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации», «метод расправы большевиков со своими политическими противниками вообще». На этом совещании К.Б. Радек, представлявший Коминтерн, дал обещание пригласить на процесс зарубежных защитников и не применять смертной казни к осужденным. Ю.О. Мартов саркастически писал по этому поводу: «На берлинском совещании трех Интернационалов г. Радек, желая уязвить большее тов. Церетели, патетически заявил, что за ним он отрицает право протестовать против террора, ибо он в 1917 г. требовал смертной казни для шпионов и дезертиров, а вот за Мартовым признает, ибо последний и в то время протестовал против смертной казни. На этом основании все большевистские деятели должны считаться лишенными всякого права апеллировать к гуманности и праву, когда речь идет даже о самых вопиющих, с нашей точки зрения, проявлениях белого террора» [7: с. 137]. Ю.О. Мартов предлагал себя для поездки в Москву в качестве защитника, он же обратился к Николаевскому с просьбой воздействовать на Горького и убедить его выступить в защиту осужденных эсеров. Позже Н.И. Бухарин признавал, что «социалисты сумели тогда поставить на ноги всю Европу и сделали невозможным приведение в исполнение смертного приговора эсерам» [7: с. 139].

В мае 1922 г. ЦК РКП (б) «предложил» партийным организациям «начать самую энергичную письменную и устную агитацию вокруг процесса эсеров среди широких пролетарских элементов», причем указывалось на «необходимость применения к подсудимым наиболее суровой кары» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 293. Л. 101-102). Начались регулярные заседания «тройки» Политбюро «по эсерам», в июне преобразованной в «пятерку» (в нее вошел и представитель ГПУ). Именно здесь, в ГПУ, во всех мельчайших деталях был разработан сценарий будущего судебного процесса, определены сроки и места проведения манифестаций трудящихся, даны конкретные указания относительно характера и направленности всей агитационно-пропагандистской кампании в связи с процессом, даже названы фамилии, так называемых, свидетелей, определены тезисы выступлений участников митингов, свидетелей и обвинителей (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Т. 1. Л. 229-231). В мае 1922 г. губернские отделы ГПУ получили указание из Москвы установить слежку за настроениями на местах, которое по цепочке было передано рядовым агентам спецслужбы (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 349. Л. 100).

С 8 июня по 7 августа 1922 г. дело ЦК и отдельных членов партии правых эсеров рассматривало специальное присутствие Верховного революционного трибунала при ВЦИК. Всего обвинялись 218 человек, перед судом предстали 34. После долгого 50-дневного судебного разбирательства Верховный революционный трибунал огласил приговор. Трибунал приговорил к расстрелу нескольких лидеров партии и ходатайствовал перед ВЦИК о полном освобождении от наказания тех подсудимых, кто «добросовестно заблуждались при

совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции». На следующий день после вынесения приговора президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство трибунала и приостановил исполнение приговора о высшей мере наказания при условии, что правые эсеры прекратят подпольную и террористическую деятельность. В начале 1924 г. все заключенные по процессу были амнистированы.

В то время, когда обвиняемые были амнистированы, преследованию подверглись некоторые участники этого процесса. Так нами было обнаружено дело некоего Жданова — защитника на процессе правых эсеров. Арестован он был 17 августа 1922 г., вскоре после процесса, на котором выступал защитником. В деле отмечалось «...что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени, он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей анти-советской деятельности, при чем в моменты внешних затруднений для РСФСР, свою контрреволюционную деятельность усиливал. А посему, на основании п. 2 лит Е Положения о ГПУ от 6 февраля с.г. (выделено мною. — Л.Б.) полагают административно выслать в ссылку в г. Вятку сроком на 3 года» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. № 139. Л. 89, 99). Как видим, для ареста и ссылки человека достаточно было указать пункты из Положения о ГПУ, которые ни при каких обстоятельствах законом не были. Потребовалась девятимесячная переписка по этому делу и вмешательство А.И. Рыкова, С.И. Мицкевича, И.И. Скворцова-Степанова, Е. Преображенского и др., чтобы постановление о высылке было отменено (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. № 139. Л. 100).

После завершения процесса над эсерами получило новый импульс преследование людей, не разделявших утверждавшейся официальной идеологии. В первую очередь, это касалось партии меньшевиков. Еще в ходе процесса над эсерами 22 июня 1922 г. на очередном заседании Политбюро был рассмотрен вопрос о меньшевиках, подготовленный И.С. Уншлихтом. В протоколе записано: «а) предложенные т. Уншлихтом операции одобрить; б) поручить т. Уншлихту совместно с т.т. Куйбышевым и Зеленским еще раз проверить список арестуемых меньшевиков; в) предложить Уншлихту представить в Политбюро список ранее наиболее активных меньшевиков, действующих в рабочих районах, как Сормово, Брянск и т.п.» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 299. Л. 4). В передовице «Правды» 2 июля 1922 г. говорилось: «Процесс эсеров выявил политику меньшевиков. Не требуя от эсеров отказа от вооруженной борьбы с Советской властью, они требуют отказа от репрессий против эсеров. Пусть меньшевики сами пеняют на себя, если их будут оценивать не по родословной, а по делам» (Правда. — 1922. — 2 июля).

Началась новая широкомасштабная травля, объектом которой снова стала РСДРП (меньшевики). Характерен документ, обнаруженный в архиве, который определяет причины усиления репрессий против меньшевиков. Вот как в нем трактуется эта причина: «Последнее время МК РСДРП в своей искусной контрреволюционной работе *обнагел до последней степени* (выделено

мною. — Л.Б.), вынуждающей ГПУ принять против пагубной деятельности МК РСДРП репрессивные меры» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 116. Л. 268).

В сентябре 1922 г. Секретный отдел ГПУ потребовал от губернских отделов Управления произвести повальное «изъятие» членов РСДРП, организации, формально все еще «легальной». «Обыски произвести у всех активных, так и неактивных, а также и у сочувствующих, — предписывалось в телеграмме. — ...Арестованным предъявлять обвинение в принадлежности к партии меньшевиков и те контрреволюционные деяния, кои устанавливаются материалами, обнаруженными при обыске» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 611. Л. 124).

Хорошо организованная сеть РСДРП в России вызывала озабоченность РКП (б) и ГПУ. И.С. Уншлихт требовал подтвердить постановление Политбюро о необходимости энергичной чистки всех меньшевистских элементов, в том числе и рабочих. В отношении последних требовалось применять «удвоенную осторожность». Всем губотделам ГПУ была послана телеграмма, в которой говорилось следующее: «...Предлагаем ...немедленно ...произвести обыски и по результатам аресты всех активных меньшевиков... исключением должны быть рабочие физического труда, кои могут быть обысканы исключительно с согласия и ведома губисполкомов...» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 330. Л. 12). В то же время руководство большевиков указывало, что все просьбы об освобождении меньшевиков требовалось направлять на предварительное рассмотрение в совещание НКЮста и ГПУ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 304. Л. 3).

Курс на насильственное пресечение политической деятельности оппозиционных партий нашел отражение в результатах выборов в Советы в конце 1922 г. В связи с предстоящими перевыборами активизировались меньшевистские группы. В течение недели они усиленно распространяли в Петрограде свои воззвания «Под знаменем социал-демократии» и «К перевыборам Советов». Чекисты установили особый контроль за ходом выборов в Советы. Ответственные дежурные по Секретному отделу ГПУ принимали ежечасные сводки с мест о ходе выборов (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 32-33б). Попытки оппозиции пропагандировать свои взгляды натолкнулись на оперативные мероприятия ГПУ. Последними было установлено, что распространяла воззвания небольшая по численности группа. Губком РКП(б) потребовал ликвидации меньшевистской организации. Лиц, распространявших прокламации, надлежало передавать в ГПУ. Утвердившаяся у власти партия, не желая противопоставить политические доводы, всего через пять лет после Октября предпочла им административные меры подавления. Предвыборные усилия меньшевиков и представителей других партий в подобной обстановке не могли принести успеха. В Советы вошли коммунисты и беспартийные.

Административные меры и карательные действия ГПУ–ОГПУ сделали свое «дело». В результате арестов второй половины 1922 г. РСДРП как общероссийская организация фактически перестала существовать. Списки, составленные местными отделами ОГПУ, показывают, что по губерниям меньшевиков в это время считали уже единицами (24 — в Тульской губ., 12 — в Са-

ратовской, 9 — в Иваново-Вознесенской, 11 — в Екатеринбургской и т.д.) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 397. Л. 12-14). В архиве ФСБ РФ имеются более подробные сведения о меньшевиках, взятых на учет губотделами ГПУ. В списках даются не только общие сведения (Ф.И.О., год рождения, социальное положение, возраст, семейное положение и т.д.), но и факты, свидетельствующие о принадлежности к той или иной организации меньшевиков, характеристика участия в деятельности партии, положение в партии и т.д. По крупнейшим городам, губерниям и уездам (всего их в списке 15) насчитывается 204 чел. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 397. Л. 12-14).

В связи с преследованием ГПУ–ОГПУ руководство РСДРП осознало, что сотрудничество с РКП(б) в таких условиях невозможно, так же как невозможно легальное существование партии в условиях большевистской диктатуры. К концу 1922 г. из 23 членов и кандидатов в члены меньшевистского ЦК, избранных в мае 1918 г., из партии вышли 10 человек (К.А. Гвоздев, Б. Горев (Б.И. Гольдман), О.А. Ерманский (Коган), И.М. Майский (Ляховецкий), А.С. Мартынов (Пикер), А.А. Плесков, П.Р. Трифонов, А.А. Трояновский, В.Г. Чиркин, В.И. Яхонтов). Партию покинули такие ее активные члены, как Н.А. Рожков, М.И. Скобелев, Н.П. Суханов, и др. [5: с. 200–207].

Несмотря на все принятые меры, к 1923 году немногочисленные, нелегально существовавшие ячейки были все-таки достаточно активны, правда, в основном на поприще издательской деятельности. В январе 1923 г. только в Москве ими было выпущено 7 листовок. В марте 1923 г. была проведена большая работа по подготовке к празднованию 25-летия РСДРП. Однако эта деятельность была сорвана проведенной ГПУ 15 марта очередной массовой операцией по ликвидации меньшевистских организаций, успевших к тому времени подготовить листовку «25 лет» от Бюро ЦК и два номера журнала «Социал-демократ». Листовка клеймила РКП (б) и содержала лозунг «Да здравствует демократическая республика».

Борьба с меньшевиками продолжалась. Особое значение придавалось «Советскому плану по мерам борьбы с меньшевиками», проводившемуся по распоряжению председателя ГПУ Ф.Э. Дзержинского 22–23 марта 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 345. Л. 5-7). Меры борьбы предполагалось осуществлять по двум направлениям. По партийной линии надо было организовать кампанию против меньшевиков в печати, особенно на Дальнем Востоке, в Петрограде и Москве, так как именно в этих районах отмечалась наиболее активная деятельность меньшевиков на заводах, фабриках и в мастерских. Парторганам рекомендовалось также обратить особое внимание на комсомол и состояние марксистских кружков с тем, чтобы в них не могли «просочиться» в качестве лекторов меньшевики. Значительно больше полномочий в борьбе с меньшевиками получила спецслужба. Они заключались в следующем: имели санкцию ЦК РКП (б) на право производить в государственном масштабе массовые операции по меньшевикам, Бунду и др.; определяли места ссылки меньшевиков; согласовывали с руководством вопросы по изъятию меньшевиков из предприятий и учреждений.

Волна репрессий развивалась по восходящей линии. 4 июня 1923 г. вышел секретный циркуляр ЦК РКП (б) «О мерах борьбы с меньшевиками». В нем сообщалось «о полном разгроме буржуазных партий и партии эсеров». Указывалось также, что «партия меньшевиков является сейчас единственной организацией, пытающейся развернуть работу на всей территории союза республик» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 561. Л. 15 об.).

Документ требовал «вырвать с корнем меньшевистские связи в рабочем классе, окончательно дискредитировать ее перед рабочим классом и уничтожить всякую возможность меньшевистского влияния на него в будущем». В циркуляре ставилась задача полного изгнания меньшевиков из общественных организаций, научных и учебных заведений, различных предприятий и ведомств с категорическим воспрещением последующего восстановления на работе. «...По линии ГПУ, — говорилось в циркуляре, — даны специальные инструкции на предмет борьбы с меньшевиками». Этим же письмом коммунисты «в порядке партийной дисциплины» обязывались немедленно доносить обо всех известных им меньшевиках. Партийным комитетам предлагалось обратить особое внимание «на неукоснительное проведение этих директив и оказать всяческое содействие органам ГПУ в деле такого проведения».

Аресты меньшевиков развернулись с новой силой. «...Террор достиг своего предела. И не о полицейских репрессиях идет речь, а о ставке на уничтожение активных сил социалистических партий и рабочего движения в России... В задушенной стране, закрыв все выходы, все отверстия, в беспросветной тьме убивают социалистов!» — указывалось в прокламации Бюро ЦК РСДРП, распространенной в сентябре 1923 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 135).

Первый Всероссийский съезд РСДСРМ, проходивший в Киеве с 4 по 6 сентября 1923 года, был ликвидирован ГПУ, а молодежная организация меньшевиков практически полностью разгромлена. При этом важно отметить, что еще в 1922 г. спецслужба приняла решение о нецелесообразности проведения политического процесса над Союзом молодежи РСДРП (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 157). Как видим, чекисты предпочли репрессии и в отношении молодежи партии меньшевиков. В ноябре 1923 года были проведены массовые аресты меньшевиков, в том числе и аресты лидеров грузинских меньшевиков. Только в ходе ликвидации, так называемого, восстания меньшевиков в августе-сентябре 1924 г. в Грузии было расстреляно 182 человека (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 86. Л. 40).

Но даже в этих условиях листовки продолжали выходить. Меньшевики пытались сопротивляться. В январе 1924 года РСДРП Москвы выпустила листовку «Ночь террора», призывавшую к дальнейшему сплочению и продолжению работы. В феврале 1924 г. РСДРП Петрограда издала листовку «Ко всем рабочим и работницам Петрограда». Основным требованием меньшевиков по-прежнему были «политическая демократия» и «демократическая республика». В мае 1924 года вышла Первомайская листовка, призывавшая выступить «Против террора! За де-

мократическую республику! За политическую амнистию! За свободу рабочих организаций! За свободу слова, собраний и печати! За 8-ми часовой рабочий день!» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 641. Л. 217).

ОГПУ ответило на это новой волной арестов. В результате операции, проведенной Секретным отделом ОГПУ в ночь с 20 на 21 мая 1924 г., была ликвидирована одна из последних меньшевистских организаций — московская (правая) группа социал-демократов.

Одновременно с гласными методами борьбы с антисоветскими партиями уже в годы гражданской войны органы ВЧК начали вести работу по внутреннему разложению оппозиционных партий. Это направление оперативной деятельности ГПУ усилилось через агентуру среди активистов и рядовых членов. Была проведена серия подставных съездов и конференций, проведенных в 1923–1924 гг. бывшими членами оппозиционных партий. Властями было инспирировано ликвидационное движение среди меньшевиков, распускавших на местах свои организации и заявлявших о выходе из партии. Практиковались и индивидуальные заявления, создание инициативных групп по проведению губернских конференций для объявления о роспуске организаций, республиканские и областные съезды меньшевиков, опять-таки с целью самороспуска.

Выдвинутая ГПУ и поддержанная Политбюро идея окончательного уничтожения антисоветских партий с помощью подставных съездов «бывших», не принесла желаемых результатов. Прошедшая в 1923–1924 гг. кампания в той или иной мере охватила лишь тех членов соцпартий, которые уже давно отошли от партийной работы и только ждали подходящего случая, чтобы заявить об этом открыто.

Наряду с арестами и содержанием в тюрьмах и лагерях, широкое распространение в карательной политике органов ВЧК-ОГПУ получила высылка за границу или в отдаленные районы страны в административном порядке как метод борьбы с оппозиционными партиями. 8 июня 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) было принято следующее: «...Предложить ВЦИК издать постановление о создании Особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР... Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке вершущих враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе т.т. И.С. Уншлихта, Д.И. Курского и Л.Б. Каменева» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 166. Л. 6).

Высылка предполагалась следующих видов: 1) высылка из данной местности с воспрещением проживания в ней и в других определенных пунктах, 2) высылка из данной местности в определенный район, 3) высылка за границу (ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. № 112. Л. 233).

Декретом ВЦИК «Об административной высылке лиц, признанных социально опасными» от 10 августа 1922 г. ГПУ было предоставлено право административной высылки лиц, причастных к контрреволюционным пре-

ступлениям, на срок не свыше трех лет. Рассмотрение дел было возложено на Особую комиссию при НКВД под председательством наркома [4: № 51, ст. 46], которая работала с 7 октября 1922 г. по 4 апреля 1924 г. В постановлении о высылке каждого отдельного лица указывался район высылки и ее время. На период административной высылки лица лишались избирательного права. Комиссии было дано право без суда высылать и помещать в лагеря неудобных большевикам людей, деятелей оппозиционных партий, а также лиц, дважды судимых за преступления, предусмотренные рядом статей Уголовного кодекса (ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. № 112. Л. 243). Десятки тысяч людей находились в местах высылки.

Фактически высылке подлежали представители всех слоев общества, если, с точки зрения спецслужбы, они проявляли хоть какую-то нелояльность политическому режиму. Проанализировав протоколы заседаний 1922–1924 гг. комиссии НКВД по административной высылке, пришли к выводу, что далеко не все высланные за контрреволюционную деятельность, действительно в ней участвовали. Заключение по делам наполнены такими фразами «является весьма подозрительной личностью в связи с приездом в Россию, где у него нет ни одного родственника и определенных занятий, полагаю... Заключить в лагерь сроком на 3 года» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 516 Л. 59-60), или, например: «выслать из пределов Псковской губ. в город Мезень Архангельской губ. на 3 года, так как нахождение на территории Псковской губернии, наводненной савинковцами нежелательно» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 516. Л. 26-30), а также выслать «за службу в белой армии», «за сокрытие этого факта», за «нелегальный переход границы», выслать как «крайне подозрительное лицо» и т.п. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 890. Л. 201, 264 об.).

Практика административных высылки стала носить распространенный характер. «По всей РСФСР административно высланных можно в среднем считать 500 человек... Цифра «500» будет с небольшими колебаниями постоянной: снимая с содержания (материального — Л.Б.) одних, будут высылаться следующие» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 175).

Решением ГПУ местами ссылки были определены: Архангельская, Северо-Двинская, Вологодская, Вятская, Иркутская губернии, Уральская область, Воткинская автономная область, Киргизская, Туркменская автономные ССР, Туруханский край, Нарым (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 885. Л. 1-4).

Кроме того были определены районы, где было запрещено проживать лицам, признанными социально опасными. Это «...губернии в целом: Московская, Ленинградская, Харьковская, Киевская, Одесская, Витебская, Псковская, Волынская, Подольская, Донская область и Белорусская ССР; города: Иваново-Вознесенск, Ярославль, Тверь, Тула, Брянск, Нижний Новгород, Архангельск, Севастополь» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 100. Л. 6).

Высылаемым разрешалось ликвидировать (так записано в инструкции) семейные дела в течение трех дней, после чего явиться во 2-е отд. Секретного отдела ВЧК (СОВЧК) за документами о следовании к месту ссылки.

По прибытии к месту ссылки им надлежало зарегистрироваться в местных органах ЧК.

Иногородним разрешалось выехать к месту жительства, зарегистрироваться в местных органах ЧК и по истечении трех дней явиться во 2-е отд. СОВЧК за документами о дальнейшем следовании к месту ссылки. По прибытии они также были обязаны зарегистрироваться.

По желанию депортируемых их высылка могла быть заменена выездом за границу, как им самим, так и членам их семей. В этом случае расходы по выезду оплачивало государство (ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп. 1. № 885. Л. 6-10).

Для решения материальных проблем по обеспечению административно-ссылных была создана специальная комиссия. В состав ее вошли представители ВЦИК, ВЧК и НКЮ (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 160-р. Л. 47, 51). Всем высылаемым выплачивалось ежемесячное пособие в сумме 650 тыс. руб., что в условиях инфляции обеспечивало скромный прожиточный уровень. Пособие это увеличивалось в связи с инфляцией. Так, через 4 месяца оно составляло 2 млн. рублей (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. том 1. Л. 174 об). Пособие, как сказано в инструкции, выплачивалось до момента «подыскания работы». Со всех высылаемых бралась подписка об обязательной явке во 2-е отд. СОВЧК. Невыполнение условий подписки рассматривалось как побег со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Высылки порождали атмосферу недоверия интеллигенции к власти, наносили большой ущерб науке и экономике страны, порождали негативное отношение к советской власти. Поэтому Ф.Э. Дзержинский пришел к выводу, что практика широких высылки, особенно по подозрению, опасна, и решил повести «борьбу с этой практикой». Он писал: «Лучше в сто раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку — оттуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас» (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 106. Л. 1). Таким образом, по мнению Ф.Э. Дзержинского, массовые высылки нецелесообразны не потому, что отрывают от семьи, от любимой работы, родных мест тысячи людей, не совершивших конкретного преступления против власти, а лишь потому, что они способствуют формированию оппозиции, укреплению других политических партий, воспитывают их кадры.

Работа органов ГПУ—ОГПУ по ликвидации партий социалистов, в целом, не давала «сбоев» и проходила успешно. Используя весь арсенал средств, имеющихся у них в распоряжении, чекисты уже в середине 1920-х годов, в основном, выполнили поставленную перед ними руководством РКП (б) задачу. Последние организации оппозиционных партий были разгромлены в 1924–1925 гг. В докладных записках о результатах работы по ликвидации меньшевиков, эсеров, анархистов и др. читаем следующее: «Никакой работы в массах не ведут... Существуют по инерции и постепенно разлагаются... (о правых эсерах — Л.Б.). Левозэсеровские организации разваливаются, как, например, Киевская и Дальневосточная. В Чите осталось в организации всего

3–4 человека — Тверская дышит на ладан. От Ленинградской остались жалкие остатки. Только в ходе одной операции в ночь на 11 марта 1924 г. были арестованы Московская и Нижегородская организации РСДРП, Одесская группа социал-демократической молодежи и Одесская организация левых эсеров. Число социалистов, арестованных в эту ночь, превысило 150 чел.» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 601. Л. 1-25).

Арест в 1925 г. Центрального Бюро ПСР прекратил существование этой крупнейшей из российских социалистических партий, еще 8 лет назад насчитывавшей около миллиона в своих рядах, а на выборах в Учредительное собрание собравшей порядка 20 млн. голосов.

В том же 1925 г. исчезла и РСДРП, хотя Бюро ЦК партии номинально продолжало существовать, и меньшевики время от времени напоминали властям о себе вплоть до конца нэпа.

Подводя итог, можно сделать определенные выводы. В годы нэпа руководство ГПУ–ОГПУ совершенствовало методы борьбы с политическими противниками. Была выработана и осуществлена широкая программа практической деятельности партийных органов и ГПУ–ОГПУ по борьбе с противниками советской власти, которая дифференцированно применялась в отношении граждан различных социальных слоев и групп населения, тем самым сохранялся классовый подход в карательной политике. Самыми жесткими методами борьбы были меры, направленные против оппозиционных партий. Такие меры не были оправданными и не соответствовали конкретной исторической обстановке. Используя органы ВЧК–ОГПУ как инструмент своей политики, руководство РКП (б) сумело к концу 1920-х гг. ликвидировать открытую политическую оппозицию и монополизировать сферу легальной политики.

Литература

1. В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – XII, 641 с.
2. Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) / В.И. Ленин // Полное собр. соч. Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 205–245.
3. Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК-ОГПУ. 1919–1924 гг. Т. 3. Ч. 1–2.
4. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – М.: НКЮ, 1922. – № 51.
5. Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.) / Л.М. Спирин. – М.: Политиздат, 1968. – 259 с.
6. Стручков Н. Н. Зона, приоткрытая для критики / Н.Н. Стручков // Коммунист. – 1989. – № 18. – С. 90–98.
7. Урилов И. Х. Судьбы российской социал-демократии / И.Х. Урилов // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С. 122–149.

Literatura

1. V.I. Lenin i VChK: Sbornik dokumentov (1917–1922 gg.). – 2-e izd. – M.: Politizdat, 1987. – XII, 641 s.
2. *Lenin V. I. O prodovol'stvennom naloge (Znachenie novoy politiki i ee usloviya) / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 43. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. – S. 205–245.*
3. Sbornik tsirkulyarov i rasporyazheniy VChK-OGPU. 1919–1924 gg. T. 3. Ch. 1–2.
4. *Sobranie zakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo Pravitel'stva Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki. – M.: NKYu, 1922. – № 51.*
5. *Spirin L. M. Klassy i partii v Grazhdanskoj vojne v Rossii (1917–1920 gg.) / L.M. Spirin. – M.: Politizdat, 1968. – 259 s.*
6. *Struchkov N. N. Zona, priotkrytaya dlya kritiki / N.N. Struchkov // Kommunist. – 1989. – № 18. – S. 90–98.*
7. *Urilov I. H. Sud'by rossiyskoy sotsial-demokratii / I.H. Urilov // Voprosy istorii. – 2006. – № 3. – S. 122–149.*

Р.Н. Рябцева

Московская городская детская комиссия: опыт инспекторской деятельности

На современном этапе радикальных преобразований в Российской Федерации актуальность данной темы вполне очевидна. Слом предшествующих государственных устоев всегда сопровождался появлением болезненных, порою трагических явлений в обществе. К сожалению, в первую очередь страдает самая незащищенная категория населения — дети, от которых зависит будущее страны. Вот почему охрана детства становится объективной необходимостью, одним из магистральных направлений социальной политики властей.

В нашей стране накоплен без всякого преувеличения богатейший исторический опыт 1920–1930-х гг. по созданию эффективной системы социальной защиты детей и подростков. В результате Первой мировой и гражданской войн детская беспризорность достигла гигантских масштабов. Нависла серьезная опасность и над жизнью детей: даже имевшие жилье и родителей дети голодали, мерзли от холода и умирали.

Огромные усилия Советской власти были направлены на спасение детских жизней, на формирование стройной системы охраны детства, на улучшение быта детей. Для этого в структуре Народного комиссариата просвещения РСФСР и местных отделов народного образования создаются особые отделы правовой защиты детей (позднее переименованные в отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних). В их составе функционировали: комиссии по несовершеннолетним, юридическая помощь детям, опека и патронат, детская социальная инспекция. К делу оказания помощи детям были подключены наркоматы здравоохранения, социального обеспечения, труда, путей сообщения, а также многие другие организации.

Руководство страны, понимая всю широту задач в деле охраны детства, организует орган, призванный координировать деятельность всех ведомств, занимающихся вопросами охраны детства. Такой межведомственной организацией становится созданная 27 января 1921 г. Комиссия при ВЦИК по улучшению жизни детей. Она объединила деятельность различных организаций по оказанию помощи детям и осуществляла надзор над органами власти по вопросам охраны детства. В состав Комиссии ВЦИК вошли представители

различных государственных и общественных учреждений: профсоюзов, наркоматов просвещения, здравоохранения, ВЧК, РКИ.

На местах существовали местные комиссии по улучшению жизни детей при органах исполнительной власти, которые, согласно Положению о деткомиссиях, были «межведомственными организациями, состоящими при исполнительных комитетах Советов, и имеющими своей задачей: объединение и согласование деятельности всех государственных органов, ведущих борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью; привлечение к этому делу советской общественности и согласование ее деятельности с работой соответствующих госорганов; изыскание средств на мероприятия по борьбе с детской беспризорностью; оказание организационного содействия и материальной помощи учреждениям и организациям, ведущим борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью»¹.

Постановлением Президиума Московского Совета от 13 августа 1923 г. была создана Московская губернская комиссия помощи детям, значительно выделявшаяся среди прочих местных комиссий по улучшению жизни детей, в первую очередь, в связи со столичным статусом Москвы, который обуславливал огромный по численности приток в город детей — уроженцев других регионов страны. Насколько более масштабной в сопоставлении с другими губернскими комиссиями помощи детям была работа Московской губернской комиссии, свидетельствуют цифры, демонстрирующие поступившие в доход Мосдеткомиссии финансовые средства: с 1 октября 1924 г. по 1 июля 1925 г. доход выразился в сумме 746 126 руб. Для сравнения: доход Архангельской деткомиссии за тот же период времени составил 23 410 руб., Пензенской — 24 825 руб., Тамбовской — 16 354 руб. (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1 Д. 91. Л. 67).

В круг задач Мосгубдеткомиссии входило, прежде всего, изыскание средств для оказания помощи детям. Для этого взимались процентные отчисления с оборотных средств предприятий московского региона, входная плата в ресторанах после 23 часов, сборы с торговцев, принимались пожертвования, организовывались лотереи, концерты, спектакли и ряд предприятий коммерческого характера (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 91. Л. 1). Мосгубдеткомиссия вела строительство детских учреждений: ночлежек, трудкоммун, общежитий. Так с ноября 1923 г. по апрель 1924 г. включительно было создано 14 трудкоммун, ночлежка и 2 общежития для безнадзорных матерей. В трудкоммунах и ночлежке было устроено свыше 700 беспризорных подростков и 200 безнадзорных матерей с грудными детьми (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 91. Л. 1 об.).

Другой важной задачей организации было вовлечение в дело помощи детям общественности. Для этого в 1923 г. внутри структуры Деткомиссии создается общество «Друг детей», имеющее свои ячейки на многих заводах и фабриках столицы, учреждениях и домоуправлениях. Ежемесячные взносы

¹ Обзор работы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в РСФСР за 1927/28 г. — М.: Издательство ДТК ВЦИК, 1928. — С. 27.

членов общества¹, а также непосредственная практическая помощь играли огромную роль в работе Комиссии по улучшению жизни детей. Изначально главной целью общества «Друг детей» был сбор денежных средств (членские взносы), за счет которых пополнялись финансовые ресурсы Деткомиссии. Деньги собирались агентами Деткомиссии, работавшими за процентные вознаграждения. Осенью 1924 г. началось организационное оформление общества «Друг детей». На конференциях друзей детей (так стали называться члены общества) были выбраны районные бюро, на базе которых сложилась довольно многочисленная группа активистов-добровольцев. В их обязанности входило практическое участие в деле помощи детям: содействие определению подростков на производство, работа по организации районных мастерских (поиск помещений, оборудования, ремонт) и т.д.

С началом практической деятельности активистов «Друга детей» зарождается инспектирование как одна из важных форм работы Деткомиссии. В рамках инспекторской деятельности активистами общества проводились обследования условий жизни людей, подавших в Деткомиссию заявления с просьбой оказать материальную помощь их детям. Вот что пишет в отчете о работе общества «Друг детей» за период с 1924 по 1925 гг. ответственный секретарь Деткомиссии Т.Л. Рабинович: «...Было произведено около 5 000 обследований в связи с поданными заявлениями о помощи; [районные] бюро «Д[рузей] Д[етей]» с помощью представителей с мест устанавливали, кому производить выдачи. Был также установлен известный контроль над использованием этих денег получателями» (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 17. Л. 253).

Помимо обследований по заявлениям с просьбами об оказании материальной помощи, инспекторы районных бюро общества «Друг детей» производили осмотры детских учреждений, в результате которых имевшиеся недостатки в работе доводились до сведения ответственных лиц в органах власти. В именном фонде Деткомиссии в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) имеются акты обследований детских учреждений инспекторами районных бюро. Один из них называется «Обследование мастерской по Сретенскому переулку д. № 1/13, содержащейся на средства Комиссии помощи детям» (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 17. Л. 266-266 об.).

В акте отражено санитарное состояние мастерской: «[...] Помещение грязное, производит впечатление, как будто бы не убиралось несколько дней. Плохо проветривается. Санитарно-медицинского обследования детей не было. Врача, обслуживающего мастерские, нет. Уборная находится в антисанитарном состоянии, издающая зловоние. Нет бака для кипяченой воды...». В документе показан состав детей, какое питание они получают: «Дети присланы Комиссией помощи детям через Бюро «Друзей детей» Сокольническо-

¹ Поступление членских взносов «Друзей детей»: август 1924 г. — 9 842 руб. 42 коп.; сентябрь 1924 г. — 13 423 руб. 95 коп.; октябрь 1924 г. — 15 878 руб. 11 коп.; ноябрь 1924 г. — 16 216 руб. 24 коп.; декабрь 1924 г. — 18 612 руб. 59 коп.; январь 1925 г. — 20 738 руб. 71 коп.; февраль 1925 г. — 20 291 руб. 37 коп. Всего: 115 002 руб. 61 коп. (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 14. Л. 52).

го района. Возраст детей от 15 до 18 лет. [...] У детей чувствуется налет улицы. [...] Питание дети получают при Наркомпросе и рабфаке ВХУТЕМАСа¹. Питание состоит только из одного обеда». Инспектором дается следующее заключение по результатам проведенного обследования: «Мастерские носят характер маленькой фабрики. Полное отсутствие педагогической работы. Сам заведующий не педагог, обращает главное внимание на производственную часть мастерских». В связи с этим выдвигается ряд предложений: «Реорганизовать мастерские в клуб-мастерские; [...] просить Мосздравотдел дать врача для постоянного наблюдения над учреждением; [...] наладить питание, подыскав столовую Нарпита²».

Важность роли инспекторской деятельности была обусловлена необходимостью грамотного выявления статей субсидирования, а также контроля за расходованием отпускаемых средств. Однако в тот период руководство Комиссии не уделяло этому должного внимания. Основной своей задачей Комиссия считала изыскание дополнительных денежных средств для помощи детям. Все силы были брошены на поиск новых путей сбора материальных ресурсов. Это вызывалось существовавшей тогда экономической ситуацией: новая экономическая политика требовала большой гибкости, некоего творческого подхода к «добыванию» средств. Распределение полученных средств шло в соответствии со сметами, утвержденными на совместных заседаниях сотрудников Комиссии и служащих Московского отдела народного образования и Московского отдела здравоохранения. Вот отрывок из протокола заседания Президиума Комиссии помощи детям от 28 ноября 1923 г.: «Слушали: Отпуск средств подотделу охраны материнства и младенчества на содержание 100 грудных детей-подкидышей. Постановили: Представленный расчет признать недостаточным. Просить подотдел представить в срочном порядке мотивированную подробную смету. Впредь до утверждения таковой отпустить семь тысяч золот. руб.» (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1. Л. 11).

В дальнейшем общество «Друг детей» как структурное подразделение Комиссии помощи детям превзошло по своей значимости саму Комиссию. Постановление Моссовета от 16 сентября 1925 г. выделило «Друга детей» из состава Комиссии помощи детям в добровольное общество, оставив за Комиссией функции изыскания и распределения средств для помощи детям (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 13. Л. 104-104 об.). На состоявшемся 13 ноября 1925 г. заседании Комиссии помощи детям рассматривался вопрос о целесообразности дальнейшего существования Комиссии в связи с выделением части ее — организации «Друг детей» в добровольное общество. Было решено «признать, что при организации «Друзья детей» все функции Деткомиссии должны перейти Обществу. Оставлять Губдеткомиссию только для распределения

¹ Высшие художественно-технические курсы. В 1920-е годы один из центров, где закладывались основы обучения художников-конструкторов.

² Народное питание (первое товарищество по созданию доступных столовых в первые годы советской власти).

средств нецелесообразно. Войти с предложением в Президиум Моссовета упразднить Деткомиссию, передав все функции по изысканию средств для борьбы с детской беспризорностью и помощи детям вообще Обществу «Друг детей». Средства, поступающие в Мосгубдеткомиссию из Мосфинотдела, как то 5% отчисления от объявлений, 2% от поздней торговли, должны быть переданы на борьбу с детской беспризорностью непосредственно в МОНО и Мосздравотдел в соответственных процентных отношениях» (ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 530. Л. 1-1 об.). В марте 1926 г. на заседании Комиссии помощи детям была создана ликвидационная комиссия, приступившая к работе с 3 марта 1926 г. (ЦГАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 71. Л. 9-10 об.).

Однако время показало, что сворачивать работу такого межведомственного органа охраны детства было рано. Да и экономико-политическая ситуация в стране коренным образом менялась. Происходило обобществление собственности, ликвидировалась многоукладная экономика, сужались финансовые источники для оказания помощи детям. Добровольные общества, к разряду которых относилось и общество «Друг детей», постепенно ликвидировались — происходило всестороннее огосударствление функций таких обществ.

Сложная ситуация в борьбе с беспризорностью (продолжавшийся большой наплыв беспризорных детей в Москву), отсутствие слаженной системы профилактики беспризорности и безнадзорности, необходимость регулярного контроля за функционированием детских учреждений и государственных организаций охраны детства (Московский городской отдел народного образования) требовали немедленных массированных усилий на пути к достижению значительных положительных результатов в деле охраны детства.

Правильным решением московских властей на этом этапе стало восстановление местной, московской, комиссии по улучшению жизни детей как межведомственного органа, способного преодолеть многие сложности в деле охраны детства, стать организацией поддержки (финансовой и практической) всех государственных структур, ведающих данным вопросом — это, в первую очередь, Московский городской отдел народного образования, а также организации и учреждения наркоматов труда, социального обеспечения, внутренних дел.

Деятельность Московской городской детской комиссии на этапе формирования командно-административной системы (1931–1938 гг.) в полной мере отражена в большом комплексе документов, хранящихся в Центральном архиве города Москвы (ЦАГМ), в именном фонде Комиссии (Ф. 2469). Московская городская детская комиссия стала не нужна в связи с укреплением экономической ситуации в стране, государственным решением проблемы массовой детской беспризорности, налаживанием стабильного функционирования системы детских учреждений, а также в результате широко развернувшейся работы по профилактике детской беспризорности и безнадзорности. Была создана централизованная система финансирования Комиссии. Основными статьями дохода становятся прибыли от Управления производственными предприятиями и дотирование Московской детской комиссии Комиссией по улучшению

жизни детей при ВЦИК. Это наглядно иллюстрируют цифры, содержащиеся в объяснительной записке по доходам и расходам за 1935 г. Московской городской детской комиссии:

«Городская деткомиссия в 1935 г. имела 6 производственных предприятий: 1. Хим.-завод, 2. Трикотажная ф-ка, 3. Шелкоткацкая ф-ка, 4. Веревоочная ф-ка, 5. Кроватная ф-ка, 6. Сборочная мастерская. [...] Баланс по хозяйственной деятельности предприятий составляется Управлением производственных предприятий. [...] Источником финансирования является прибыль Управления в размере 60%. [...] В 1935 г. ... получено от Управления 1 347 680 руб. 45 коп.» (ЦАГМ. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 21. Л. 14.). «Кроме того, получено от ДТК ВЦИК 374 000 руб.» (ЦАГМ. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 21. Л. 3).

Таким образом, поставленная в период существования Комиссии в 1923–1926 гг. во главу угла функция изыскания денежных средств на помощь детям утратила свою актуальность. Основными занятиями Комиссии становятся распределение финансовых средств, систематический контроль за их использованием, налаживание договорной системы дотирования детских учреждений и организаций охраны детства. Деятельность Комиссии в означенный период характеризует хорошо организованная система отчетности по расходам дотируемых учреждений.

В новых условиях приобретает иной статус инспекторская деятельность Комиссии, выполняемая организованным штатом инструкторов. Так в докладной записке от 15 октября 1935 г. заместителя председателя Комиссии по вопросу выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Москве» говорится: «В аппарате ГорДТК к 4 инструкторам прикреплены районы и детдома на предмет их постоянного обслуживания, к каждому инструктору его района прикреплены активисты-общественники, посредством которых инструктора ведут свою работу» (ЦАГМ. Ф. 2469. Оп. 5. Д. 9. Л. 5). Инспектирование, имевшее ранее второстепенное значение, в рамках строгой системы отчетности, крайне детализированного субсидирования учреждений приобретает ключевой смысл.

Регулярное инспектирование инструкторами Московской детской комиссии детских учреждений и организаций, ведающих охраной детства, способствовало не только правильному распределению финансовых средств, отпускаемых Мосдеткомиссией как на постоянной договорной основе постатейно, так и целевым образом, но позволяло также укрепить работу этих учреждений. По рекомендациям инструкторов Детской комиссии сотрудники исправляли недочеты в работе, совершенствовали тот или иной участок своей деятельности. Инспектировалось также выполнение учреждениями и организациями соответствующих постановлений правительства.

Организационно штатные инструкторы Комиссии, занимавшиеся инспекторской деятельностью, были оформлены следующим образом: в штате Комиссии находилось 4 инструктора, закрепленных территориально за 4 группами районов столицы. За каждым инструктором числились помощники —

общественные инструкторы, прикрепленные непосредственно к детским учреждениям. Инструкторы работали в соответствии с утвержденным годовым планом работы Московской городской детской комиссии. Например, план работы Комиссии на 1936 г. предусматривал различные направления работы инструкторов:

«[...] 2. Учесть общественных инструкторов, прикрепив их к д/домам и ведя учет работы. [...]

3. Обследовать состояние и работу следующих д/домов и составить на них паспорта-карты: [...].

7. Проверить организацию наблюдательских советов в д/домах и поставить на Президиуме.

8. Созвать совещание общественников и ознакомить их с планом работы ГорДТК.

9. Договориться с соответствующими организациями и созвать совещания шефов, шефствующих над д/домами.

10. Созвать совещание по питанию в д/домах совместно с Нарпитом и ГорОНО и зав. д/домами.

11. Проверить готовность ГорОНО к выводу детей в жизнь из д/домов наряду с этим договориться с Управлением местной промышленностью о размещении по предприятиям выводимых в жизнь подростков [...].»

Этот документ свидетельствует, насколько слаженной, организованной была работа инструкторов Комиссии. Скоординированность, плановость, вовлечение в свою деятельность общественников характеризуют их работу.

Приведем еще ряд документальных примеров того, как функционировала система инспектирования детских учреждений и организаций охраны детства в означенный период.

Из акта обследования вагона-приемника Московско-Белорусской железной дороги¹ (31 октября 1934 г.):

«Приемник рассчитан на 12 чел. В день обследования было 10 мальчиков и 2 девочки. **Санитарное состояние.** В вагоне-приемнике чисто. В изоляторе на столе лежит рваная клеенка, которую надо сменить. Имеется 12 подвесных кроватей, 12 матрацев, подушки набиты стружками, наволочки темного цвета, вследствие чего нельзя различить — чистые они или нет, необходимо темные наволочки сменить на белые. [...] При поступлении ребят в приемник все проходят баню и меняют всю одежду. Одежда воспитанников отдается в дезинфекцию. Врач бывает в приемнике 1 раз в декаду, который прикреплен из РОККа Санчастью. В аптечке недостаточно медикаментов, необходимо пополнить. Больных на день обследования не было. **Питание:** Обеды получают из столовой ОРСО № 1 железнодорожников. На завтрак дают хлеб с чаем. Обеды из 2-х блюд, стоимость обеда от 60 до 85 коп. Хлеба отпускается 600 грамм всего на каждого воспитанника. На ужин один хлеб пустой с чаем. [...] Завтраки и ужины необхо-

¹ Содержался на средства, отпускаемые Московской городской детской комиссией.

димо улучшить. **Воспитательная работа:** [...] проводится читка газет, беседы на темы текущей политики, занятия по русскому языку, математике, рисованию. Учебников нет — необходимо приобрести. [...] Из средств [Гор]ДТК отпущено 3000 руб. Куплено: патефон, диван, портъеры, пододеяльники, гардины, посуда, стулья, матрацы. **Ремонт:** [на средства ГорДТК] сделана веранда, терраса, столярная мастерская, озеленена территория вокруг приемника. [...]» (ЦАГМ. Ф. 2469. Оп. 5. Д. 7. Л. 27-28).

Этот акт составлен одним из прикрепленных к штатным инструкторам общественником-обследователем. Данный документ составлен со знанием дела, обстоятелен, учитывает многие, казалось бы, незначительные стороны жизни детей. Инспектирующий не только отмечает состояние вагона-приемника, но и делает выводы о ведущейся педагогической работе, отмечает расходование финансовых средств, отпущенных приемнику Московской городской детской комиссией.

Из отчета о работе Московской городской детской комиссии за апрель — май 1934 г.:

«Инструкторами проводилась проверка подготовки детучреждений к 1 Мая и к вывозу в лагерь.

КОГАН [инструктор Ленинского, Пролетарского и Сталинского районов г. Москвы]: проверила все д/дома и дома младенца Ленинского р-на по подготовке к 1 Мая и их состояние. Проверила Татарский д/дом Замоскворецкого р-на, связалась по этому вопросу с ЗОНО¹. Ознакомилась со всеми домами младенца Замоскворецкого р-на.

Проверила работу Даниловского ПРП², Озерковского и Ростокинского. Ознакомилась с внешкольной работой Сталинского р-на, план работы еще не был утвержден. Ознакомилась с намечаемым строительством Детского городка на территории бывш. Покровского монастыря. [...]

НЕПОМНЯЩАЯ [инструктор Краснопресненского, Бауманского и Октябрьского районов]: [...] Проверены мастерские Октябрьского р-на. Едут в лагерь 75 чел. В мастерских проводится внешкольная работа, закуплены станки и др. принадлежности, но мастерские не работают, т.к. не окончен ремонт помещения. Дело о затяжке ремонта передается прокурору. [...]» (ЦАГМ. Ф. 2469. Оп. 5. Д. 13. Л. 32, 33).

В данном документе широко раскрывается целевое инспектирование — проверка готовности детучреждений к летнему периоду работы, то есть наличие плана внешкольной работы, необходимого оборудования для летней работы с детьми, готовность мастерских для подростков, организация заездов детей в летние лагеря. Документ интересен и тем, что здесь отражены механизмы воздействия на руководство детских учреждений, в работе которых были выявлены недостатки, но не исправлены после первичного указания инспектора. В преддверии

¹ Замоскворецкий отдел народного образования.

² Приемно-распределительный пункт.

летних каникул, когда готовность мастерских для подростков была крайне необходима, наблюдалось затягивание профинансированного ремонта мастерских. В конечном итоге дело было передано в прокуратору города.

Из отчета о работе Московской детской комиссии за 1932 г., заслушанном на заседании расширенного Пленума Комиссии (21 февраля 1933 г.):

«Комиссией была проведена проверка работы Московского городского отдела снабжения, в результате выяснилось, что Горснаб не выполняет установленные нормы питания воспитанников детдомов, пытаясь эти нормы сократить. Представитель Горснаба был вызван на заседание Президиума Детской комиссии, после проведенных переговоров вопрос был разрешен, воспитанники получали питание по нормам» (ЦАГМ. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 7. Л. 4, 5).

Здесь также можно проследить механизм воздействия на инспеклируемые учреждения и организации. Следует отметить, что немаловажным было то, что должность председателя Комиссии занимал заместитель председателя Московского Совета. И хотя пост председателя был скорее номинальным (практическим руководителем был заместитель председателя Комиссии), высокое должностное звание официального председателя придавало административную весомость распоряжениям и указаниям Мосгордеткомиссии — потому многие решения было возможным принимать, собрав заседание Президиума Мосгордеткомиссии, а не вынося на обсуждение на заседании Президиума Моссовета.

Из краткого отчета о работе Московской городской комиссии по улучшению жизни детей за 1937 г.:

«Проверка условий жизни выпускников детских домов. Обследованы условия жизни выпускников д/домов, выпущенных в самостоятельную жизнь на следующие предприятия: з-д «Стекломашина», Подшипниковый з-д, з-д им. Кагановича, з-д «Красный пролетарий», ф-ка в Пушкино Мострико-таж № 10, з-д «Самоточка» и Люблинские мастерские.

Были обнаружены следующие недостатки: подростки девочки, определенные на производство на ф-ку Мострико-таж № 10 в Пушкино, в количестве 20 чел. не обслуживались культурно-воспитательной работой, что повлекло некоторую распущенность среди девчат, живущих в общежитии на отлете от ф-ки. Фабкомом приняты меры и прикреплены были товарищи из фабкома и комсомола.

На подшипниковском з-де оказались 6 подростков, которым [...] не выданы при выходе из д/дома зимние пальто, на что обращено внимание ГорОНО к обеспечению зимним обмундированием и наложения взыскания на администрацию д/дома в Барыбино, т.к. д/дом непосредственно подчинен ГорОНО, так же удовлетворены и дети, выведенные из д/дома им. Коминтерна и им. Горького» (ЦАГМ. Ф. 2469. Оп. 8. Д. 1. Л. 4).

«Контроль состояния детских домов ГорОНО. За отчетный 1937 г. ГорДТК было произведено 62 обследования детских домов находящихся как в г. Москве, так и за городом. [...]

Обследования проводились главным образом с точки зрения постановки учебно-воспитательной работы, состояния кадров и других сторон жизни

детского учреждения. В результате обследований были выявлены следующие недостатки: отсутствие внешкольной работы в часы досуга детей (Интернациональный д/дом, д/д им. Коминтерна), отсутствие у детей тетрадей и учебников (д/д им. Клары Цеткин), низкая успеваемость в некоторых д/домах (Барыбино), доходящая до 50%, побеги из д/домов (д/д Пушкино, д/д в Марфино, д/д во Влахернской, д/д в Истре), неправильное комплектование нормальных д/домов (48 Киевского района) трудными детьми при наличии вообще слабого воспитательского коллектива, следствием чего трое ребят разлагающе действовали на других детей, не соблюдая режима и являясь порой из походов вне дома пьяными. Недостатки обмундирования и оборудования в результате бесхозяйственной постановки работы [...].

По обнаруженным недостаткам ГорДетКомиссией принимались разные меры. Акты обследований направлялись в ОНО для принятия мер или ставились вопросы состояния д/домов перед президиумом райсоветов. Ряд неспособных руководителей д/домов сняты ОНО с работы, заменены новыми» (ЦАГМ. Ф. 2469. Оп. 8. Д. 1. Л. 1-3).

Документ показывает, что в рамках своей инспекторской деятельности Комиссия не упускала из внимания и выпускников детских домов — отслеживались условия их быта, работы, учебы, даже организация досугового времени бывших воспитанников. В отчете также содержатся данные об инспекторской отметке неправильного комплектования детских домов (наличие трудновоспитуемых детей в детских домах общего типа), что демонстрирует огромную широту инспекторского внимания при обследованиях. Отчет включает и данные о решениях конкретных вопросов — замена руководства детских учреждений, вынесение вопросов на заседания президиумов райсоветов и т.д.

Из приведенных документов видно, насколько многогранной была инспекторская деятельность, реализуемая Московской городской детской комиссией.

На основе изученных архивных документов, можно сделать вывод о том, что в 1930-е гг. на базе Московской городской детской комиссии сформировалась и успешно действовала система инспектирования учреждений и организаций. Слаженно работающая система позволяла не только четко определять статьи дотирования (что в условиях строгой отчетности было крайне важным), но и контролировать расходование дотируемыми учреждениями и организациями перечисленных средств. Чрезвычайно значимым направлением дела инспектирования было регулярное обследование учреждений и организаций, позволявшее отследить недостатки в их работе, включая финансовое, материальное обеспечение, и даже учебно-воспитательную работу с детьми.

Опыт инспекторской деятельности Московской городской комиссии помощи детям вполне актуален и сегодня. Необходимость в контроле финансирования бюджетных учреждений и организаций, обследовании их деятельности, отнюдь не утратила своего значения. А конкретные механизмы создания такой системы инспектирования наглядно демонстрируют исторические документы.

Ю.Д. Акашев

Понятие родины у древних росов

Традиционные ценности любого народа формируются естественным образом вместе с самим народом и определяются его историей и культурно-этнической средой и поэтому они так же сакральны, как и национальная культура. Традиционные ценности порождают тот особый опыт выживания, который пригоден только для данного культурно-исторического типа и который представляет собой как бы его иммунную систему.

Одна из основных традиционных ценностей русского народа — чувство Родины. Общеизвестно, что русские люди, оказавшись на чужой земле, больше других страдают от ностальгии. В какой бы благоприятной стране с развитой экономикой, с прекрасным климатом, красивой архитектурой не оказался русский человек, он очень скоро начинает тосковать по своим родным местам, по холодным зимам, по русскому лесу, равнинам и болотам, рекам и озёрам, по общению с близкими ему по менталитету русскими людьми и по всему тому, что здесь, у себя на Родине, он мог и не замечать, и не ценить, а порою даже высмеивать и ругать. Но так уж устроен русский человек, что «и под звёздами балканскими вспоминаем неспроста ярославские, рязанские да смоленские места». Это у нас в генах.

В книге «Путь духовного обновления» великий русский мыслитель И.А. Ильин писал: «Тот, кто говорит о родине, понимает *духовное единство своего народа*. Он понимает нечто такое, что остаётся сущим и объективным, несмотря на гибель единичных субъектов и на смену поколений. Родина есть нечто *единое для многих*. <...> Родина есть великое лоно, объединяющее *всех* своих сынов так, что каждая душа соединена с нею нитью живой связи» [9: с. 182].

Для росов таким материнским лоном стала Восточная и Средняя Европа.

Дело в том, что для русского народа характерно очень раннее осознание принадлежности не просто к племени или месту рождения, а именно к большой территории — к земле, на которой протекала жизнь многих поколений

его предков, которую они осваивали своим трудом, обживали в борьбе с суровой природой и с чуждыми племенами инородцев. На этой земле начиналась история древних росов, происходило формирование их языка, самосознания, традиций, мифологии. Эта земля дала им имя. Она им родная, она есть Родина, породившая русский этнос.

У народов, предки которых покинули своё материнское лоно, осели на землях, не принадлежавших им изначально, землях захваченных, чувство Родины не может быть столь острым. Их генетическая память пребывает в конфликте с исторической реальностью. И для многих таких народов этот конфликт заканчивается трагедией — они попросту исчезают с лица земли. Где сейчас те же «благородные арии»? Где гунны, скифы, сарматы, половцы? Ответы на эти вопросы очевидны.

Русский народ — коренной житель Европы. Он — прямой потомок древних росов, сформировавшихся из тех охотников, которые ещё в каменном веке медленно продвигались на север вслед за дикими животными, увлекаемыми последним отступающим ледником. Трудности освоения новых территорий, изменившиеся методы охоты, новая природно-климатическая среда, столкновения с чужаками — всё это приводило к перестройке сознания первобытного человека, разграничению мира людей на своих и чужих, формированию этнически специфических символов. В процессе продвижения на север происходило освоение огромной территории, которая становилась «своей».

Генетическая память русского народа сохранила следы начального исторического опыта росов, начальной эпохи формирования их этнического самосознания, их «этнического поля». Выявить эти следы нам позволяет русский язык и русская мифология. Так, например, очень распространённый сюжет русских народных сказок — «бой на калиновом мосту» — мог возникнуть только в среде охотников на мамонта («хоботистое Чудо-Юдо»), живших ещё в каменном веке [2: с. 232–233; 13: с. 129–130]. Таким же мостиком в каменный век служит и медвежий культ, восходящий к архаическим тотемическим представлениям и сохранивший свои следы как в русских сказках о медведях или полумедведе-получеловеке, так и в этнографическом материале даже начала XX века [7: с. 40–49].

Память росов об эпохе мезолита сохранила семантическая связь названия «берегини» (духи добра и благожелательности) со словами «беречь», «оберегать», «берег», на которую обратил внимание Б.А. Рыбаков. «Только в ту эпоху, — пишет он, — когда водная стихия меняла лицо земли, прорывая горы, разливаясь на сотни километров, меняя очертания морей, создавая новые контуры материков, и мог первобытный человек, впервые столкнувшийся с такой массой неустойчивой и неукротимой воды, связать семантически “берег” и “оберегать”. <...> Спасительной полосой земли для охотника, бродящего по лесу или плывущего по воде на челне-долблёнке, был *берег*, береговые дюны. Именно здесь, на песчаной отмели, человек и ставил свои недолговременные жилища. Берегини, которых впоследствии сопоставили с русалками, могли первоначально быть связаны не с самой водной стихией, а с её концом, рубежом, с берегом как началом безопасной

земли» [13: с. 125–126]. Но, поскольку возникновение веры в берегинь Б.А. Рыбаков относит к эпохе мезолита, то к этой же эпохе следует отнести и русские слова «берег» и «беречь».

Отступивший ледник оставил после себя обилие воды (Европейский Север до сих пор покрыт болотами, реками и озёрами). Малочисленные коллективы охотников проживали на сырых землях, в окружении воды. Но даже когда вода спадала, земля оставалась влажной. С этих давних времён берёт начало древнее устоявшееся выражение «Мать — сыра земля». И такое же древнее слово «роса», возникшее в общеиндоевропейскую эпоху и восходящее к индоевропейскому корню *rēs(rēs)-: *rōs(rōs) — со значением «течь», «истекать», «литься». Одно из значений санскритского слова «*rasa*» (которое, думается, и наиболее древнее) — «вода», «жидкость», а очень близкое к нему слово «*rasā*» — «влага» и тоже «жидкость». Написание через «а» сохранилось в белорусском языке («раса»), литовском и латышском («*rasa*» — со значением «течь», «литься»), значение «влага» сохранило латинское слово «*rōs*». В старославянском и древнерусском языке слово «роса» могло означать влагу и всё влажное и мокрое вообще.

Несложно предположить, что и свою «Мать — сырую землю», покрытую реками и озёрами, наши далёкие предки также называли Росою, Росью. Это предположение подкрепляется тем, что в санскрите, который служит опорным языком в индоевропейской компаративистике, слово «*rasā*», кроме значений «влага», «жидкость» и некоторых других, имеет ещё и значение «земля», «страна». В дальнейшем это название распространилось и на тех древних охотников, рыболовов, скотоводов, которые широко расселились по Восточной и Средней Европе. И эта мысль тоже подтверждается сравнительным языкознанием: санскритское слово «*gāṣi*» (раши), которое выступает производным от «*rasā*», имеет значение «большая группа, толпа людей».

Таким образом, росы (или русы — вариант, возникший в результате взаимозаменяемости гласных «о» и «у») — это коренные жители Роси (Руси), жители своей родной земли, то есть Родины, предстоящей для них материнским лоном и колыбелью. На этой земле древние росы осознали себя в качестве особого, самобытного народа, здесь происходит их самоидентификация, выделение себя из других, соседних народов.

По мнению В.И. Абаева, в эпоху верхнего палеолита не смену биологическим оппозициям приходят новые, социальные, которые находили выражение и объективировались в символах-словах, обозначавших «примерно то, что мы выражаем теперь местоимениями «мы», «наше», в противоположность «не-мы», «не-наше» [1: с. 239]; именно тогда начиналось осознание своего коллектива в его противопоставлении другим коллективам. Это мнение разделяет и Б.Ф. Поршнев в замечательном исследовании о начале человеческой истории. Последний также приводит интересную мысль, высказанную Н.Я. Марром, о том, что древнейшие имена племенных групп были одновременно и негативными обозначениями всего, что «снаружи», то есть обращены вовне, и самоназваниями этих групп и их членов, то есть обращены внутрь [12: с. 455–458].

Следуя этой логике, можно утверждать, что русское местоимение «мы» появилось в эпоху верхнего палеолита и именно оно, это краткое слово-символ, было первым самоназванием росов. Вне мира русичей пребывают все «не-мы», то есть немцы. Немцы — это поначалу название не этническое, а оценочно-эмоциональное: те, кто «не наш», разговаривает «не на нашем» языке, поклоняется чужим богам, придерживается других обычаев. «Ненашими», «немцами» даже в гораздо более поздние времена в народе называли и нечистую силу, и всех иностранцев. Так, в довольно поздней сказке «Скрипач в аду» скрипач, идя на гулянку, вдруг провалился сквозь землю и угодил в ад, прямо в то место, где за свои грехи мучился богатый мужик. Тут набежала «целая изба ненаших», и спрашивают они у богатого мужика: «Что у тебя русским духом пахнет?» [4: Т. 3, с. 83]. В челобитной грамоте 1646 г. русские купцы жалуются царю Алексею Михайловичу на англичан за то, что последние нарушают торговый договор и нормы международной торговли: «...русские товары они, английские немцы, у Архангельска продают на деньги голландским, брабантским и гамбургским немцам, везят у себя на дворе и возят на голландские, брабантские и гамбургские корабли тайно и твою, государеву, пошлину крадут». И далее: «Да они же, немцы, привозят всякие товары хуже прежнего; да они же стали торговать не своими товарами; прежде английские немцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать явно» [3: с. 15, 18 — Челобитная русских купцов 1646 г. № 13]. Торговать нечестно, нарушать договор и установленные нормы считалось «не по-нашему», «не по-русски».

Противопоставление росов другим народам происходило уже в начальную эпоху образования индоевропейских языков, когда они стали отличать себя от чужаков, постепенно формируясь в огромный коллектив родственных племён, объединённых общностью языка, территории, обычаев и общим названием.

Сравнительный анализ славяно-русской мифологии и мифологии древних арьев, а также данные топонимики и сравнительного языкознания позволяют сделать вывод о том, что формирование древнейших росов в этнос происходило в период их проживания по соседству с предками арьев, а время их наиболее тесных контактов и взаимовлияния совпадает с их расселением по территории восточноевропейского Севера в период климатического оптимума (примерно с 4 000 г. до н.э. до 2 700 г. до н.э.) [2: с. 235–264; 5].

По прошествии этого теплового периода и с наступлением резкого похолодания начинается массовый отток индоевропейцев с Европейского Севера. И в это время происходит ещё более широкое расселение древних росов по Восточной и Средней Европе. Формируются земледельческие культуры, которые археологи фиксируют в области «славянской прародины». Но надо заметить, что понятие «славянская прародина», используемое в отечественной историографии, весьма условно, а термин «древние росы» гораздо шире и в пространственном, и в стадийном отношении. Большая часть росов рассредоточивается на территории, лежащей к востоку от земледельческих славянских центров, живя по соседству с другими племенами, в том числе

с финно-угорскими и балтскими, а также с оставшимися в южном регионе Восточной Европы арьями.

Расселение древних росов по обширной европейской территории, соприкосновение и столкновения с иноязычными народами, а зачастую и жизнь в иноязычном окружении обусловили появление этнического термина «словене», образованного от лексемы «слово» и несшего в себе семантическую нагрузку со значением «единословники», «говорящие на одном языке», «понимающие друг друга». Он выполнял различительную функцию, и росы его употребляли, когда им было необходимо отличить «своих» от «чужих» (а в этом и состоит назначение практически всех этнонимов!). Но, с другой стороны, он выполнял и функцию объединительную, включая в категорию «своих» всех тех, кто разговаривал на понятном языке. Это очень хорошо соотносится с древнерусским словом «язык», которое одновременно означает и «речь», и «народ». А возникший ранее этноним «росы» («русы») имел несколько иную семантическую окраску. Он объединял всех «своих» и отличал их от «чужих» по принципу общей территории, общей этнической культуры, общности исторических судеб. Поэтому оба эти термина, наряду с местными, племенными и родовыми названиями, могли употребляться одновременно довольно долгое время среди многих славянских племён, широко расселившихся по территории Европы. Этот факт подтверждается, в частности, тем, что ещё летописец Нестор, отвечая на вопрос «откуда есть пошла Руская земля», отождествляет русское со славянским, а автор Густинской летописи употребляет выражение «народ Словенский, или Русский» [6: с. 236], ставя, таким образом, между этими этнонимами знак равенства. Чрезвычайно важен для нашего исследования и тот факт, что польский историк М. Стрыйковский, живший в XVI веке, всех древних славян именовал «русацами» или «русскими славянскими народами» [11: с. 103].

В результате миграционного движения росы-славяне зачастую оказывались в чуждом для себя окружении, среди других народов. «По мнозѣхъ же времянѣхъ, — отмечает летописец, — сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнь разидошася по землѣ...» [10: с. 6]. В этих условиях принцип общности языка был главенствующим, поэтому они и именовали себя «словене». В дальнейшем же расселившиеся племена стали называть себя различными именами: «иногда от мест и стран, на них же пришедше селяхуся, иногда от народов, к ним же прихождаху, иногда от храбрых вожей своих и проч.» [6: с. 236]. Однако некоторые сохранили этноним «словене» в качестве своего племенного названия. Так, его сохранили ильменские (новгородские) словене, жившие по соседству с балтами и финно-уграми, а также оказавшиеся на сложной в этническом отношении территории словенцы и словаки.

Свидетельством того, что росы, несмотря на различные племенные названия, знали и помнили своё общее этническое имя, служат многочисленные гидронимы и топонимы с корнем «рос» / «рус» на обширной территории Восточной и Центральной Европы: р. Россонь — в бывшей Ижорской земле, г. Старая Русса и р. Порусье — в Новгородской области, с. Рослятино — в Вологодской

области, г. Ростов — в Ярославской области, г. Рославль — на Смоленщине, р. Русяна, дер. Русилово, река и город Руза — в Подмосковье, г. Россошь — в Воронежской области, р. Рось (старое название р. Оскол) — в Белгородской области, Росия (город в Приазовье, известный по древним источникам); Русна (старое название Куршского залива), р. Русс (нижнее течение Немана), города Русне и Расейняй — в Литве; озеро Рось — в Северо-Восточной Польше; Рацисбург (город полабских славян, о котором упоминает Адам Бременский); города Россь и Россоны — в Белоруссии; р. Рось (приток Днепра) и р. Русь (приток Сейма) — на Украине; Тирас (древнее название Днестра) — в Молдавии; целое гнездо из 76 названий в Карпатах, в том числе 10 рек (Русс, Рося, Русо, Рось, Рускица и др.); г. Русе — в Болгарии; г. Рас (центр восточно-сербского епископата до XI века), область Рашка с одноимённым городом — в Сербии и т.д. Возможно, что некоторые из приведённых здесь географических названий имеют кельтскую или какую-то иную этимологию, но, тем не менее, отрицать, что многие из них оставлены росами / русами, мы не можем.

Расселяясь по широким просторам Восточной и Средней Европы, вятичи, поляне, кривичи, дреговичи и другие русские племена помнили, что все они — росы, поэтому и землю свою называли везде Росией. Традиционное русское написание этого слова с одной «с» сохранялось на протяжении многих веков. Например, в «Сказании Авраамия Палицына» (XVII век) написано: «И ныне всяк возраст да разумеет и всяк да приложит ухо слышать, киих ради грех попусти Господь Бог наш праведное свое наказание и от конец до конец всея Росия, и како весь словенский язык возмутися, и вся места по Росии огнем и мечем поядены быша» [8: с. 487]. Эта традиция сохранилась в современном украинском — «Росія», в польском — «Rosja», в болгарском — «Русія». Написание в этом слове двух «с», несвойственное русскому языку, перешло к нам из латинского, скорее всего, через посредство немецкого. В последних двух языках буква «с» удваивается для предотвращения её озвончения в позиции между гласными.

Русская земля — это Родина русского народа, а это понятие у древних росов изначально было наполнено сакральным смыслом. Ведь Родина — это «Мать — сыра земля», оплодотворённая Родом — мужским божеством плодородия, родящей силы. Само слово «родина» входит в группу однокорневых слов: родитель, природа, рожать, урожай, родня, народ. Но **народ** — это большая группа людей (вспомним санскритское «gāṛi»), близкие и далёкие **родственники**, **родившиеся** и живущие на **родной** земле (на Росии-Руси), то есть это росы. Таким образом, самоназвание русского народа имело сакральный смысл, в нём отразилась священная связь его с родной землёй.

Обращает на себя внимание то, что в самоназвании народа чаще всего бывает заложен смысл «люди». Именно такого происхождения, например, слово «ненцы» — из «ненець», что означает «человек»; точно так же переводится на русский язык этноним «нивх»; «ханты» означает «человек, мужчина» (первоначальное значение: «принадлежащий к роду»); самоназвание немцев «Deutsch» («дойч») происходит из древнегерманского «Thiuda» — «люди»;

древнее самоназвание эстонцев «taarahvas» означает «народ (нашей) земли», чукчей — «луораветланы», то есть «настоящие люди» и т.д. И это не случайно. В период родоплеменных отношений та или иная этническая группа порой считала людьми только себя, все же остальные разговаривали на непонятном языке, придерживались иных, «странных» обычаев рассматривались как «не наши», «не мы», как бы «нелюди» (отсюда и запрет на брачно-половые связи с ними, как во времена более отдалённые запрещались подобные связи неоантропов с палеоантропами, «дикими» людьми).

Этноним «росы» тоже нес в себе подобную семантическую нагрузку. Русичам их родная земля Рбсия-Русь представлялась как антипод всему миру «ненаших» — миру нечисти, нелюдей. Это, в частности, нашло отражение в так называемых волшебных русских народных сказках, которые по своему происхождению считаются древнейшими. Например, в сказке «Василиса Прекрасная» баба-яга, почуяв присутствие Василисы рядом со своею избушкой, кричит: «Фу, фу! Русским духом пахнет!» [4: Т. 1, с. 129]. Примечательно, что не «человеческим», а именно «русским» — в зарождавшемся этническом сознании росов «русское» и «человеческое» были тождественны. «Русским духом пахнет» и от Сосны-богатыря, спустившегося в подземельное царство, чтобы сразиться с бабой-ягой, а после того, как он её «до смерти убил, положил мёртвую на огонь, сжёл и развеял пепел по ветру», огромная птица выносит его из подземного мира нечисти «на Русь», то есть к людям, к росам [4: Т. 1, с. 162].

«Семён, малый юныш», рассказывается в сказке «Скорый гонец», упал в море, и морской царь унёс его «в самую глубину». «Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришёл к нему морской царь: “Что, Семён, малый юныш, скучно тебе здесь?” — “Скучно, ваше величество!” — “Хочешь на русский свет?”» [4: Т. 2, с. 248].

В одном из вариантов сказки «Три царства — медное, серебряное и золотое» Ивашко Запечник, обманутый своими старшими братьями, оказывается в глубоком подземелье, откуда его также «на Русь» выносит орёл [4: Т. 1, с. 180–188]. В другом варианте этой сказки злой Вихрь украл у царя его жену Настасью и унёс её на горы — «такие крутые, высокие, что и боже мой! верхушками в небо упирались». Здесь её находит младший сын Иван-царевич. А Вихрь, прилетев, спрашивает у Настасьи: «Фу-фу-фу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?» [4: Т. 1, с. 191]. Древность этого сюжета косвенно подтверждается тем, что в руках у Вихря была боевая палица (не меч, как в более поздних сказках).

Сакральный смысл понятия Родины заключался и в том, что, по представлениям древних росов, их родная земля выступает обителью и их богов.

Известно, что славяне поклонялись Солнцу. Ему были посвящены важнейшие праздники и обряды: праздник Коляды — время зимнего солнцестояния, Купалы — летнего солнцестояния, Ярилин праздник, Облупа — карауление солнца и др. Своими яркими лучами солнце поутру прогоняет ночь, рассеивает туманы, весной топит снег и разбивает на реках лёд, пробуждает к жизни при-

роду, но своим жаром и зноем может покарать землю и её обитателей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что имя главного бога древних росов совпало с ведическим названием солнца — Сварог (что соответствует санскритскому слову «Swarga» — «движущееся солнце»). Сварог — это Бог-Творец, созидающая функция которого нашла отражение в сохранившемся в русском просторечии слове «сварганить», то есть что-либо создать, смастерить. Он создал и небо, и Землю, и всех богов, и людей. С тех пор боги и люди проживают вместе в одной большой семье. Все славяно-русские божества — Сварожичи, то есть они дети Сварога, а русичи — «внуки Дажьбога» и «Велесовы внуки», то есть правнуки Сварога. Будучи дедами людей, боги им помогают, но без излишней, мелочной опеки, не вмешиваясь в их частную жизнь. Они регулируют явления природы, а росы должны жить в согласии с природой и друг с другом, соблюдать сыновние отношения, помнить и уважать своих пращуров, всегда поддерживая идею непрерывной связи с ними. И в коренных русских семьях вплоть до начала XX века старики пользовались особым почётом и уважением и при жизни, и после смерти. Русская Православная Церковь постоянно молится об упокоении душ умерших, в богослужении есть даже особые, родительские субботы. Вечная память о предках, об их жизненном опыте помогает сохранять традиции, выстраивать жизнь с опорой на эти традиции, что придаёт обществу устойчивость и стабильность.

Таким образом, Россия и русский народ — это единый организм. Отсюда в традиции русских людей всегда было бережное отношение к своей земле (она живая, она кормит и поит, она источник жизни), отсюда и беззаветная любовь к ней, и готовность в случае необходимости положить за неё свою голову. На этой земле происходила вся жизнь русского народа, на ней сформировались его язык, верования, обычаи, нормы поведения, национальный уклад. На этой земле русский народ строил своё государство, создал великую Русскую державу, сплотив вокруг себя множество разных племён и народов. Понятие Родины с самого начала для русского народа было священным.

Литература

1. *Абаев В. И.* Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка / В.И. Абаев // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. — М.: Наука, 1970. — С. 232–262.
2. *Акашев Ю. Д.* Имя твоё — рос (историко-этнические корни русского народа) / Ю.Д. Акашев. — М.: ФГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2006. — 341 с.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. — Т. IV. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1836. — С. 15–18.
4. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: В 3-х тт. / А.Н. Афанасьев. — М.: Госполитиздат, т. 1: 1984. — XVI, 511 с.; т. 2: 1985. — 510 с.; т. 3: 1985. — 572 с.
5. *Гусева Н. Р.* Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория / Н.Р. Гусева. — М.: Белые альвы, 2007. — 155 с.

6. Густинская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. II. – СПб.: Типография Э. Праца, 1843. – С. 233–373.
7. *Зернова А. Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае / А.Б. Зернова // Советская этнография. – 1932. – № 32. – С. 40–49.
8. «Изборник»: Сборник произведений литературы древней Руси. – М.: Художественная литература, 1969. – 799 с.
9. *Ильин И. А.* О национализме / И.А. Ильин // Быть русским / Сост.: В. Михайлов. – СПб.: Партия Православного Возрождения, 1998. – С. 182–186.
10. Летопись по Лаврентьевскому списку. Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. – Т. I. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – С. 1–286.
11. *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века / А.С. Мыльников. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 320 с.
12. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
13. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 607 с.

Literatura

1. *Abaev V. I.* Otrazhenie raboty soznaniya v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka / V.I. Abaev // Leninizm i teoreticheskie problemy yazykoznanija. – М.: Nauka, 1970. – S. 232–262.
2. *Akashev Yu. D.* Imya tvoyo — ros (istoriko-etnicheskie korni russkogo naroda) / Yu.D. Akashev. – М.: FGUP Izd-vo «Nefť i gaz» RGU nefťi i gaza im. I.M. Gubkina, 2006. — 341 s.
3. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossiyskoy imperii Arheograficheskoyu ekspeditsiyu Akademii nauk. – Т. IV. – СПб.: Tip. Imp. AN, 1836. – S. 15–18.
4. *Afanas'ev A. N.* Narodnye russkie skazki: V 3-h tt. / A.N. Afanas'ev. – М.: Gospolitizdat, t. 1: 1984. – XVI, 511 s.; t. 2: 1985. – 510 s.; t. 3: 1985. – 572 s.
5. *Guseva N. R.* Russkie skvoz' tysyacheletiya. Arkticheskaya teoriya / N.R. Guseva. – М.: Belye al'vy, 2007. – 155 s.
6. *Gustinskaya letopis'* // Polnoe sobranie russkih letopisey. – Т. II. – СПб.: Tipografiya E. Pratsa, 1843. – S. 233–373.
7. *Zernova A. B.* Materialy po sel'skohozyaystvennoy magii v Dmitrovskom krae / A.B. Zernova // Sovetskaya etnografiya. – 1932. – № 32. – S. 40–49.
8. «Изборник»: Sbornik proizvedeniy literatury drevney Rusi.— М.: Hudozhestvennaya literatura, 1969. – 799 s.
9. *Il'in I. A.* O natsionalizme / I.A. Il'in // Byt' russkim / Sost. V. Mihaylov. – СПб.: Partiya Pravoslavnogo Vozrozhdeniya, 1998. – S. 182–186.
10. *Letopis' po Lavrent'evskomu spisku. Povest' vremennyh let* // Polnoe sobranie russkih letopisey. – Т. I. – М.: Izd-vo vostochnoy literatury, 1962. – S. 1–286.
11. *Myl'nikov A. S.* Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy: Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII veka / A.S. Myl'nikov. – СПб.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996. – 320 s.
12. *Porshnev B. F.* O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsihologii) / B.F. Porshnev. – М.: Mysl', 1974. – 487 s.
13. *Rybakov B. A.* Yazychestvo drevnih slavyan / B.A. Rybakov. – М.: Nauka, 1981. – 607 s.

А.Б. Давыдова

Храмы Сераписа в Египте: социокультурный контекст¹

Культ бога Сераписа обладает рядом особенностей, в частности он унаследовал как эллинские, так и некоторые египетские черты. В связи с этим интересно проследить, как данные особенности культа Сераписа отразились на внешнем облике храмов этого божества.

Первый храм Сераписа, где, вероятно, изначально и оформился культ данного божества, находился в Мемфисе, на территории Саккары. Этот храмовый комплекс, посвященный быку Апису, существовал еще со времен правления в стране фараонов, Птолемеи лишь достроили некоторые сооружения на его территории. На священном участке соседствовали два святилища — маленькое греческое со ступенями и четырьмя коринфскими колоннами и небольшое египетское, в котором находилось изваяние Аписа, — и рядом стояли статуи местных и эллинских мудрецов [17: р. 212–213].

В основном святилище Сераписа — александрийском Серапеуме — преобладали античные черты. Этот храм находился на естественном холме Амуд эс Савари, расположенном в округе Кармус к юго-западу от центра современного города. Северный и западный склоны холма не были полностью исследованы: изучение северной части самого святилища невозможно из-за того, что оно находится под мусульманским кладбищем Баб Сидра, а западный склон, частично покрытый современной городской застройкой, очевидно, был значительно поврежден и разграблен [18: р. 68]. Из всех сооружений храма лучше всего сохранилась колонна Диоклетиана, или, как ее еще называют, колонна Помпея. Прослеживаются также следы стен и архитектурные фрагменты.

Известно, что храм несколько раз расширялся и перестраивался. Основное святилище Сераписа и двор с колоннами были сооружены в период правления Птолемея III. Расположенное напротив храма вдоль западной части его длинной оси сооружение, напоминающее по своей форме древнегреческую стую, судя по всему, также построено в то время [12: р. 82]. Назначение этого здания неизвестно, однако оно могло быть храмом Исиды. При этом Дж. Мак-Кензи предположила, что расположенное южнее, вокруг спуска в подземные помещения, Т-образное здание построено раньше — в эпоху правления Пто-

¹ Автор выражает благодарность Д.А. Карелину за помощь, оказанную им в написании данной статьи.

лемея I или Птолемея II, а квадратная лестница, ведущая вниз, была сооружена прежде этого строения [12: р. 83].

В ходе археологических раскопок, проведенных А. Роу во время Второй мировой войны [15: р. 1–115], стало ясно, что уже изначально храм был сооружен в эллинском, а не египетском стиле. Это подтверждается и находкой монеты александрийской чеканки с его изображением, выпущенной в эпоху правления Адриана. На ней изображена статуя Сераписа, помещенная под портик с фризом, окруженный коринфскими колоннами [8: р. 90].

В римский период комплекс был перестроен после того, как примерно в 181 г. н.э. храм эллинистического времени сгорел во время пожара, о чем сообщает Климент Александрийский, писавший около 190 г. н.э. (Clem Alex. Protr. LIII. 2). Святилище Сераписа было расширено, а по наружному периметру этот храм был обнесен одним рядом коринфских колонн (периптер) [12: р. 92]. У него появился и атриум, из которого можно было попасть в разветвленные подземные помещения [15: р. 35].

Как следует из описания, архитектура храмового комплекса была полностью эллинской, что неудивительно в Александрии – городе, основанном как греческий полис, с античной планировкой и святилищами других эллинских божеств. Однако, как отметила Дж. Мак-Кензи, традиция закладывания специальных табличек под основание строящегося храма — это не греческий, а именно египетский обычай [12: р. 82]. К тому же на территории этого храмового комплекса обнаружены египетские предметы. К примеру, недалеко от александрийского Серапеума найдены два типично египетских сфинкса эллинистического периода. Помимо этого здесь обнаружена часть статуи жреца в характерной для Египта жреческой одежде — леопардовой шкуре [18: р. 188–189].

Правда, на вопрос о том, когда и по каким причинам эти предметы, изготовленные еще в период правления в Египте фараонов, оказались в Александрии, до сих пор не удалось найти ясного ответа. На этот счет существует несколько различных точек зрения [20: р. 203–206]. Согласно одной из них, египетские артефакты стали привозить в новую столицу из идеологических соображений. По мнению других исследователей, этот обычай возник в римский период, и был связан с тем, что римляне, став жертвами моды на все египетское, вывозили различные памятники в Исеумы и Серапеумы, Александрию и Рим.

Существует и гипотеза, согласно которой предметы, найденные в столице Птолемея, были привезены в основном из Гелиополя. Нам известно, что к I–II векам н.э. Сераписа стали считать всемогущим солярным божеством и отождествили, помимо некоторых других богов, с Зевсом и Гелиосом. Таким образом, перенос в его храм священных предметов из древнего религиозного центра, в котором поклонялись древнейшему египетскому солнечному богу Ра, не случаен.

Вероятно, наиболее обоснованна точка зрения П.М. Фрейзера [9: р. 265–267]. Он отметил, что перевоз египетских предметов в новую столицу мог начаться в эллинистический период и продолжиться уже во времена римского владычества. Как говорилось выше, в мемфисском храме Сераписа стояли статуи гре-

ческих философов и писателей. Очевидно, сходный механизм характерен и для Александрии, где древнеегипетские предметы служили в качестве украшений и, возможно, каким-то образом использовались во время храмовых ритуалов.

Помимо этого храма, в Александрии было еще одно небольшое святилище Сераписа и Исиды [18: р. 80]. Оно находилось в самом центре современного города в районе Аттарин, на пересечении улиц Хорейя и Шериф. Этот храм был случайно обнаружен в ходе реконструкции расположенного на его месте здания. Он представляет собой две постройки, отделенные друг от друга небольшой аллеей. Под одним из его углов были обнаружены четыре закладные дощечки из золота, серебра, кости и фаянса. На золотой пластинке, которая сохранилась лучше всего, была выгравирована посвятельная надпись, составленная, как и в основном Серапеуме, на древнегреческом языке и иероглифике. Согласно этой надписи, храм для Исиды и Сераписа был построен по приказу Птолемея IV и Арсиной III.

Кроме того, нам известно, что в городе, как в эллинистический, так и в римский период существовали и частные святилища этих божеств. Так, в одной посвятельной надписи говорится о том, что Архагаф, сын Агафокла, эписпат Ливии, вместе со своей супругой Стратоникой посвятил храм Серапису и Исиде [5: р. 151]. Вероятно, эти люди были очень состоятельны и могли позволить себе содержание не только самого храма, но и коллегии жрецов, которые должны были служить в нем.

Ни в одном другом городе греко-римского Египта, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, не было такого множества храмов Сераписа, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, Александрия была крупнейшим городом страны, население которого значительно превосходило число жителей любого иного египетского поселения. Во-вторых, Серапис был покровителем Александрии, представлявшей собой эллинистический полис, и был благодаря этому отождествлен с Агатодемоном [9: р. 210]. Его культ с первых лет своего существования был направлен на греко-македонское население Египта и имел определенное значение для царской власти [1: р. 89–96].

Вероятно, это сочетание факторов стало причиной того, что посвященные Серапису храмы сооружались в Александрии по античному канону. Наличие в них некоторых египетских элементов, вероятно, свидетельствует о том, что как власти, так и адепты культа признавали египетское происхождение этого божества.

В правление последних Птолемеев, а также после превращения Египта в одну из римских провинций число посвященных Серапису храмов снова стало увеличиваться. Они сооружались в разных частях страны — в Фаюмском оазисе, в Оксирихе, в некоторых поселениях Восточной пустыни, в Луксоре и т.д.

О наличии в Оксирихе храма Сераписа свидетельствует, например, военный перечень, в котором он назван среди прочих публичных зданий (Р. Оху I. 43). К сожалению, не известно точно, как именно выглядел храм, так как большая часть городища в настоящее время находится под современным городом Эль-Бахнаса и

раскопки, соответственно, там никогда не проводились. Очевидно, местное святилище Сераписа представляло собой целый комплекс зданий с мастерскими и небольшими «кельями» для паломников [6: р. 126], а перед ним располагалась торговая площадь [2: р. 265].

Святилища Сераписа в Монс Клаудианус и Монс Порфиритес находились рядом с местами добычи ценных пород камня, которые впоследствии перевозились, в частности, в Рим для строительства таких сооружений, как знаменитые базилика Ульпия и Пантеон. При этом функционировали эти храмы примерно в одно и то же время. Посвятительная надпись, найденная в Монс Клаудианус, относится к 118 г. н.э., а самая ранняя надпись, сделанная на алтаре, датируется двенадцатым годом правления Траяна (108 / 109 г. н.э.) [13: р. 115]. Храм в Монс Порфиритес достраивался, судя по посвяtitельной надписи, в 117–119 гг. н.э., когда префектом Египта был Квинт Раммий Марциал [11: р. 36–37]. Оба эти святилища не были достроены, что, очевидно, связано с непродолжительностью функционирования разработок.

В надписях обоих храмов говорится о том, что посвятил их божеству некий императорский раб Эпафродит [11: р. 37], судя по имени, грек или, по крайней мере, человек, происходивший из смешанной, эллинизированной семьи и, вероятно, получивший эллинское образование. Рабский статус заказчика не удивителен. Известно, что императорские рабы, служившие в государственной администрации, могли занимать сравнительно высокие должности, и были достаточно состоятельны [19: р. 113].

Оба храма сооружены по греко-римскому архитектурному канону, о чем свидетельствует наличие портиков с тетрастилем, а также галерей с, вероятно, коринфскими колоннами и т.п. [13: р. 36–38]. Помимо храма Сераписа, в Монс Порфиритес были еще два святилища Исиды, одно из которых, расположенное недалеко от крепости почти не сохранилось, зато второе, посвященное Исиде Мириономос и датированное 22-м годом правления Адриана, было реконструировано современными исследователями [16: р. 120–121]. Оно построено в египетском стиле. Вероятно, этот факт также свидетельствует о том, что планировка храма Сераписа не случайно была античной.

Оба храма связаны с расположенными неподалеку от них римскими крепостями, в которых жили чиновники, руководившие работами, и были расквартированы солдаты, охранявшие эту территорию. О возможной принадлежности храма в Монс Клаудианус крепости свидетельствует, в частности, тот факт, что в одном из ее помещений был найден алтарь с посвяtitельной надписью: «Зевсу-Гелиосу, великому Серапису». Это помещение отличается от остальных, использовавшихся для жилья или хозяйственных потребностей. Оно явно предназначалось для общественных нужд и, судя по наличию в нем резервуара для воды, использовалось в ритуальных целях. К тому же, процессионная дорога, ведущая в храм, выходила прямо из западной стены крепости [13: р. 101]. Вероятно, на выбор архитектурного канона, по которому были построены храмы, повлияли их связь с крепостями, а также происхождение и положение заказчика.

Антично по стилю и маленькое кирпичное святилище Сераписа и Исиды перед Луксорским храмом, во дворе Нектанеба I [3: р. 264]. Построенное, вероятно, в I веке н.э., оно было отремонтировано в 124 г. бывшим солдатом и храмовым служителем Гаем Юлием Антонием и посвящено императору Адриану [4: р. 189]. Здание окружено колоннами, поддерживавшими остроконечную крышу. Над воротами из песчаника размещалось изображение крылатого солнечного диска — единственный египетский элемент в оформлении этого и двух описанных выше храмов. До сих пор внутри святилища стоит фрагмент выполненной в античном стиле статуи Исиды.

Вероятно, облик часовни также связан с наличием в этом регионе римских солдат — Луксорский храм в то время был центральной осью военного лагеря [7: р. 1–125], в котором стояли формирования III Диоклетианова легиона. К сожалению, не известно, кто заказал строительство часовни: государство или частное лицо. Но тот факт, что ее ремонтом занимался римский солдат, показателен.

Тем не менее, существуют храмы, посвященные этому божеству и выглядывшие иначе. Так, святилище Сераписа, построенное в египетском стиле, находится в Беренике — городе, основанном Птолемеем II в честь его матери Береники I. Оно расположено в самой высокой части городища и было построено из местного белого гипса, блоки которого скреплялись деревянными скобами [16: р. 135–136]. Стены храма покрыты многочисленными надписями, в основном иероглифическими, а также рельефами и картушами римских императоров. Предположительно, войдя в помещение храма, посетитель попадал в гипостильный зал, а затем, пройдя через центральный зал, стены которого украшены рельефами Тиберия, — в святилище с потолком, покрытым изображениями грифов и звезд.

Храм в Беренике — единственное святилище Сераписа, по крайней мере, в Восточной пустыне, сооруженное в египетском стиле. О. Капер в статье, посвященной храмовому строительству в Восточной и Западной пустынях, считает, что такой облик храма Сераписа связан с тем, что он был возведен на средства частного лица (имя которого не сохранилось) и для многонационального населения порта [10: р. 147].

Еще одно святилище Сераписа с египетской планировкой расположено в Телль Душе (в греко-римский период это поселение называлось Кизис) [14: р. 93–94]. Завершенный в эпоху правления Траяна храм располагался в конце главной улицы города, примыкая к сооружениям более поздней военной крепости. Вход в него выполнен в виде пилона, ведущего в первый двор. В конце двора располагается второй пилон, вырубленный в ограде, окружающей храм, и сооруженный в период правления Адриана. За оградой находится второй двор с галереей, ведущей в святилище. Сзади расположены пристройка для получения оракулов и другие сооружения. На стенах храма были обнаружены картуши Домициана и Адриана, а также их изображения в виде фараонов.

К сожалению, нам не известно, кто финансировал строительство этого святилища. В одной из сохранившихся надписей на древнегреческом языке местный верховный жрец по имени Эпий Ольбий рассказывает о том, как он собирал сред-

ства на строительство стены, окружавшей священный участок [10: р. 152]. Судя по тому, что имя заказчика храма не упомянуто (хотя подобная надпись могла просто не сохраниться), вполне вероятно, что строительство велось, по крайней мере, частично за государственный счет. При этом известно, что многие храмы, строившиеся в Египте на средства римских властей (финансирование шло из казны префекта, расположенной в Александрии), сооружались с учетом древнеегипетской архитектурной традиции [10: р. 141].

Самый южный храм Сераписа и Исиды, предположительно датируемый исследователями временем Августа, расположен в Нубии, в местечке Иера Сикаминос (Махаррака) [3: р. 244]. Несмотря на то, что практически все строительные элементы этого здания египетские, его планировка не соответствует египетской архитектурной традиции. Центральный вход в здание был сделан со стороны Нила. Храм представлял собой внутренний двор, окруженный с трех сторон колоннадами. Южная колоннада была отделена от остальных стеной, и попасть к ней можно было, только пройдя через расположенную в центре этой стены дверь. Снаружи стены были покрыты выкружкой, а углы подчеркнуты полукруглыми фризами. В одном из углов храма находится винтовая лестница, по которой можно попасть на крышу. Аналоги ей в египетской архитектуре отсутствуют. В этом храме, пожалуй, наиболее четко проявилась «синкретическая» природа Сераписа — божества с египетскими корнями, которому поклонялись в основном жившие в этой стране греки и потомки от смешанных браков.

Краткая характеристика храмов Сераписа, расположенных на территории Египта, позволяет сделать несколько выводов. На протяжении римского периода количество храмов заметно увеличилось, расширился и ареал их распространения. Очевидно, это связано с возрастающей популярностью божества, в том числе в других странах Средиземноморья, а также с признанием культа Сераписа римскими властями. Вероятно, не случайно многие храмы этого бога строились в непосредственной близости от римских крепостей и предназначались в первую очередь для находившихся в них военнотружущих и гражданской администрации.

Проследить какую-то закономерность в том, на какие аналоги — греко-римские или египетские — больше походил тот или иной храм Сераписа, построенный на территории Египта, довольно сложно. Вероятно, мемфисский храмовый комплекс должен был символизировать единение двух традиций и связь божества, как с египетской, так и с эллинской культурой, а александрийское святилище, созданное в античном стиле, вполне характерно для города, обладающего полисной структурой. В остальных регионах страны многое зависело, в первую очередь, от того, кто был заказчиком строительства. Частные лица, люди, как правило, состоятельные и получившие классическое эллинское образование, сооружали храмы по примеру их античных аналогов, вероятно, по большей части александрийского Серапеума. Государство же, очевидно, более равнодушно относилось к храмовому строительству, полагая, что египетскому божеству, которым Серапис считался по всему Средиземноморью, должен принадлежать храм в египетском же стиле.

При этом встречаются эклектичные святилища, а в декоре храмов, сооруженных по античному канону, нередко присутствуют черты, характерные для их египетских аналогов. Эти факты свидетельствуют о синкретической природе Сераписа, о том, что, несмотря на преобладание в его культе эллинских черт, в нем имеются и египетские элементы.

Литература

1. *Давыдова А. Б.* Основные факторы формирования культа Сераписа в эпоху Птолемея I Сотера / А.Б. Давыдова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – № 2 (30). – 2008. – С. 89–96.
2. *Alston R.* The City in Roman and Byzantine Egypt / R. Alston. – London, 2002. – 479 + XVI p.
3. *Arnold D.* Temples of the Last Pharaohs / D. Arnold. – New York; Oxford, 1999. – 373 p.
4. *Bagnal R. S.* Egypt. From Alexander to the Copts / R.S. Bagnal, D.W. Rathbone. – Cairo, 2008. – 319 p.
5. *Bernand É.* Inscriptions Grecques d'Alexandrie Ptolemaïque / E. Bernand. – Le Caire, 2001. – 202 + X p. + 35 plates.
6. *Bowman A. K.* Egypt after the Pharaohs: 332 BC-AD 642 from Alexander to the Arab Conquest / A.K. Bowman. – London, 1996. – 264 p.
7. *El-Saghir M.* Le Camp Romain de Louqsor / M. El-Saghir, J-C. Colvin et al. – Cairo, 1986. – 125 p.
8. *Empereur J.-Y.* Alexandria Rediscovered / J.-Y. Empereur. – London, 1998. – 256 p.
9. *Fraser P. M.* Ptolemaic Alexandria / P.M. Fraser. – Vol. I. – Oxford, 1972. – 812 + XVI p.
10. *Kaper O. E.* Temple Building in the Egyptian Deserts during the Roman Period / O.E. Kaper // Life on the Fringe. Living in the Southern Egyptian Deserts during the Roman and Early Byzantine Periods. – Leiden, 1998. – P. 139–158.
11. *Maxfield V.* The Roman Imperial Quarries. Survey and Excavation at Mons Porphyrites / V. Maxfield, D. Peacock. – London, 2001. – 339 + XI p.
12. *McKenzie J.* Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence / J. McKenzie, S. Gibson, A.T. Reyes // Journal of Roman Studies. – 2004. – № 94. – P. 73–121.
13. *Peacock D. P. S.* Survey and Excavation. Mons Claudianus. – Vol. I. Topography and Quarries (FIFAO XXXVII) / D.P.S. Peacock, V.A. Maxfield. – Cairo, 1997. – 366 + XI p.
14. *Reddé M. K.* Fouilles de l'Ifao à Douch. Oasis de Kharga / M.K. Redde. – Le Caire, 2004. – 258 p.
15. *Rowe A.* Discovery of the Famous Temple and Enclosure of Serapis at Alexandria / A. Rowe // Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. – 1946. – Cahier 2. – P. 1–115.
16. *Sidebotham S. E.* The Red Land. The Illustrated Archaeology of Egypt's Eastern Desert / S.E. Sidebotham, M. Hense, H.M. Nouwens. – Cairo-New York, 2008. – 424 p.
17. *Thompson D. J.* Memphis under the Ptolemies / D.J. Thompson. – Princeton, 1988. – 342 + XVII p.

18. *Tkaczow B.* Topography of Ancient Alexandria (An Archaeological Map) / B. Tkaczow. – Varsovie, 1993. – 358 p.
19. *Westermann W. L.* The slave systems of Greek and Roman antiquity / W.L. Westermann. – Philadelphia, 1955. – 180 + XII p.
20. *Yoyotte J.* Pharaonica / J. Yoyotte // Goddio F., Bernand A., Bernand E., Darwish I., Kiss Z., Yoyotte J. Alexandria. The Submerged Royal Quarters. – London, 1998. – P. 199–221.

Literatura

1. *Davydova A. B.* Osnovnye faktory formirovaniya kul'ta Serapisa v epohu Ptolemeya I Sotera / A.B. Davydova // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». – № 2 (30). – 2008. – S. 89–96.
2. *Alston R.* The City in Roman and Byzantine Egypt / R. Alston. – London, 2002. – 479 + XVI p.
3. *Arnold D.* Temples of the Last Pharaohs / D. Arnold. – New York; Oxford, 1999. – 373 p.
4. *Bagnal R. S.* Egypt. From Alexander to the Copts / R.S. Bagnal, D.W. Rathbone. – Cairo, 2008. – 319 p.
5. *Bernand É.* Inscriptions Grecques d'Alexandrie Ptolemaïque / E. Bernand. – Le Caire, 2001. – 202 + X p. + 35 plates.
6. *Bowman A. K.* Egypt after the Pharaohs: 332 BC-AD 642 from Alexander to the Arab Conquest / A.K. Bowman. – London, 1996. – 264 p.
7. *El-Saghir M.* Le Camp Romain de Louqsor / M. El-Saghir, J-C. Colvin et al. – Cairo, 1986. – 125 p.
8. *Empereur J.-Y.* Alexandria Rediscovered / J.-Y. Empereur. – London, 1998. – 256 p.
9. *Fraser P. M.* Ptolemaic Alexandria / P.M. Fraser. – Vol. I. – Oxford, 1972. – 812 + XVI p.
10. *Kaper O. E.* Temple Building in the Egyptian Deserts during the Roman Period / O.E. Kaper // Life on the Fringe. Living in the Southern Egyptian Deserts during the Roman and Early Byzantine Periods. – Leiden, 1998. – P. 139–158.
11. *Maxfield V.* The Roman Imperial Quarries. Survey and Excavation at Mons Porphyrites / V. Maxfield, D. Peacock. – London, 2001. – 339 + XI p.
12. *McKenzie J.* Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence / J. McKenzie, S. Gibson, A.T. Reyes // Journal of Roman Studies. – 2004. – № 94. – P. 73–121.
13. *Peacock D. P. S.* Survey and Excavation. Mons Claudianus. – Vol. I. Topography and Quarries (FIFAO XXXVII) / D.P.S. Peacock, V.A. Maxfield. – Cairo, 1997. – 366 + XI p.
14. *Reddé M. K.* Fouilles de l'Ifao à Douch. Oasis de Kharga / M.K. Redde. – Le Caire, 2004. – 258 p.
15. *Rowe A.* Discovery of the Famous Temple and Enclosure of Serapis at Alexandria / A. Rowe // Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. – 1946. – Cahier 2. – P. 1–115.
16. *Sidebotham S. E.* The Red Land. The Illustrated Archaeology of Egypt's Eastern Desert / S.E. Sidebotham, M. Hense, H.M. Nouwens. – Cairo-New York, 2008. – 424 p.
17. *Thompson D. J.* Memphis under the Ptolemies / D.J. Thompson. – Princeton, 1988. – 342 + XVII p.

-
18. *Tkaczow B.* Topography of Ancient Alexandria (An Archaeological Map) / В. Ткачов. – Varsovie, 1993. – 358 p.
19. *Westermann W. L.* The slave systems of Greek and Roman antiquity / W.L. Westermann. – Philadelphia, 1955. – 180 + XII p.
20. *Yoyotte J.* Pharaonica / J. Yoyotte // Goddio F., Bernard A., Bernard E., Darwish I., Kiss Z., Yoyotte J. Alexandria. The Submerged Royal Quarters. – London, 1998. – P. 199–221.

С.П. Карпачев

Интернет-ресурсы как источник изучения современного масонства

Интернет-источники все прочнее входят в контекст исторической науки. Изучение же истории современности стало практически невозможно без них. Естественно, что данный вид документации активно подвергается анализу источниковедами, разделы о нем вошли в учебные пособия [3: с. 593–619]. Использовались данные Интернет-сайтов масоноведами [4] и журналистами [5; 6]. Опирался на них при изучении современного российского масонства и автор данной статьи [1; 2]. Здесь предпринимается попытка привлечь к анализу более широкий круг Интернет-источников, включая сайты зарубежных масонских орденов.

При подготовке публикации было проанализировано 30 сайтов: 15 сайтов французских¹, семь бельгийских², шесть швейцарских³ и два сайта российских масонских объединений⁴.

¹ См.: Великий Восток Франции (www.godf.org); Французская Федерация Международного Масонского Ордена Droit Humain (www.droithumain-france.org); Великая Ложа Франции (www.gldf.org); Великая Национальная ложа Франции (www.glnf.org); Великая Женская Ложа Франции (www.glff.org); Великая Традиционная и Символическая ложа Opéra (www.gltso.org); Великая Французская Ложа Мемфис-Мизраим (www.glfinm.org); Национальная Французская Ложа (www.logenationale-francaise.org); Великая Женская Ложа Мемфис-Мизраим (www.glfnm.free.fr); Великая Независимая и Суверенная Ложа Объединенных Ритуалов (www.glisru.fr); Великая Смешанная Универсальная Ложа (www.grandelogemixteuniverselle); Посвященческий и Традиционный Орден Королевского искусства (www.oitar.org); Великая Французская Ложа Мизраим (www.glfm.org); Великая Смешанная Ложа Франции (www.glmf.org); Великая Объединенная Ложа Франции (www.gluf.org).

² См.: Великий Восток Бельгии (www.gob.be); Бельгийская Федерация Международного масонского ордена Droit Humain (www.droit-humain.be); Великая Бельгийская Ложа Старинного и Первоначального Ритуала Мемфис — Мизраим (www.memphis-misraim.be); Великая Ложа Бельгии (www.glb.be); Великая Регулярная Ложа Бельгии (www.glrbe.org); Великая Женская Ложа Бельгии (www.mason.be/fr/glf/); Конфедерация Лож Каменщиков (www.litos-mason.be).

³ См.: Великая Ложа Швейцарии Альпина (www.freimaurerei.ch); Швейцарская Федерация Международного Масонского Ордена Droit Humain (www.droit-humain.org/ch/); Великий Восток Швейцарии (www.g-o-s.ch); Великая Символическая Ложа Швейцарии (www.glsh.org); Великая Женская Ложа Швейцарии (www.glfs-masonic.ch); Великая Смешанная Ложа Швейцарии (www.masonic.ch).

⁴ См.: Великая Ложа России (www.freemasonry.ru); Объединенная Великая Ложа России (www.mason.ru).

Несмотря на все разнообразие масонских сайтов, можно попытаться выделить ряд их общих черт.

Заставки сайтов обычно представляют из себя картинку, содержащую эмблему ордена, изображение строительных инструментов, других масонских символов. Иногда — девизы орденов: «Познай самого себя», (Великая Ложа Бельгии, Великая Женская Ложа Франции) «Свобода — равенство — братство» (Великий Восток Франции), «Сила — мудрость — красота» (Великий Восток Бельгии), «Развитие человека для развития человечества» (Великая Независимая и Суверенная Ложа Объединенных Ритуалов), «Жить — это думать, говорить, слушать, меняться» (Великая Смешанная Ложа Франции) и т.д.

Как правило, сайты содержат преамбулу, где излагаются наиболее общие сведения о масонстве. Часто она представляет собой слово руководителя Ордена — Великого Мастера.

Большинство сайтов дают определения масонства. Они разнообразны по форме, но близки по содержанию. Приведем некоторые из них:

«Франкмасонство — международное объединение, ставящее своей целью братство между всеми людьми, совершенствование бытия человечества и прогресс гуманизма». (Бельгийская Федерация Международного Масонского Ордена Droit Humain).

«Франкмасонство — филантропическое и прогрессивное учреждение, ставящее целью поиск истины, изучение морали, наук, искусств и путей совершенствования благотворительности» (Великий Восток Франции).

Следует заметить, что ряд масонских объединений отрицают филантропический характер масонства. Например, Великая ложа Бельгии подходит к этому вопросу так: масоны часто занимаются благотворительностью, но само франкмасонство — не филантропическое общество наподобие Ротари-клуба.

Что касается современного российского масонства, то оно определяет себя как «свободное сообщество независимых людей... стремящихся к осуществлению идеалов мира, любви и братства... полагающее своими целями нравственное усовершенствование человечества и практику истинной благотворительности» (Великая Ложа России).

Практически обязателен на сайтах исторический раздел. Он содержит обычно общеизвестные факты по реальной и мифологической истории масонства. Информация отличается друг от друга степенью проникновения в глубь веков. Ордена, склонные к мистицизму (прежде всего, Мемфис-Мизраимского ритуала), начинают историю «королевского искусства» (одно из самоназваний масонства) от Адама, которому «господь вложил в сердце» знание геометрии и строительного дела, древнеегипетских строителей пирамид и древнеримских строительных ассоциаций. Продолжает держаться легенда о связях масонства с орденом тамплиеров, отвергнутая большей частью масонства еще на Вильгельмсбаденском конгрессе 1782 г. Ордена, основывающие свою предисторию на более рационалистических формах и способах мышления, выводят ее из средневековых гильдий ремесленников-строителей. Общей для всех вехой выступает основание

Великой Ложи Англии в 1717 г., что кладет начало современному масонству. Разделы по истории конкретного ордена более разнообразны, как по форме, так и по содержанию. Здесь можно получить конкретные, подчас, эксклюзивные сведения по истории того или иного ордена, времени его возникновения, историческом пути, организаторах, современном положении: количестве лож, адептов, связях с другими масонскими объединениями.

Ряд сайтов содержат Конституции орденов. Они четко подразделяются на два вида: Конституции регулярного масонства (Великой Ложи России, Великой Национальной Ложи Франции, Великой Регулярной Ложи Бельгии, Великой Ложи Швейцарии «Альпина») и Конституции нерегулярного масонства (все остальные ордена рассматриваемые здесь). Первые жестко базируются на основополагающем масонском документе «Книга уставов» Дж. Андерсона 1723 г., требующего от вольного каменщика обязательной веры в бога, обязательного наличия в ложе наряду с Циркулем и Наугольником Книги Священного Закона (Библии для христиан, Корана для мусульман и т.д.), запрещающего принимать в орден женщин и устанавливать какие-либо масонские связи с ложами, имеющими смешанное или женское членство.

Нерегулярные Ордена в Основополагающих документах подчеркивают свой антидогматический характер, исповедование принципов толерантности, лаицизма, свободы совести, солидарности. Ряд объединений (Великая Традиционная и Символическая Ложа OPÉRA, Великая Независимая и Суверенная Ложа Объединенных Ритуалов) отмечают несовместимость масонства с расистскими, сектантскими, тоталитарными организациями.

Некоторые масонские ордена (как регулярные, например, Великая Ложа России, так и нерегулярные, например, Великая Объединенная Ложа Франции) подчеркивают свой посвященческий характер.

Объединяет все масонские Конституции — строгий запрет на обсуждение в ложах политических и религиозных вопросов.

Большинство Конституций содержат разделы об обязанностях вольных каменщиков. Среди них соблюдение и хранение таинств Ордена, любовь и уважение к братьям, духовное и интеллектуальное совершенствование, терпимость и безупречное поведение как в масонской, так и «профанской» жизни.

Практически все Конституции декларируют необходимость самосовершенствования адептов масонства с целью совершенствования всего человечества на основе идеалов мира, просвещения, солидарности, братской любви, благотворительности.

Весьма интересны разделы рассматриваемых сайтов, где даются ответы на вопросы, наиболее часто задаваемые масонам. Они разнообразны по форме, но практически идентичны по смыслу.

Почему масонство — закрытая организация? Если масонам нечего скрывать, то они должны превратиться в открытое общество. — Гражданские свободы включают в себя и свободу молчания. Современное общество понимает и признает необходимость сохранения государственных, коммерческих, профессио-

нальных, личных тайн, тайну религиозной или политической принадлежности, сексуальных предпочтений. Массонское молчание определяется стремлением сохранить свою посвященческую традицию, оградить свой символический метод познания действительности от вульгаризации и «профанации».

Что такое символический метод познания? — Это постижение мира, себя и человечества через все более глубокое размышление над масонскими символами.

Какие символы использует масонство? — Массонство использует множество символов, восходящих к глубокой древности, существующие во многих культурах и религиях: четыре основных элемента мироздания (земля, воздух, огонь, вода), звезды и планеты, геометрические фигуры, животные, химические элементы. Особо активно используется символика строительных инструментов: циркуль, наугольник, молот, уровень, отвес и проч.

Для чего служит ритуал? — Массонство использует ритуал для более глубокого пробуждения чувств, эмоций, интуиции каждого брата, участвующего в собрании ложи.

Что такое ложа? — Ложа или мастерская представляет собой первичную структурную ячейку масонства. Массоны обязательно состоят членами ложи. Они собираются в них, как правило, раз в месяц, чтобы вместе проводят масонскую работу. Руководит ложей регулярно (раз в год или в два) избираемый Досточтимый Мастер с помощью коллегии офицеров, назначаемых им или избираемых братьями.

Что такое Великая Ложа? — Это объединение лож, которые добровольно приняли свою Конституцию и Генеральный Регламент. Она руководит ложами и координирует их работу, занимается исследовательской и публикаторской деятельностью, формирует библиотеку и архив, устраивает выставки, ведет веб сайт, содержит или помогает содержать масонские храмы, осуществляет международные связи. Высшим органом Великой Ложы выступает Ассамблея (или Конвент), на которой демократическим путем избирается Великий Мастер и в соответствии с Регламентом назначаются или избираются Великие Офицеры.

Что такое масонский Орден? — Под масонским Орденом обычно понимается объединение всех вольных каменщиков. Правда, в не устоявшейся российской масонской терминологии под Орденом иногда понимается также непосредственно Великая Ложа или объединение высших масонских степеней.

Что такое инициация? — Инициация, или посвящение, представляет собой обряд приема в масонство, проводимый по определенным правилам. После этой процедуры «профан», то есть не масон, становится вольным каменщиком и может начать символическую работу по «обтесыванию дикого камня собственной души», то есть моральному самосовершенствованию.

Какая связь между масонством и религией? — Современное масонство зарождалось в XVII веке в условиях религиозной нетерпимости. В него с самого начала вступали люди разных вероисповеданий, которые хотели установить

связи с теми, кто думал иначе. Поэтому уже с самого начала своего существования оно вбирало в себя различные религиозные концепции. В ложах работают люди различных религиозных конфессий (в большинстве нерегулярных объединений и атеисты). Франкмасонство всегда толерантно к различным мнениям. Оно находится в поиске истины, которая для него релятивна. Следовательно, масонство — это не религия, для которой характерна убежденность в собственном исключительном владении истиной. Оно не имеет собственного священного писания, клира, таинств и не конкурирует с религиозными или философскими учениями, оставляя своим адептам свободу выбора.

Какова связь между масонством и политикой? — Масонство не занимается политикой, в ложах существует запрет на обсуждение политических тем, оно не принимает ни политических, ни других решений от своего имени. Но масонство не запрещает своим членам адептам заниматься политической деятельностью. Каждый вольный каменщик волен принадлежать или не принадлежать к той или иной политической партии. Среди масонов были и есть главы государств, министры, парламентарии, которые при принятии политических решений руководствуются своей политической доктриной и собственным индивидуальным мнением.

Каковы обязанности масона? — Почитать, уважать свободу и индивидуальность Человека. Стремиться к всемирному братству и равенству людей. Работать во имя блага человечества (нерегулярное масонство), во Славу Великого Архитектора Вселенной (регулярное масонство). Терпимо относиться к религиозным, философским, политическим, социальным, взглядам и мнениям, если они не противоречат принципам франкмасонства.

Кто может стать масоном? — «Человек свободный и добрых нравов», разделяющий основные масонские принципы, как правило, достигший 21 года. Мужчина — в сугубо мужских или смешанных масонских объединениях, женщина — в женских или смешанных масонских организациях.

В соответствующих разделах даются также ответы на специфические вопросы: особенности того или иного объединения, отношения масонства с католической церковью, как стать масоном, можно ли выйти из масонства и др.

Информация о филантропической деятельности характерна для крупных Орденов: Великого Востока Франции, Великой Ложи Франции, Великой Национальной Ложи Франции и отсутствует на русскоязычных сайтах.

Отсутствует на франкоязычных сайтах внутренняя жизнь лож. Здесь не представлены «зодческие работы» вольных каменщиков, теоретические размышления и всякого рода эссе. Это — прерогатива специальных журналов. Русскоязычные сайты содержат тексты масонских работ братьев.

Все разделы сайтов чаще всего небольшие, объемом примерно на одну страницу текста, что вполне оправдано: user, случайно забредшей на сайт не будет читать объемные тексты, заинтересованный — найдет дополнительную информацию путем переписки, общения на форумах (последнее, более характерно для русскоязычных сайтов) или в других источниках.

В целом, можно констатировать, что содержание сайтов адекватно передает принципы, позиции, основы деятельности современного масонства.

Внутренние проблемы, субъективные моменты жизни лож благоразумно остаются за кадром открытой информации, хотя достаточно хорошо известно, каким подчас, жестким противостоянием различных группировок отличаются Конвенты или Ассамблеи (высшие органы управления) масонских объединений. Например, на открытых страницах русскоязычных масонских сайтов практически не нашла отражения проблема внутренней борьбы в отечественном «королевском искусстве». За первое десятилетие XXI века из Великой Ложи России выделилась Русская Великая Регулярная Ложа (2001 г.), превратившись в «дикую» ложу, то есть непризнанную какими-либо мировыми орденами. Затем первая организация снова раскололась и из нее выделилась непризнанная нерегулярная организация (2006 г.), которая пыталась перехватить старый бренд и тоже обозначила себя как «Великая Ложа России». Затем к ней присоединилась Русская Великая Регулярная Ложа и эта объединенная парамасонская организация продолжила борьбу с Великой Ложей России. И только потом, переименовавшись в Объединенную Великую Ложу России (ОВЛР), она получила признание со стороны достаточно авторитетной в международном нерегулярном масонстве Великой Ложи Франции и прекратила борьбу с ВЛР за место в консервативном «королевском искусстве». С огромной долей уверенности можно предположить, что все эти перипетии сопровождались острыми групповыми и личностными схватками. Впрочем, подобная закрытость внутренней жизни характерна и для других общественных, политических, государственных и коммерческих организаций.

Не подтверждаются распространенные в российском массовом сознании выводы о заговорщической деятельности, о работе по установлению своего миропорядка и прочих конспирологиях. Понятно, что, если такая работа ведется, то она не для веб-сайтов. Может ли она иметь место? Теоретически, скорее, мифологически — да. Практически — нет. В масонстве за время его существования перебивали десятки миллионов людей. Среди них были разочарованные, обиженные, «засланные казачки» от антимасонских организаций. Так или иначе, вышеназванная деятельность проявилась бы в тех или иных источниках. Да и сама организационная структура масонских организаций плохо совместима с конспиративной деятельностью. Толерантность, релятивизм и независимость мнений и суждений, наличие в организации людей различных религиозных, философских, социальных, политических взглядов делает ее явно не приспособленной к любым конспирологическим изыскам.

Понятно, что к материалам сайта следует относиться критически, ибо его цель — формирование положительного образа ордена. Тем не менее, многие его материалы носят чисто информативный, объективный характер и заслуживают доверия. Тем более, что достаточно часто они подтверждаются другими источниками [1].

Литература

1. *Карпачев С. П.* Начало формирования корпуса источников по истории современного масонства в России / С.П. Карпачев // Вопросы отечественной истории и историографии: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 9. – М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2006. – С. 52–63.
2. *Карпачев С. П.* Зарождение и развитие масонства в современной России / С.П. Карпачев // Вестник МГПУ: Серия «Исторические науки». – 2008. – № 2 (30). – С. 45–53.
3. *Мухин М. Ю.* Историк и Интернет // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / Под ред. А.К. Соколова / М.Ю. Мухин. – М.: Высшая школа, 2004. – С. 593–619.
4. *Сахаров В. И.* Масоны в Интернете / В.И. Сахаров // Общая газета. – 2000. – № 50. – 14–20 декабря.
5. *Трещанская М.* Тайное становится виртуальным. В Сети можно вступить в настоящую масонскую ложу / М. Трещанская // Известия. – 2001. – 12 июля.
6. *annenkov@izvestia.ru* Сонм масонов // Известия. – 2003. – 29 июля.

Literatura

1. *Karpachev S. P.* Nachalo formirovaniya korpusa istochnikov po istorii sovremenogo masonstva v Rossii / S.P. Karpachev // Voprosy otechestvennoy istorii i istoriografii: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyh trudov. – Vyp. 9. – M., MGOPU im. M.A. Sholohova, 2006. – S. 52–63.
2. *Karpachev S. P.* Zarozhdenie i razvitie masonstva v sovremennoy Rossii / S.P. Karpachev // Vestnik MGPU: Seriya «Istoricheskie nauki». – 2008. – № 2 (30). – S. 45–53.
3. *Muhin M. Yu.* Istorik i Internet // Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika: Uchebnik / Pod red. A.K. Sokolova / M.Yu. Muhin. – M.: Vysshaya shkola, 2004. – S. 593–619.
4. *Saharov V. I.* Masony v Internete // Obschaya gazeta. – 2000. – № 50. – 14–20 dekabrya.
5. *Treshanskaya M.* Taynoe stanovitsya virtual'nym. V Seti mozjno vstupit' v nastoyaschuyu masonskuyu lozhu // Izvestiya. – 2001. – 12 iyulya.
6. *annenkov@izvestia.ru* Sonm masonov // Izvestiya. – 2003. – 29 iyulya.

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.А. Платонова

Городские сословия XIX века в постсоветской историографии

В дореволюционной российской и советской исторической науке социальная история русского города не принадлежала к числу первостепенных направлений. Историческое изучение русского города в дореволюционный период было сосредоточено, преимущественно, на административно-правовых, а в советский — на экономических вопросах.

В 1990-е гг. российская историческая наука переживала переломный этап, связанный с отказом от применения учения об общественно-экономических формациях в качестве руководящего методологического принципа. Поиск новых подходов, методов и проблем, приводит к смещению приоритетов в сторону социальной истории, «истории ментальностей» и исторической антропологии. В 1990-е гг. в центре внимания российских историков оказывается купеческое сословие. Интерес к дореволюционной буржуазии подогревался происходившими в 1990-е гг. и в первое десятилетие XXI века капиталистическими преобразованиями, формированием современного класса предпринимателей. За постсоветский период был опубликован ряд сборников [16, 18, 20, 22 и др.] и монографий [1, 3, 5, 7 и др.], посвященных купечеству, активно издавались купеческие дневники и мемуары (самое значительное издание — сборник, подготовленный группой специалистов Института российской истории РАН во главе с А.В. Семеновым [15]).

В отличие от историографии купеческого сословия, современная историография мещанства (второго по численности сословия в дореволюционной России после крестьянства) представлена весьма узким кругом работ, практически ограничивается исследованиями Л.В. Кошман [10–11] и авторефератами диссертационных работ [4, 6, 9].

Можно предположить, что контекст, в котором проблема культуры городских сословий вошла в новейшую российскую историографию определялся с одной стороны отечественной публицистикой XIX века, с другой — европейской и американской исторической наукой XX века. И в том и в другом случае утверж-

дался и доказывался тезис о принципиальном отличии русского «гражданства» (горожан) от европейского «третьего сословия». Последнее, как известно, сыграло ключевую роль в становлении институтов современного западного общества. Русские же горожане, экономически и юридически несвободные, опутанные государственными повинностями, круговой порукой, согласно этому утверждению, гражданского общества генерировать не могли. Противопоставление западного и русского города («восточного типа») было четко сформулировано в хрестоматийной работе М. Вебера «Город» [2: с. 35].

В 1990-е гг. широкое обсуждение демократических перспектив нашей страны чрезвычайно актуализировало данную проблему. Задатки формирования в дореволюционной России гражданского общества прямо или косвенно затрагиваются практически во всех современных исследованиях города XIX века, а *традиции политической культуры в купеческо-мещанской среде и ее историческая динамика* — наиболее изучаемые вопросы социальной истории городских сословий. Политическая культура в работах 1990-х гг. — начала XXI века тесно связана с формированием буржуазной идеологии: развитием *индивидуализма*, изменением отношения горожан к *собственности, обогащению, частной инициативе*.

В той или иной степени эти проблемы поднимают все современные авторы, обращавшиеся к ментальным и идеологическим аспектам жизни городских сословий XIX века: А.В. Семенова [23], Н.В. Козлова [8], А.А. Преображенский [21], А.И. Куприянов [12–14], В.П. Бойко [1], Б.Н. Миронов [19] и др. При специфике и многообразии нюансов каждой работы, исследования этого ряда объединяет стремление авторов выйти на проблему формирования в России XIX века ростков гражданского общества.

Из числа публикаций последних двух десятилетий необходимо особо отметить три монографические работы надрегионального уровня: фундаментальное исследование социальной истории России периода империи Б.Н. Миронова [19] и две крупные монографические работы посвященные социокультурной истории русского города — А.И. Куприянова [12] и Л.В. Кошман [11]. Работы выделяются по масштабу решаемых задач и по объему привлекаемых источников. Они носят обобщающий характер, как с точки зрения индивидуального исследовательского опыта авторов, так и относительно коллективного опыта разработки темы городских сословий в современной российской историографии.

В своей работе Б.Н. Миронов освещает борьбу традиции и новации в сфере правового положения, семейных отношений и менталитета городских сословий. Краткие очерки менталитета «городских низов»: мещане, цеховые, живущие в городе крестьяне — одна из первых в отечественной историографии характеристик психологии и социально-бытовой практики этой категории населения, выполненная в масштабах всей страны и за весь период существования Российской империи.

В XIX веке широкие городские слои (городское «простонародье»), по мнению автора, были вместе с крестьянством носителями «традиционного право-

славного менталитета» В результате реформ 1860-х гг. традиционная система ценностей крестьянства и городских низов пережила трансформацию, в их поведении отмечался рост новых черт: рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма [19: с. 331–332]. Однако новый буржуазный менталитет так и не стал в городских массах господствующим. Более того, после «эмансипации» резко усилившийся поток мигрантов из деревни повлек за собой «окрестьянивание городского населения как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни» [19: с. 341]. Окрестьянивание горожан означало реанимацию в среде городского населения стандартов и стереотипов крестьянского (традиционного противостоящего новому буржуазному) сознания, что, по мнению Б.Н. Миронова, стало одним из важных факторов успеха социал-демократической пропаганды среди рабочих и роста социальной напряженности не только в городах, но и в сельской местности [19: с. 349].

Появление монографий А.И. Куприянова и Л.В. Кошман может свидетельствовать об определенной степени зрелости социокультурного направления в отечественной историографии первого десятилетия XXI века.

В работе Л.В. Кошман «Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты» центральное место отведено характеристике российского мещанства. Анализируются правовое положение, социальная мобильность, профессионально-хозяйственная деятельность, общественный и домашний уклад жизни мещан. Л.В. Кошман констатирует постепенное вхождение новаций в жизнь мещан, подчеркивая, что особенно заметны они становятся в пореформенное время [11: с. 266]. Отмечается, что мещанский быт начинает терять патриархальные черты, прежде всего, в наиболее обеспеченной страте, в то время как в среде мещанской бедноты традиции крестьянского быта и досуга сохранялись до начала XX века [11: с. 274–275].

Важнейшие с точки зрения самой исследовательницы выводы лежат в плоскости политической истории и воспитания политической культуры российского общества. Л.В. Кошман приходит к выводу, что, несмотря на известный прогресс, уровень образованности в России наряду с другими факторами свидетельствовал об отсутствии в конце XIX века серьезных сдвигов в развитии гражданского общества. Мещанство, имевшее *теоретическую возможность стать социальной базой для среднего класса*, во многом из-за правительственной политики, эту возможность не реализовало, и это пагубно отразилось на судьбах демократии в России [11: с. 429–430].

Монография А.И. Куприянова представляется наиболее полным и последовательным историко-антропологическим опытом изучения русского «городского сословия» конца XVIII – первой пол. XIX веков. Основной макроисторический вывод автора состоит в том, что светская культура, развивалась в этот период двупланово: «в социальном аспекте — усваиваясь новыми слоями и группами, трансформируясь из дворянской в национальную; и в территориальном аспекте — превращаясь из столичной в общерусскую» [12: с. 469]. Средствами распространения в провинции культурных но-

ваций наряду со школой, литературой, прессой и театром, автор считает моду. Распространение современной европейской одежды, по мнению А.И. Купринова, служило важным индикатором проникновения в провинциальный город европеизированной национальной культуры [12: с. 475]. А.И. Куприянову присущ достаточно оптимистичный взгляд на темпы освоения горожанами культурных новаций. Так он считает, что уже к середине XIX века в картине мира значительной части мещан, мелких чиновников и разночинцев произошли качественные перемены, в основе которых лежали рост грамотности, приобщение к новому европеизированному варианту национальной культуры, возросший интерес молодого поколения к искусству, местный городской патриотизм, усвоение относительно широкими городскими слоями норм бытовой культуры, свойственных раньше лишь дворянству [12: с. 474].

Центральное место в работе занимает исследование политической культуры русских горожан. Анализируя представления горожан о власти и практику городского самоуправления, сложившуюся в результате реформ конца XVIII века, автор отмечает обоюдное влияние традиции и новации. Это значит, что не только существующая система трансформировалась под влиянием навязанных верховной властью политических моделей, но и сами проекты, которые пытался реализовать в городах просвещенный абсолютизм, трансформировались под давлением устоявшихся политических традиций. Так «попытка законодателя создать самоуправление, субъектом которого были верхние слои городского населения, провалилась, поскольку сами горожане предпочли, чтобы в его деятельности участвовала не только верхушка, но и состоятельные мещане, обладавшие недвижимостью» [12: с.476].

Подводя итог, можно сказать, что с начала 1990-х гг. социальная история русского города периода империи превратилась в одно из наиболее динамично развивающихся направлений. Стремясь идти в ногу с современной европейской и американской исторической наукой, активно заимствуя методы, подходы и проблемы, российские историки обращаются к социокультурному изучению групп городского населения. Одновременно, политические и экономические трансформации, переживаемые Россией на рубеже XX–XXI веков, и возобновленные в этих условиях дискуссии о цивилизационном различии западного и русского города обусловили повышенный интерес отечественных исследователей к сфере политической культуры и эволюции отношения индивида к власти и собственности.

Весьма перспективной мало исследованной сферой до сих пор остается социальная история российского мещанства XVIII–XIX веков. Самое массовое городское и второе по численности после крестьянства сословие Российской империи практически не имеет собственной историографии. На данный момент знание историков о месте, роли, степени участия этой социальной группы в важнейших событиях и процессах российской истории нельзя назвать удовлетворительным, представление о сословии зачастую тенденциозно и несвободно от стереотипов. Следует ожидать, что в ближайшие годы появят-

ся новые историко-социологические и историко-антропологические исследования российского мещанства.

Литература

1. *Бойко В. П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.: очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории / В.П. Бойко. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2007. – 423 с.
2. *Вебер М.* Город / М. Вебер. – Пг.: Наука и школа, 1923. – 135 с.
3. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX вв.: историко-этнографический очерк / Кол. авт. Казанский государственный университет. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1992. – 253 с.
4. *Захарова В. В.* Мещанское сословие в пореформенной России: Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук / В.В. Захарова. – М., 1998. – 16 с.
5. *Османов А. И.* Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века / А.И. Османов. – СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета, 2005. – 363 с.
6. *Останина Л. В.* Мещанство Западной Сибири в конце XVIII – 60-х гг. XIX в.: Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук / Л.В. Останина. – М., 1996. – 22 с.
7. *Керов В. В.* «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России / В.В. Керов. – М.: Экон-Информ, 2004. – 658 с.
8. *Козлова Н. В.* Некоторые черты личностного образца купца XVIII в. (К вопросу о менталитете российского купечества) / Н.В. Козлова // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сб. ст. / Отв. ред. Л.Н. Пушкарев. – М.: Институт российской истории РАН; 1996. – С. 43–57.
9. *Кострикина О. А.* Мещанство уездных городов Ярославской губернии в конце XVIII – первой половины XIX вв.: Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук / О.А. Кострикина. – Иваново, 2003. – 18 с.
10. *Кошман Л. В.* Мещанство в России XIX в. / Л.В. Кошман // Вопросы истории. – 2008. – № 2. – С. 3–20.
11. *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты / Л.В. Кошман. – М.: РОССПЭН, 2008. – 448 с.
12. *Куприянов А. И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX в. / А.И. Куприянов. – М.: Новый хронограф, 2007. – 480 с.
13. *Куприянов А. И.* Русский горожанин в поисках социальной идентичности (первая половина XIX в.) / А.И. Куприянов // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество: проблемы самоидентификации. – М., 1998. – С. 56–72.
14. *Куприянов А. И.* «Выбрить бороду и взять подписку»: культурный конфликт в русском обществе XIX в. / А.И. Куприянов // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Альманах. 2005. – М.: Наука, 2006. – С. 258–270.
15. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века / Кол. авт. Институт российской истории РАН; сост. А.В. Семенова. – М.: РОССПЭН: Памятники исторической мысли, 2007. – 467 с.
16. Купечество в России: XV – первая половина XIX в.: Сб. ст. / Кол. авт. Институт российской истории РАН; отв. ред. А.В. Семенова. – М.: ИРИ РАН, 1997. – 329 с.

17. Купечество вятское: Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Ист. сб. – Киров: Кировская областная типография, 1999. – 203 с.
18. Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 216 с.
19. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2-х тт. / Б.Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.
20. Петербургское купечество в XIX веке: [Сборник] / Кол. авт. – СПб.: Гиперион, 2003. – 348 с.
21. *Преображенский А. А.* Московский купец середины XIX в. о времени и о себе / А.А. Преображенский // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. – М., 1996. – С. 164–180.
22. Российское купечество от средних веков к новому времени. – М.: ИРИ РАН 1993. – 150 с.
23. *Семенова А. В.* Национально-православные традиции в менталитете купечества в период становления российского предпринимательства / А.В. Семенова // Купечество в России. XV – первая половина XIX в. – М., 1997. – С. 96–111.

Literatura

1. *Boyko V. P.* Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX v.: ocherki sotsial'noy, otraslevoy, bytovoy i mental'noy istorii / V.P. Boyko. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. – 423 s.
2. *Veber M. Gorod / M. Veber.* – Pg.: Nauka i shkola, 1923. – 135 s.
3. Gorozhane Srednego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XVI – nachale XX vv.: istoriko-etnograficheskiy ocherk / Kol. avt. Kazanskiy gosudarstvennyy universitet. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1992. – 253 s.
4. *Zaharova V. V.* Meschanskoe soslovie v poreformennoy Rossii: Avtoreferat dis. na soisk. uch. st. kand. ist. nauk / V.V. Zaharova. – М., 1998. – 16 s.
5. *Osmanov A. I.* Peterburgskoe kupechestvo v posledney chetverti XVIII – nachale XX veka / A.I. Osmanov. – СПб.: Izd-vo Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2005. – 363 s.
6. *Ostanina L. V.* Meschanstvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII – 60-h gg. XIX v.: Avtoreferat dis. na soisk. uch. st. kand. ist. nauk / L.V. Ostanina. – М., 1996. – 22 s.
7. *Kerov V. V.* «Se chelovek i delo ego...»: Konfessional'no-eticheskie faktory staroobryadcheskogo predprinimatel'stva v Rossii / V.V. Kerov. – М.: Ekon-Inform, 2004. – 658 s.
8. *Kozlova N. V.* Nekotorye cherty lichnostnogo obraztsa kuptsa XVIII v. (K voprosu o mentalitete rossiyskogo kupechestva) / N.V. Kozlova // Mentalitet i kul'tura predprinimateley Rossii XVII–XIX vv.: Sb. st. / Otv. red. L.N. Pushkarev. – М.: Institut rossiyskoy istorii RAN; 1996. – S. 43–57.
9. *Kostrikina O. A.* Meschanstvo uездnyh gorodov Yaroslavskoy gubernii v kontse XVIII – pervaya polovina XIX vv.: Avtoreferat dis. na soisk. uch. st. kand. ist. nauk / O.A. Kostrikina. – Ivanovo, 2003. – 18 s.
10. *Koshman L. V.* Meschanstvo v Rossii XIX v. / L.V. Koshman // Voprosy istorii. – 2008. – № 2. – S. 3–20.

11. *Koshman L. V.* Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: Sotsial'nye i kul'turnye aspekty / L.V. Koshman. – M.: ROSSPEN, 2008. – 448 s.
12. *Kupriyanov A. I.* Gorodskaya kul'tura russkoy provintsii. Konets XVIII – pervaya polovina XIX v. / A.I. Kupriyanov. – M.: Novyy hronograf, 2007. – 480 s.
13. *Kupriyanov A. I.* Russkiy gorozhanin v poiskah sotsial'noy identichnosti (pervaya polovina XIX v.) / A.I. Kupriyanov // Odissey. Chelovek v istorii. Lichnost' i obschestvo: problemy samoidentifikatsii. – M., 1998. – S. 56–72.
14. *Kupriyanov A. I.* «Vybit' borodu i vzyat' podpisku»: kul'turnyy konflikt v russkom obschestve XIX v. / A.I. Kupriyanov // Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii. Al'manah. 2005. – M.: Nauka, 2006. – S. 258–270.
15. Kupecheskie dnevniki i memuary kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX veka / Kol. avt. Institut rossiyskoy istorii RAN; sost. A.V. Semenova. – M.: ROSSPEN: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2007. – 467 s.
16. Kupechestvo v Rossii: XV – pervaya polovina XIX v.: Sb. st. / Kol. avt. Institut rossiyskoy istorii RAN; otv. red. A.V. Semenova. – M.: IRI RAN, 1997. – 329 s.
17. Kupechestvo vyatskoe: Iz istorii torgovli, predprinimatel'stva i blagotvoritel'nosti: Ist. sb. – Kirov: Kirovskaya oblastnaya tipografiya, 1999. – 203 s.
18. Mentalitet i kul'tura predprinimateley Rossii XVII–XIX vv. – M.: IRI RAN, 1996. – 216 s.
19. *Mironov B. N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i i pravovogo gosudarstva: V 2-h tt. / B.N. Mironov. – 2-e izd., ispr. – SPb.: Dmitriy Bulanin, 2000. – 548 s.
20. Peterburgskoe kupechestvo v XIX veke: [Sbornik] / Kol. avt. – SPb.: Giperion, 2003. – 348 s.
21. *Preobrazhenskiy A. A.* Moskovskiy kupets serediny XIX v. o vremeni i o sebe / A.A. Preobrazhenskiy // Mentalitet i kul'tura predprinimateley Rossii XVII–XIX vv. – M., 1996. – S. 164–180.
22. Rossiyskoe kupechestvo ot srednih vekov k novomu vremeni. – M.: IRI RAN, 1993. – 150 s.
23. *Semenova A. V.* Natsional'no-pravoslavnye traditsii v mentalitete kupechestva v period stanovleniya rossiyskogo predprinimatel'stva / A.V. Semenova // Kupechestvo v Rossii. XV – pervaya polovina XIX v. – M., 1997. – S. 96–111.

ЮБИЛЕЙ

М.Н. Чернова

К 80-летию Г.И. Годера

Учебник «История древнего мира» для 5 класса, «Методическое пособие по истории древнего мира», «Рабочие тетради по истории древнего мира», «История средних веков», «Поурочные разработки по истории средних веков»... Эти издания объединяют не только состоящие из них учебно-методические комплекты, выпущенные издательством «Просвещение». Их автор (или участник авторского коллектива) — человек, чье имя хорошо известно в педагогическом мире — Георгий Израилевич Годер.

Родился Г.И. Годер в Москве 3 сентября 1929 г. Детство его пришлось на предвоенные годы, которые для многих людей были полны драматизма. Его отца — инженера по профессии — репрессировали. До хрущевской реабилитации отбывал срок в лагерях, а затем жил в ссылке. Забота о семье всецело легла на плечи матери — Елены Васильевны, женщины талантливой, мудрой и сильной. Чтобы в годы войны прокормить двоих детей, сына Георгия и дочь, матери — эстрадной чтице — нередко приходилось работать сутками: выступать на концертах в госпиталях, на вокзалах перед отбывавшими на фронт солдатами. А потом бежать домой, чтобы в затемненной и холодной квартире накормить и согреть детей. Доброта, любовь к чтению, грамотность и богатство речи — все это Елена Васильевна передала детям.

Уже в школе Георгий выбрал профессию. Он решил стать учителем истории. После войны Георгий Годер поступил на исторический факультет Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Этот вуз, основанный в 1933 г., давал великолепное образование. В послевоенные годы там работали такие корифеи исторической науки, как П.П. Смирнов, В.Н. Дьяков, П.И. Кабанов, М.Г. Рабинович, В.Н. Бочкарев, И.И. Минц, Н.А. Гейнике и др. Кафедрой методики истории руководил один из старейших сотрудников института А.Н. Ильинский.

Годер быстро определился со специализацией, выбрав кафедру истории древнего мира, которой заведовал в то время доктор исторических наук В.Н. Дьяков. О студенческих годах Георгий Израилевич вспоминает с нескрываемым волнением, о своих преподавателях и наставниках говорит с восхищением и благодарностью: они передавали не только знания, но и учили высокой культуре общения. Несмотря на обстановку осторожности, недоверия и страха в конце 40-х – начале 50-х гг., преподаватели стремились быть искренними, сохраняли профессиональное лицо. Учился Георгий с удовольствием, при этом чувствовал ответственность за мать и сестру: полученную стипендию спешил нести домой — семье без отца жилось очень трудно. На эти годы, как известно, пришелся апогей сталинизма в стране, проявившийся в «закручивании гаек», и в очередном витке репрессий. Георгий и его однокурсники стали свидетелями проведенной в институте «кадровой чистки», а также развернувшейся кампании по борьбе с так называемым космополитизмом.

В 1951 году Годер весьма успешно окончил институт. Однако в аспирантуру его не взяли. Более того, не сразу, с большими перипетиями удалось устроиться только учителем в московскую школу, но с тех пор со школой Георгий Израилевич уже не расставался.

Для Годера учительский труд давно перестал быть просто профессией — это призвание. Он не мыслит себя без школы, служению которой отдал более 55 лет своей жизни. И сегодня Георгий Израилевич по-прежнему стоит у доски, терпеливо и настойчиво приобщая учеников 5–7 классов к основам научного знания. Для него научить школьника — это прежде всего развить и воспитать. Пробудить интерес к изучению прошлого человечества, привить умение мыслить, рассуждать, делать выводы, давать нравственные оценки, постигать и ценить культурные достижения и традиции народов мира, быть толерантным в жизни. Именно в формировании этих качеств у ребят видит Г.И. Годер свое предназначение как учителя, как историка.

Через каждый урок Годера сквозной нитью проходит идея преемственности в истории. Не назидания и наставления, а только образные, западающие в души учеников примеры, рассказы, объяснения, задания дают им возможность понять и ответить на вопрос: почему нельзя отказаться от прошлого, почему современному человеку необходимо знание истории. Георгий Израилевич с любовью и уважением относится к каждому ученику, никогда не позволяя себе кого-то обидеть или унижить. Все отметки обязательно обосновывает, все ошибки — разбирает. И школьники справедливо платят ему любовью и уважением. Уроки Годера для учащихся среднего звена московской школы № 20 (в которой, кстати, он преподает с 1968 г.) — любимые. В чем же профессиональный секрет мастера? Думается, что прежде всего в колоссальной ответственности и требовательности к себе.

Ни много ни мало, но уже полвека Георгий Израилевич не заканчивает рабочий день не разобрав, не проанализировав проведенные по расписанию уроки. Все свои впечатления, размышления, выводы он заносит в педагогиче-

ский дневник (да-да, именно в дневник, который сегодня молодые учителя так избегают вести). Соображений за прожитые годы накопилось множество. Они получили обобщение в выпущенном издательством «Просвещение» в 2003 г. методическом пособии. Это — настоящий кладезь педагогической мудрости, как для молодых специалистов, так и для опытных учителей истории. Разработки и сценарии уроков, примеры использования приемов наглядности, организация проверки домашнего задания, повторение и обобщение пройденного, игровые моменты, заполнение оставшегося на уроке времени — это и еще много-много полезного на страницах небольшой по объему, но удивительно емкой по содержанию методички. Кроме того, в соавторстве с Г.А. Ртищевой им выпущен учебник «История средних веков».

За учительский труд и методическую поддержку не одного поколения учителей истории Г.И. Годер был награжден нагрудным знаком «Отличник народного просвещения» и званием Заслуженный учитель. Но главная награда — это широкое признание. Учебники, рабочие тетради, методические пособия, подготовленные им, стали неотъемлемым атрибутом преподавателей истории во всех регионах нашей страны, они постоянно востребованы, а значит — нужны.

**А.Ю. Воронцова,
Ф.А. Михайловский**

Научно-методические труды Г.И. Годера

Имя Георгия Израилевича Годера известно каждому, кто когда-либо был связан с преподаванием истории в школе. В МГПУ также работают его ученики, друзья, коллеги, рецензенты, соавторы — причем не только на историческом факультете.

Без преувеличения, Г.И. Годер внес весьма значительный вклад в развитие отечественной методики преподавания истории, да и в развитие школьного исторического образования в целом. Его перу принадлежит более ста статей, рецензий, брошюр, учебно-методических и учебно-наглядных пособий. Он создал несколько десятков экранных пособий (диафильмов и диапозитивов). Наконец, в соавторстве с профессором, доктором исторических наук И.С. Свенцицкой и профессором, доктором исторических наук А.А. Вигасиным написал школьный учебник по истории древнего мира, а в соавторстве с кандидатом исторических наук, доцентом МГПУ Г.А. Ртищевой — учебник по истории средних веков.

Созданная Г.И. Годером учебная литература в разные годы была переведена на казахский, киргизский, татарский, якутский, латышский, литовский, молдавский языки. По совокупности научно-методических трудов в 1987 году ему была присвоена ученая степень кандидата педагогических наук.

Научно-методические труды Г.И. Годера — результат и продолжение его многолетней педагогической деятельности, которая началась 1 сентября 1951 года, когда он впервые пришел работать учителем истории в школу — и продолжает преподавать до сих пор!

В разные годы Г.И. Годер вел занятия по методике истории с учителями в институтах повышения квалификации в ряде городов страны — в Москве, Рязани, Владимире, Саратове, Петрозаводске, Риге, Вильнюсе. Он также преподавал на исторических факультетах — МГУ им. М.В. Ломоносова и различных московских педвузов; руководил студенческой педпрактикой. В 1994 году ему присвоили звание Заслуженного учителя России.

Однако главные вехи жизни любого ученого — не степени, звания и награды, а его труды, в данном случае труды методиста и педагога. На протяжении многих лет Г.И. Годер разрабатывал методику преподавания школьного курса древней истории применительно к учебнику Ф.П. Коровкина. Его первые методические публикации появились в 1955 году [1–2], затем было множество

статей, посвященных научно-методическим разработкам отдельных уроков и тем школьного курса древней истории, в журнале «Преподавание истории в школе» и в специальных сборниках. В 1965 г. вышла в свет так называемая «методичка», главная книга для учителя, — поурочное методическое пособие к учебнику Ф.П. Коровкина [6]. Книга в дальнейшем выдержала ряд изданий, причем каждое из них автор дополнял и перерабатывал [7–8].

В 60-е годы Г.И. Годер обратился к созданию экранных пособий для школы — диафильмов и диапозитивов. К тому времени они уже прочно вошли в практику преподавания, но их фонд был крайне узкий. В общей сложности на протяжении двадцати с лишним лет Г.И. Годер выпустил более сорока учебных диафильмов и наборов диапозитивов по курсу истории древнего мира в школе [9: с. 206–207]. Такого фонда экранных пособий не имелось ни у одного школьного курса.

Выпуская экранные пособия, Г.И. Годер в то же время занимался разработкой методических приемов работы с ними на уроках. Так в 1985 году увидело свет методическое пособие для учителя «Преподавание истории в V классе», в котором методика работы с диафильмами и диапозитивами получила наиболее полное отражение [9]. В книге, состоящей из двух больших разделов, в форме очерков описываются разнообразные формы, методы и приемы работы в 5 классе, в том числе и работа с экранными пособиями. Во втором разделе книги подробно рассматриваются конкретные уроки с конкретными диафильмами.

Работа по созданию учебных диафильмов заняла очень важное место в творчестве Г.И. Годера. Можно сказать, он выступил здесь и как режиссер, и как сценарист, и как автор текстов. Создание учебного диафильма — очень непростое дело. Текст к кадрам диафильма должен быть кратким, точным, доступным. О высоком качестве созданных Г.И. Годером диафильмов свидетельствует, помимо всего, издание в 90-е годы некоторых из них в виде небольших книжек в серии «История в картинках» [13–14].

Г.И. Годер создал и другую историю в картинках: два интересных и важных учебно-наглядных пособия. В 1986 году появился «Раздаточный иллюстративный материал по истории Древнего мира для 5 класса» [10], а в 1991 году — «Аппликации по истории Древнего мира» [12]. Оба пособия были снабжены подробными методическими руководствами и в дальнейшем нашли широкое применение на уроках истории.

Аппликации как средство обучения и прежде применялись в школьных курсах истории (первым их широко внедрял в практику преподавания Д.Н. Никифоров). Однако такого полного комплекта, включающего 16 композиций, по истории древнего мира прежде не имелось. По сути новаторским было и другое из названных пособий. Раздаточный материал представлял собой набор из 64 карточек ко всему школьному курсу. Кроме богатого видеоряда, который невозможно поместить ни в одном учебнике, карточки содержали тексты для дополнительного чтения, по существу образуя «книгу для чтения». Думается оба учебных пособия, расширяющие возможности преподавания, и ныне не утратили своего значения, и их следовало бы переиздать.

На рубеже 80–90-х годов Г.И. Годер совместно с кандидатом педагогических наук О.И. Бахтиной и профессором, доктором исторических наук В.И. Кузищиным осуществили методическую переработку учебника Ф.П. Коровкина, который на протяжении нескольких десятилетий был в СССР единственным допущенным к преподаванию в школе, марксистским учебником. Хотя переработанный учебник оставался по вполне понятным причинам марксистским, но многое было улучшено: изменена рубрикация, даны более интересные и доступные для школьников заголовки, написаны новые разделы, шире представлены вопросы развития культуры народов древности и так далее.

Политические изменения в нашей стране (последовавший за «перестройкой» крах коммунистической идеологии и социализма) вызвали глубокие реформы школьного образования. Потребовались и новые учебники по истории. В 1995 году появился учебник по истории древнего мира для 5 класса, который до сих пор остается основным, применяемым в подавляющем большинстве школ страны и выдержавшим уже 16 изданий [24]. Г.И. Годер — не только один из авторов этого учебника, наравне с профессорами И.С. Свенцицкой и А.А. Вигасиным, — именно он провел методическое редактирование всего учебника, а в дальнейшем создал необходимые методические дополнения к учебнику. Его «Рабочие тетради» (в 2-х выпусках) к настоящему времени выдержали уже 13 изданий [21–22].

К учебнику Г.И. Годер написал и новую «методичку» — поурочные методические разработки и рекомендации для учителя. На этом, последнем по времени (2003 г.; 2009. — 2-е изд.) научно-методическом труде по истории древнего мира, хотелось бы остановиться более подробно, поскольку ныне по нему работает подавляющее большинство учителей [23].

Пособие состоит из методических рекомендаций и разработок ко всем шестидесяти восьми урокам, предусмотренным учебным планом для изучения истории древнего мира в 5 классе общеобразовательной школы. К каждому разделу и теме, а также к каждому уроку даются небольшие преамбулы с указанием их целей и задач, здесь же акцентированы основные факты, понятия, концептуальные идеи. К каждому уроку автор предлагает вопросы и задания, необходимые для повторения пройденного и позволяющие организовать опрос, а также указывает домашнее задание. Однако главное внимание уделяется в методическом пособии изучению нового материала.

Удобство пользования методическим пособием состоит в том, что новый материал изучается по вопросам, которые в целом соответствуют логической последовательности его изучения в учебнике. Методические разработки, содержащиеся в пособии, позволяют организовать активную работу с учебником в классе. Широко применяется прием громкого чтения, поскольку у большинства пятиклассников нет навыка правильного, беглого, сознательного чтения. Большое внимание уделено в пособии работе с иллюстративным материалом учебника. При этом немаловажно, что автор ориентирует свое пособие на любое издание учебника.

В пособии даются рекомендации по организации работы с настенными и помещенными в учебнике историческими картами, а также по работе с аппликациями. В качестве варианта изучения нового материала предлагается работа с учебными диафильмами и диапозитивами. Г.И. Годер указывает, какие записи делаются в ходе изучения нового материала на классной доске и в ученических тетрадах. Пособие содержит очень много дополнительного к учебнику материала, часть которого сгруппирована под рубрикой «В свободную минуту на уроке» или выделена словами «При наличии времени». Таким образом, Г.И. Годер предусмотрел самые разнообразные приемы и формы работы на уроке.

К числу методических находок следует отнести рубрику «Из дневника учителя», представляющую собой серию наблюдений и выводов педагогического и методического характера. Здесь отражен огромный учительский опыт Г.И. Годера и, думается, эта рубрика могла бы стать основой для отдельной книги.

Особый интерес представляют включенные в пособие познавательные задачи и направленные на развитие творческих способностей учащихся задания, а также упражнения, способствующие развитию умения оперировать историческими датами. Все они — авторские разработки. Дело в том, что еще в 1996 году, после создания нового учебника и до написания к нему поурочной «методички», Г.И. Годер выпустил удивительную книгу «Задания и задачи по истории древнего мира» [15].

Когда-нибудь будущие исследователи развития исторического образования в России обязательно обратят особое внимание на это пособие. Оно не традиционно, по существу перед нами научно-методическое открытие Г.И. Годера. Для школьного курса он разработал более двухсот остроумных и познавательных задач и дал к ним подробные методические комментарии. Подобного пособия не существует ни по одному курсу всеобщей истории, ни по курсу отечественной истории. Такое пособие невозможно написать, просто однажды усевшись за письменный стол. Оно — итог многолетней преподавательской практики.

Созданные Г.И. Годером научно-методические труды по праву сделали его ведущим специалистом в области методики преподавания школьного курса истории древнего мира, а в последние годы и средние века прочно вошли в орбиту его научно-методической и педагогической деятельности. Впрочем, интерес к преподаванию истории средних веков у Г.И. Годера не случаен. Еще в 1957 году он опубликовал небольшое учебное пособие, посвященное изучению вопросов культуры на уроках истории средних веков [3], а в «Аппликациях по истории Древнего мира» (1991 г.) в качестве приложения разработаны две темы из курса истории средних веков.

В 2002 году в соавторстве с кандидатом исторических наук, доцентом МГПУ Г.А. Ртищевой Г.И. Годер выпустил учебник по истории средних веков для 6 класса [17], а затем и «Рабочую тетрадь» к нему [18]. В дальнейшем после второго издания авторы переработали учебник уже в соавторстве с профессором А.А. Вигасиным [19].

Совсем недавно, буквально накануне 80-летия Г.И. Годера, вышло его новое методическое пособие для учителей «История Средних веков. Поурочные разработки» [25]. Это издание представляет собой продолжение многолетней работы Г.И. Годера над методическим комплексом по истории средних веков для школы.

В пособии представлены методические разработки уроков, составляющих основной курс по истории средних веков. Материал разбит на четыре раздела: Раздел I. Становление средневекового общества: христианский и исламский мир; Раздел II. Средневековое общество Индии и Китая; Раздел III. Средневековое общество Европы: сословия, повседневная жизнь, культура; Раздел IV. Средневековое общество. Христианские и исламские государства.

Это пособие стало настоящим подарком не только для молодых специалистов, но и для опытных учителей. В нем сочетается академизм, четкость и выверенность подачи фактического материала, с глубоким знанием и пониманием специфики современной школы, ее возможностей и запроса. Это реальная помощь, которая дает возможность не только грамотно скомпоновать курс, организовать урок, но и показывает главные сложности работы и пути их преодоления с разноуровневой, поликультурной аудиторией.

Одно из основных достоинств этого издания — четко выраженная гуманистическая позиция автора. Его оценки и то, как расставлены акценты в изложении материала, приучают ребят к толерантности, к корректности, так необходимых в современной школе. Условно можно выделить несколько наиболее важных акцентов, которые определяют направленность изложения материала. Во-первых, это формирование интереса учащихся к личности, ее значимости и вариативности в различных исторических контекстах, во-вторых, это стремление к пониманию специфики взаимодействия различных культур и религий, последствий и значения этого взаимодействия. В-третьих, это общая направленность на проблемность, а, следовательно, уход от однозначности и категоричности.

Работа написана интересным, живым языком. Помимо основного материала Г.И. Годер включил в нее массу исторических справок и дополнительных сведений по историографии. Кроме того, в разделе «Все для пользы дела» он делится историями из собственной жизни, курьезами из своей учительской практики. Рассказы о путешествиях, впечатлениях, знакомствах с интересными людьми создают особую доверительную обстановку на уроке, а также ощущение сопричастности к личному опыту учителя.

Такая готовность к диалогу, возможность быть максимально откровенным — дорогого стоит, и конечно для многих учителей может быть примером того, что не только знание материала и умение его грамотно изложить служат залогом возможного успеха на уроке, но еще и личность учителя, его харизматичность, его личные качества — все это неотделимо взаимосвязано.

К сожалению, в силу ограниченности формата издания, автор не включил в пособие такие важные и сложные темы как Столетняя война, Чехия в конце средних веков, Раннее итальянское Возрождение. Хотелось бы надеяться, что

Георгий Израилевич продолжит работать над этим курсом и в ближайшее время издание будет дополнено новыми уроками.

В целом научно-методические труды Г.И. Годера представляются чем-то большим, чем практические руководства для проведения уроков в школе в соответствии с действующим учебным планом и текущими задачами. Учебные планы, государственные стандарты и возраст учащихся в будущем могут еще не раз измениться. Но научно-методические труды Г.И. Годера и тогда не утратят своего значения, поскольку представляют собой обобщение опыта крупнейшего методиста, ученого и учителя-практика.

Список основных работ Г.И. Годера

1. Опыт проведения исторического вечера в шестых классах на тему «Культура Древнего Рима» // Внеклассная работа по истории в средней школе: Сб. ст.: Из опыта учителей московских школ. – М.: Учпедгиз, 1955. – С. 69–79.
2. Опыт организации и проведения многодневного туристского похода // Внеклассная работа по истории в средней школе: Сб. ст.: Из опыта учителей московских школ. – М.: Учпедгиз, 1955. – С. 140–159.
3. Изучение вопросов культуры на уроках истории Средних веков. – М.: Учпедгиз, 1957. – 93 с.
4. Дальние историко-туристские походы. – М.: Учпедгиз, 1957. – 123 с. (В соавторстве с Н.А. Куперман.)
5. Организация тематических путешествий школьников. – М.: Учпедгиз, 1962. – 115 с.
6. Изучение истории Древнего мира в V классе: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1965. – 335 с.
7. Изучение истории Древнего мира в 5 классе: Пособие для учителей. – 2-е изд., переработ. – М.: Просвещение, 1972. – 319 с.
8. Методическое пособие по истории Древнего мира (5 кл.): Пособие для учителей. – 3-е изд., доп. и испр. – М.: Просвещение, 1977. – 352 с.
9. Преподавание истории в 5 классе: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 207 с.
10. Раздаточный иллюстративный материал по истории Древнего мира для 5 класса и методическое руководство к нему: Учебно-наглядное пособие. – М.: Просвещение, 1986. – 64 карточки на 20 листах.
11. Методическое пособие по истории Древнего мира: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 318 с.
12. Аппликации по истории Древнего мира и методическое руководство к ним: Учебно-наглядное пособие. – М.: Просвещение, 1991. – 53 с.; XVIII композиций.
13. Тутмос. Иллюстрированная серия «История в картинках». Для младшего школьного возраста. – М.: Издательский Центр детской книги, 1994. – 31 с.

14. Падение Рима. Иллюстрированная серия «История в картинках». Для младшего школьного возраста. – М.: Издательский Центр детской книги, 1994. – 31 с.
15. Задания и задачи по истории Древнего мира. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1996. – 144 с.
16. История Древнего мира и Средних веков: Справочные материалы. 5–6 классы. – М.: Дрофа, 1997. – 127 с. (В соавторстве с И.С. Свенцицкой.)
17. История Средних веков: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. – М.: Дрофа, 2002. – 2-е изд., 2003. – 320 с. (В соавторстве с Г.А. Ртищевой.)
18. История Средних веков. 6 класс: Рабочая тетрадь. – М.: Дрофа, 2003. – 128 с. (В соавторстве с Г.А. Ртищевой.)
19. История Средних веков: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2007. – 288 с. (В соавторстве с А.А. Вигасиным и Г.А. Ртищевой.)
20. Рабочая тетрадь по истории Средних веков. 6 класс. – М.: Просвещение, 2006. – 96 с. (В соавторстве с Г.А. Ртищевой.)
21. История Древнего мира. Рабочая тетрадь. 5 класс: В 2-х выпусках. – Вып. 1: Жизнь первобытных людей. Древний Восток. – 13-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 2009. – 80 с.
22. История Древнего мира. Рабочая тетрадь. 5 класс: В 2-х выпусках. – Вып. 2: Древняя Греция. Древний Рим. – 13-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 2009. – 80 с.
23. Методическое пособие по истории Древнего мира. 5 класс: Пособие для учителя. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2009. – 352 с.
24. История Древнего мира: Учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений. – 16-е изд. – М.: Просвещение, 2009. – 287 с. (В соавторстве с А.А. Вигасиным и И.С. Свенцицкой.)
25. История Средних веков. Поурочные разработки. 6 класс: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 2009. – 240 с.

Spisok osnovnyh rabot G.I. Godera

1. Opyt provedeniya istoricheskogo vechera v shestyh klassah na temu «Kul'tura Drevnego Rima» // Vneklassnaya rabota po istorii v sredney shkole: Sb. st.: Iz opyta uchiteley moskovskih shkol. – М.: Uchpedgiz, 1955. – S. 69–79.
2. Opyt organizatsii i provedeniya mnogodnevnoho turistskogo pohoda // Vneklassnaya rabota po istorii v sredney shkole: Sb. st.: Iz opyta uchiteley moskovskih shkol. – М.: Uchpedgiz, 1955. – S. 140–159.
3. Izuchenie voprosov kul'tury na urokah istorii Srednih vekov. – М.: Uchpedgiz, 1957. – 93 s.
4. Dal'nie istoriko-turistskie pohody. – М.: Uchpedgiz, 1957. – 123 s. (V soavtorstve s N.A. Kuperman.)

5. Organizatsiya tematicheskikh puteshestviy shkol'nikov. – M.: Uchpedgiz, 1962. – 115 s.
6. Izuchenie istorii Drevnego mira v V klasse: Posobie dlya uchiteley. – M.: Prosveschenie, 1965. – 335 s.
7. Izuchenie istorii Drevnego mira v 5 klasse: Posobie dlya uchiteley. – 2-e izd., pererabot. – M.: Prosveschenie, 1972. – 319 s.
8. Metodicheskoe posobie po istorii Drevnego mira (5 kl.): Posobie dlya uchiteley. – 3-e izd., dop. i ispr. – M.: Prosveschenie, 1977. – 352 s.
9. Prepodavanie istorii v 5 klasse: Posobie dlya uchitelya. – M.: Prosveschenie, 1985. – 207 s.
10. Razdatochnyy illyustrativnyy material po istorii Drevnego mira dlya 5 klassa i metodicheskoe rukovodstvo k nemu: Uchebno-naglyadnoe posobie. – M.: Prosveschenie, 1986. – 64 kartochki na 20 listah.
11. Metodicheskoe posobie po istorii Drevnego mira: Posobie dlya uchitelya. – M.: Prosveschenie, 1988. – 318 s.
12. Aplikatsii po istorii Drevnego mira i metodicheskoe rukovodstvo k nim: Uchebno-naglyadnoe posobie. – M.: Prosveschenie, 1991. – 53 s.; XVIII kompozitsiy.
13. Tutmos. Illyustrirovannaya seriya «Istoriya v kartinkah». Dlya mladshogo shkol'nogo vozrasta. – M.: Izdatel'skiy Tsentr detskoj knigi, 1994. – 31 s.
14. Padenie Rima. Illyustrirovannaya seriya «Istoriya v kartinkah». Dlya mladshogo shkol'nogo vozrasta. – M.: Izdatel'skiy Tsentr detskoj knigi, 1994. – 31 s.
15. Zadaniya i zadachi po istorii Drevnego mira: Posobie dlya uchitelya. – M.: Prosveschenie, 1996. – 144 s.
16. Istoriya Drevnego mira i Srednih vekov. Spravochnye materialy. 5–6 klassy. – M.: Drofa, 1997. – 127 s. (V soavtorstve s I.S. Sventsitskoy.)
17. Istoriya Srednih vekov: Uchebnik dlya 6 klassa obsheobrazovatel'nyh uchrezhdeniy. – M.: Drofa, 2002. – 2-e izd., 2003. – 320 s. (V soavtorstve s G.A. Rtischevoy.)
18. Istoriya Srednih vekov. 6 klass: Rabochaya tetrad'. — M.: Drofa, 2003. — 128 s. (V soavtorstve s G.A. Rtischevoy.)
19. Istoriya Srednih vekov: Uchebnik dlya 6 klassa obsheobrazovatel'nyh uchrezhdeniy. – 2-e izd. – M.: Prosveschenie, 2007. – 288 s. (V soavtorstve s A.A. Vigasinym i G.A. Rtischevoy.)
20. Rabochaya tetrad' po istorii Srednih vekov. 6 klass. – M.: Prosveschenie, 2006. – 96 s. (V soavtorstve s G.A. Rtischevoy.)
21. Istoriya Drevnego mira. Rabochaya tetrad'. 5 klass: V 2-h vypuskah. – Vyp. 1: Zhizn' pervobytnyh lyudey. Drevniy Vostok. – 13-e izd., dorab. – M.: Prosveschenie, 2009. – 80 s.

22. Istoriya Drevnego mira. Rabochaya tetrad'. 5 klass: V 2-h vypuskah. – Vyp. 2: Drevnyaya Gretsiya. Drevniy Rim. – 13-e izd., dorab. – M.: Prosvetshenie, 2009. – 80 s.

23. Metodicheskoe posobie po istorii Drevnego mira. 5 klass: Posobie dlya uchitelya. – 2-e izd. – M.: Prosvetshenie, 2009. – 352 s.

24. Istoriya Drevnego mira: Uchebnik dlya 5 klassa obsheobrazovatel'nyh uchrezhdeniy. – 16-e izd. – M.: Prosvetshenie, 2009. – 287 s. (V soavtorstve s A.A. Vigasinym i I.S. Svetsitskoy.)

25. Istoriya Srednih vekov. Pourochnye razrabotki. 6 klass: Posobie dlya uchitelya. – M.: Prosvetshenie, 2009. – 240 s.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ / REVOLUTIONARY MOVEMENTS

А.В. Ушаков

Учителя и врачи России в общественно-политическом движении конца XIX – начала XX веков

Статья посвящена двум группам интеллигенции учителям и медицинским работникам (врачам, фармацевтам). Автор приводит материал об их профессиональных объединениях, съездах, участии в политических партиях, формах протеста против царского самодержавия. Говорится о борьбе правительства с оппозиционными и революционными выступлениями учителей и врачей.

Ключевые слова: интеллигенция; профессиональные объединения; съезды учителей и врачей.

Ushakov, Anatoly V.

Teachers and Medical Employees of Russia in the Social and Political Movement at the Turn of the XXth Century

The article deals with two groups of intelligentsia: teachers and medical employees (physicians, pharmacists). The author adduces the material on their professional societies, congresses, participation in political parties, forms of protest against the tsarist autocracy and speaks about the struggle of the government against the oppositional and revolutionary actions of teachers and medical employees.

Key-words: intelligentsia; professional societies; congresses of teachers and medical employees.

Г.Г. Касаров

Политическая борьба меньшевиков за Центральные органы партии в 1903–1904 годах

В статье рассматривается политическая борьба меньшевиков против большевиков за руководящие органы партии, за Совет партии, ЦК и ЦО, анализируется

положение в РСДРП в 1903–1904 годах. Приводятся многие, ранее не известные архивные данные.

Ключевые слова: меньшевики; большевики; партийная борьба.

Kasarov, Georgy G.

Political Struggle of Mensheviks for the Central Bodies of the Party in 1903–1904

In the article political strike for the central bodies of the RSDRP party, the Party Council, the Central Committee, etc. between the factions of Mensheviks and Bolsheviks in 1903-1904 is considered. The article also analyzes the party life in the years 1903–1904, providing the reader with a lot of archival sources which have never been revealed before.

Key-words: Mensheviks; Bolsheviks; party struggle.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ / ECONOMIC HISTORY

И.А. Соколов

Чай и чайная торговля в России в XIX – начале XX веков

Статья посвящена истории чая в XIX – начале XX веков. Рассказано о значении чая в русской культуре. Показан объём поставок чая на русский рынок. Дано определение термина «цибик». Показаны также цены чая для конечного потребителя.

Дано писание архивов, источников и литературы. Указаны ошибки исследователей. Рассказано о рекламе чая.

Ключевые слова: Чайная торговля; чаеторговцы; Китай; накопление капитала.

Sokolov, Ivan A.

Tea and Tea Trade in Russia in the XIXth – the beginning of the XXth Century

The article is devoted to the history of tea in the XIXth – the beginning of the XXth century. The article speaks about the importance of tea in Russian culture, providing the reader with data on the volume of deliveries of tea to the Russian market, the definition of the term «cibic» and the prices of tea for the final consumer.

The article also gives a description of the archives, sources and literature. Some mistakes of the previous researches are analyzed. Tea advertising is also considered.

Key-words: tea trade; tea-traders; China; accumulation of the capital.

**ИСТОРИЯ РОССИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА /
HISTORY OF RUSSIA OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD**

С. А. Репинецкий

**Санкт-Петербургский комитет иностранной цензуры
в борьбе с крамолой (1856–1860 гг.)**

Статья посвящена деятельности цензуры иностранных изданий в России накануне отмены крепостного права. Новизна подхода автора состоит в том, что исследована проблема характера применения на практике норм цензурного Устава к различным произведениям и мотивировки запрещения и разрешения заграничных изданий. Источниковую базу составляют архивные документы фонда Санкт-Петербургского комитета иностранной цензуры.

Ключевые слова: цензура; иностранная цензура; Российская империя.

S.A. Repinetsky

**Foreign Censorship Committee of St. Petersburg
in Combating Seditious (1856–1860)**

The article is devoted to the problems of censorship of foreign publications in Russia on the eve of the abolition of serfdom. The novelty lies in the investigation of the problem of the practical application of the censorship rules of the Charter and the motivations of the prohibition and permission of foreign publications. The source base consists of archive documents of the Fund of the St. Petersburg Committee of Foreign Censorship.

Keywords: censorship; foreign censorship; the Russian Empire.

**ИСТОРИЯ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА /
HISTORY OF RUSSIA OF THE SOVIET PERIOD**

Л.А. Боева

Ликвидация партий социалистов органами ГПУ–ОГПУ в годы нэпа

В годы нэпа была выработана и осуществлена широкая программа практической деятельности партийных органов и спецслужбы по ликвидации оппозиционных партий социалистов. Используя органы ГПУ–ОГПУ как инструмент своей политики, применяя крайне жесткие и ничем неоправданные меры, руководство РКП (б) сумело к концу нэпа ликвидировать открытую политическую оппозицию и монополизировать сферу легальной политики.

Ключевые слова: ГПУ–ОГПУ; нэп; оппозиционные партии социалистов.

Боева, Lyubov A.

Liquidation of Socialist Parties by GPU-OGPU in the Years of NEP

In the years of NEP a wide programme of practical activity of party bodies and special service for the liquidation of socialist parties was worked out and realized. Using GPU-OGPU as an instrument of its policy and putting into practice cruel and unjustified measures, the Leaders of the RCP (b) managed to liquidate open political opposition and monopolize the sphere of legal policy towards the end of NEP.

Key-words: GPU-OGPU; NEP; oppositional socialist parties.

Рябцева Р.Н.

Московская городская детская комиссия: опыт инспекторской деятельности

В статье раскрывается такая малоизученная сторона комплекса мероприятий по охране детства в 1920–1930-е гг. как деятельность Московской городской детской комиссии при Президиуме Моссовета. Работа Комиссии по инспектированию учреждений и организаций рассматривается как исторический опыт успешной реализации задачи налаживания системы социальной защиты детей. Автором привлечены ранее не публиковавшиеся архивные материалы фондов Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО) и Центрального архива города Москвы (ЦАГМ).

Ключевые слова: охрана детства; беспризорность; безнадзорность; общество «Друг детей».

Ryabtseva, Rossia N.

The Moscow City Children's Commission: Experience of Inspection Activity

The article highlights the least known aspect of the complex actions for child care in 1920-1930th, namely the activity of the Moscow City Children's Commission at the Presidium of the Moscow Council. The activity of the Commission in the field of inspecting various establishments and organizations is viewed upon as a historical experience of the successful realization of the system of children's social protection. While writing this article the Author uses archival materials of the funds of the Central State Archives of the Moscow Region and the Central Archives of Moscow which have not been published before.

Key-words: child care; homelessness; neglect; society «Children's Friend».

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / HISTORY OF CULTURE

Ю.Д. Акашев

Понятие Родины у древних росов

Статья посвящена проблеме формирования у русского народа понятия Родины на начальной стадии его существования. На основании данных сравнительного языкознания, фольклора, этнографии обосновывается новая гипотеза происхождения названия Русской земли и русского народа. Доказывается, что понятие Родины у русского народа является таким же древним, как и сам народ. Оно формировалось одновременно с формированием этнического самосознания древних росов и имело сакральный смысл.

Ключевые слова: русский народ; древняя Русь; Родина; этноним «росы»; русская мифология, формирование этносов.

Akashev, Yuri D.

The Idea of the Native Land of the Ancient Russian People

The article analyzes the problem of forming an idea of the native land by the Russian people in the ancient period his history. The author uses data of comparative philology, folk-lore, and ethnographer and grounds the new version of the genesis of the name of Russian land and Russian people. He proves that the Russian idea of the native land is very ancient. It was formed at the time when ethnic self-consciousness was formed, and it had sacred meaning.

Key-words: Russian people; ancient Russia; native land; ethnic name «Ross»; Russian mythology; ethnic genesis.

А.Б. Давыдова

Храмы Сераписа в Египте: социокультурный контекст

В ходе археологических исследований ученые доказали, что в Египте греко-римского периода храмы Сераписа строились как по античному, так и по египетскому канону. Автор данной статьи, изучая археологические, эпиграфические и папирологические источники, пытается ответить на вопрос о причине этого явления. Он приходит к следующему выводу. Очень многое зависело от того, кто (государство или частные лица) финансировал строительство храма, а также от места его расположения.

Ключевые слова: Серапис; Серапеум; Александрия; эллинизм.

Davydova, Alla B.

Social and Cultural Context of Sarapis' Temples in Egypt

Scholars, who conduct archaeological work in Egypt, proved that both Egyptian and Greek temples of Sarapis were built there in Greco-Roman times. The author of the present article, while studying archaeological, epigraphic and papyrus sources, tries to find out a reason for this phenomenon. She comes to the conclusion that many things depended on the development owner (a temple could be built by a private person or by the Roman authorities) and the temple's location.

Keywords: Sarapis; Serapeum; Alexandria; Hellenism

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ / HISTORICAL SOURCES

С.П. Карпачев

Интернет-ресурсы как источник изучения современного масонства

В статье автор предпринимает попытку обобщить свой опыт использования Интернет-источников при изучении современного западного и отечественного масонства. Анализируя веб-сайты масонских орденов, он приходит к выводу, что они достаточно адекватно отражают сущностные принципы современного «королевского искусства».

Ключевые слова: Интернет-источники; масонство; масонские ордена; масонские сайты.

Karpachev, Sergei P.

Internet Resources as Sources for Studying Modern French Masonry

The author of the article tries to generalize his own experience of using Internet resources for studying modern western and native masonry. Analyzing web-sites of Masonic orders, the author concludes that they adequately reflect the main points of modern «royal art» (French masonry).

Key-words: Internet-resources; masonry; Masonic orders; Masonic sites.

ИСТОРИОГРАФИЯ / HISTORIOGRAPHY

А.А. Платонова

Городские сословия XIX века в постсоветской историографии

В статье анализируется опыт изучения социальной истории русского города XIX века в работах российских историков постсоветского периода. Ав-

тор освещает тенденции, подходы и основные результаты современных исследований.

Ключевые слова: социальная история; русский город; постсоветская историография.

Platonova, Aleksandra A.

City Estates of the XIXth Century in Post-Soviet Historiography

The article analyzes the experience of studying the social history of the Russian city of the XIXth century by post-Soviet historiography. The author highlights the tendencies, methods and results of modern researches.

Key-words: social history; Russian city; Post-Soviet historiography.

ЮБИЛЕЙ / JUBILEE

А.Ю. Воронцова, Ф.А. Михайловский

Научно-методические труды Г.И. Годера

Сообщение посвящено творческой деятельности Г.И. Годера, ведущего методиста и педагога. Авторы рассказывают о его методических трудах, написанных с 1955 г. по настоящее время.

Ключевые слова: Г.И. Годер; преподавание истории.

Vorontsova, Anna Y. , Mikhailovsky, Fyodor A.

Scientific and Methodical Works Written by G.I. Goder

The report is devoted to the creative activities of G.I. Goder, the outstanding teacher. The authors speaks about his main methodical works written since 1955 to the present day.

Key-words: G.I. Goder; teaching history.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2009, № 2 (4)**

Акашев Юрий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ.

Боева Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ.

Воронцова Анна Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова.

Давыдова Алла Борисовна — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ.

Карпачев Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор, заместитель декана исторического факультета по отделению «Связи с обществом» МГПУ.

Касаров Георгий Георгиевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ.

Михайловский Фёдор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ.

Платонова Александра Андреевна — аспирант общеуниверситетской кафедры истории МГПУ.

Репинецкий Станислав Александрович — аспирант общеуниверситетской кафедры истории МГПУ.

Рябцева Россия Николаевна — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ.

Соколов Иван Алексеевич — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ.

Ушаков Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ.

Чернова Марина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ.

**Authors / МСРВ Vestnik,
Series «Historical studies», 2009, № 2 (4)**

Akashev Yuri Dmitrievich — Doctor of History, professor of МGPU (akashevud@yandex.ru).

Boeva Liubov Aleksandrovna — Candidate of History, assistant professor of МGPU (boevala@mail.ru).

Vorontsova Anna Yur'evna — Candidate of History, assistant professor of Sholokhov МGPU (ugodnikova@mail.ru).

Davidova Alla Borisovna — Post-graduate of МGPU

Karpachev Sergei Pavlovich — Doctor of History, professor of МGPU (Karpa@mgpu.ru).

Kasarov Georgi Georgievich — Doctor of History, professor of МGPU (Kasarov@mgpu.ru)

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, professor of МGPU (Opus-posth@mail.ru)

Platonova Aleksandra Andreevna — Post-graduate of МGPU (platonovaa@mail.ru)

Repinetsky Stanislav Aleksandrovich — Post-graduate of МGPU

Ryabtseva Rossija Nikolaevna — Post-graduate of МGPU (rrusina@yandex.ru).

Sokolov Ivan Alekseevich — Post-graduate of МGPU (s-hist@mail.ru).

Ushakov Anatoly Vasilievich — Doctor of History, professor of МGPU (Ushakov@mgpu.ru).

Chernova Marina Nikolaevna — Candidate of History, assistant professor of МGPU (Chernova@mgpu.ru).

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета ГОУ ВПО МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Статья объемом не менее 0,5 а.л. и не более 1 а.л. (40 тыс. знаков) должна быть напечатана на бумаге формата А4.; поля страницы: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм; выравнивание по ширине; абзацный отступ — 15 мм; в тексте, таблицах, формулах и иллюстрациях следует применять шрифты: Times New Roman, Arial, Courier New, кегль — 14, межстрочный интервал 15 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набирают: латинскими буквами в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом.

2. К статье должна быть приложена ее электронная версия на следующих носителях: CD-R; CD-RW; DVD-R; DVD-RW; USB flash в форматах Microsoft Word, RTF. Весь текст рукописи должен быть сохранен в одном файле.

3. Перед названием статьи (не более 7 слов) указываются инициалы и фамилия автора (авторов). После названия статьи должна следовать краткая аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении. Ключевые слова и словосочетания (не более 5) разделяются точкой с запятой.

4. В конце каждой статьи следует список литературы на русском и на английском языках. Литература дается в алфавитном порядке. Ссылки на нее оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [10: с. 81], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, приведенного в конце статьи, а вторая — номер страницы источника; кроме этого может указываться том, параграф, книга. Например: [5: Т. II, с. 60], [5: § 5, с. 60], [5: кн. 5, с. 60].

5. **Рисунки, графики, схемы** должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

Выделения в тексте делаются светлым курсивом, жирным курсивом и жирным шрифтом. Подчеркивания исключаются!

6. **Библиографические ссылки на электронные ресурсы** нужно делать внутритекстовые в круглых скобках. Например: (Русское православие: [сайт]. URL: <http://www.orhto-rus.ru/>), (URL: <http://www.bashedu.ru/encicle.htm>).

7. **Библиографические ссылки на архивные документы** следует делать внутритекстовые ((НБА РКП.Ф.1.0п.19 Ед.хр.8); (БГАДА. ф. 210 (Разрядный приказ. Разрядные вязки. Вязка 1.4.1) № 10. Л. 1-64)).

Иностранные издания в списке литературы идут после русских изданий и следуют тем же правилам оформления.

8. **Примечания.** Если примечания даются в конце страницы, то нумерация ограничивается пределами страницы. Если идет сквозная нумерация через весь текст, то примечания помещаются в конце статьи. В этом случае вначале идет раздел «Примечания», а затем раздел «Литература».

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

10. К статье прилагается информация об авторе (авторах) (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы) на русском и английском языках, контактный телефон и электронный адрес.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 2 (4), 2009

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор *В.В. Рябов*

Составитель:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
Р.Д. Смирнова
Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 20.10.2009 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж: 1 000 экз.